

С.И. Руденко

Культура хуннов и Ноинулинские курганы.

// М.-Л.: 1962. 206 с.

Глава I.

Погребения хуннов.

Основным источником для изучения культуры хуннов являются их могильники, в меньшей степени их поселения, поскольку хунны вели подвижный образ жизни.

Впервые хуннские могильники были исследованы Ю.Д. Талько-Грынцевичем, который в 1896 и 1897 гг. произвёл раскопки Суджинского могильника в Ильмовой пади в Забайкалье, по среднему течению реки Суджи, в 10 км к востоку от слободы Усть-Кяхта. В 1900 г. тем же исследователем были произведены раскопки Дэрестуйского могильника, расположенного на левом берегу реки Джиды в быв. Селенгинском округе Забайкальской области, в 3 км к югу от быв. почтовой станции Дэрестуйской. В 1901 г. Ю.Д. Талько-Грынцевичем раскопки Дэрестуйского могильника были продолжены. [1] Раскопки в Ильмовой пади в 1944 г. были продолжены Г.П. Сосновским. [2] Названные могильники состояли из большого количества погребений. Так, в Суджинском могильнике насчитывалось 214 могил, а в могильнике Дэрестуйском не менее 260 погребений. Среди них имеются большие покрытые камнями курганы с «хвостом», или «шлейфом» (дромосом), большинство же — рядовые прямоугольные, примыкающие к большим курганам могилы, имеющие плоскую, едва заметную насыпь из камней и земли с неглубокой впадиной, в результате, по всей вероятности, ещё в древности произведённых раскопок этих могил. В этих грунтовых могилах на глубине от 1.5 до 4 м обычно находится бревенчатый сруб, покрытый бревенчатым настилом, а внутри сруба — досчатый гроб. Настил однослоистый, в редких случаях двухслойный. Сруб из 2-3 венцов четырёхугольный, от 1.7 до 3.5 м в длину и от 0.6 до 1.4 м ширины, ориентированный с севера на юг. Четырёхугольный гроб в северной головной части обычно значительно шире, чем в южной. Его размеры 1.7-2.0 м длины, 0.5-0.8 м ширины. Умершие клались на спину с вытянутыми ногами и руками параллельно туловищу, головой на север.

Большие курганы, погребения знатных лиц, как увидим ниже, в основном мало отличаются от погребений рядовых из соплеменников.

Хуннские могильники, раскопанные в Забайкалье, подробно описаны исследователями этих могильников. Из курганов Ноинулинской группы только №24, исследованный С.А. Теплоуховым, описан во всех подробностях, [3] сведения же об остальных имеются только в отчётах С.А. Кондратьева [4] и только теперь публикуются.

В связи с особым значением раскопок Ноинулинских курганов для истории культуры хуннов на их описании я остановлюсь подробно.

Горы Ноин-Ула — местное монгольское название Цзун-модэ — расположены в Северной Монголии примерно в 100 км к северу от Улан-Батора и в 10-15 км к востоку от дороги Улан-Батор — Кяхта (рис. 1). Горы эти представляют собой

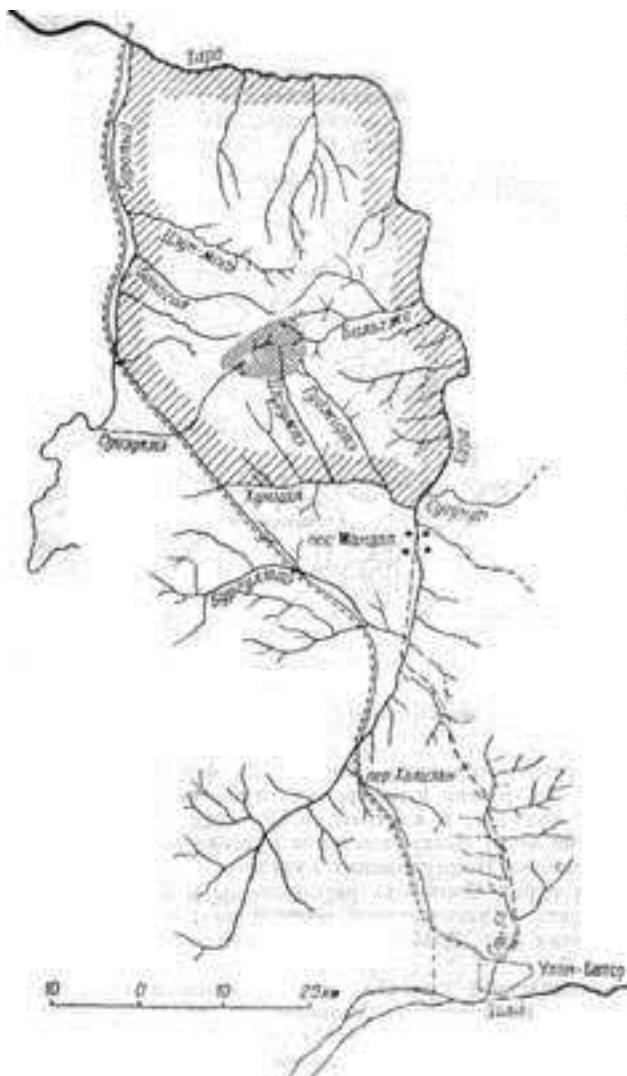

Рис. 1. Горы Ноин-Ула.
Граница горного массива обведена штриховкой.
Могильное поле мелко заштриховано.

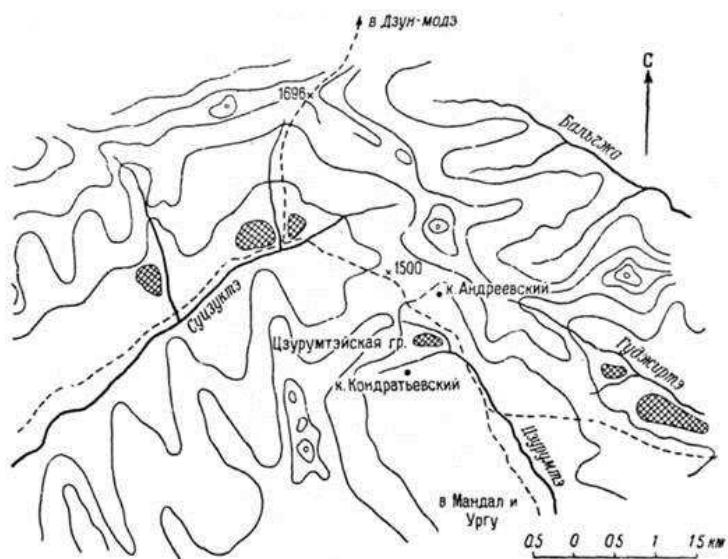

Рис. 2. План могильников: Суцзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ.

гранитный массив, пронизанный кварцевыми жилами с большим или меньшим содержанием золота.

Летом 1912 г. техник золотопромышленного общества Монголор Е. Баллод, приняв один из раскопанных до него курганов в горах Ноин-Ула за выработку на золото, проник в погребальное помещение этого кургана и найденные там предметы отослав в Иркутский музей. Очевидец работ Баллода О.Я. Енсо своим рассказом об этом заинтересовал могильниками Ноин-Ула находившуюся в 1924 г. в Улан-Баторе Монголо-Тибетскую экспедицию. Начальник экспедиции П.К. Козлов командировал своего помощника С.А. Кондратьева в горы Ноин-Ула для предварительной рекогносировки. Посетив 25 февраля 1924 г. этот курган, С.А. Кондратьев обнаружил в центре его глубокую воронку и уходящий вниз деревянный сруб колодца, в верхней своей части пустой, ниже заполненный льдом. К расчистке этого «Баллодовского» кургана было приступлено 24 марта. Так начались раскопки Ноинулинских курганов.

Могильники в горах Ноин-Ула расположены в трёх лесистых впадинах — Гуджиртэ, Цзурумтэ (Благочестивое приношение) и Суцзуктэ (Молитвенная). Во всех могильниках (рис. 2) Монголо-Тибетской экспедицией учтено 212 курганов.

Помимо Баллодовского кургана, находящегося в Цзурумтэйской группе, экспедицией раскопаны курганы: Андреевский, расположенный особняком на гребне узкого увала в 0.6 км к северу от Цзурумтэйского могильного поля, и Кондратьевский — в 0.35 км к югу от того же поля. Остальные

курганы были раскопаны в Суцзуктэйской группе (рис. 3): в её центральной части (курганы №№23-25), в восточной (курган №6) и в южной части (курган №1 — «Мокрый»). Курганы раскапывались под наблюдением С.А. Кондратьева, за исключением кургана №24, исследованного С.А. Теплоуховым. Экспедицией курганы раскапывались («разрабатывались») колодцем, т.е. закладкой шурфа 2.2x2.2 м в центре кургана без его вскрытия. Этим шурфом проникали в погребальную камеру, что, естественно, не давало возможности сколько-нибудь удовлетворительно иссле-

(8/9)

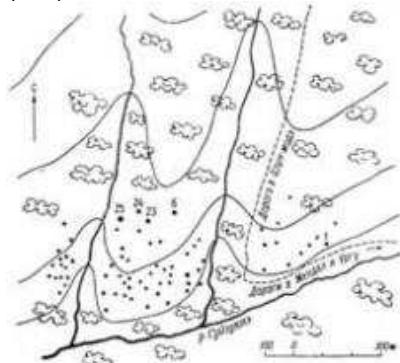

Рис. 3. Могильник в пади Суцзуктэ.

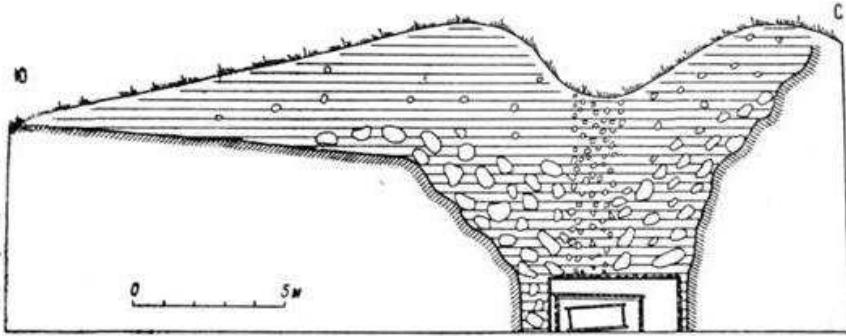

Рис. 4. Разрез Ноинулинского кургана №24.

довывать памятник. Поэтому описание Ноинулинских курганов мы начинаем с кургана, раскопанного и детально изученного С.А. Теплоуховым.

Курган, раскопанный С.А. Теплоуховым (№24), имел прямоугольную, близкую к квадрату (14×15 м) насыпь и был расположен на северном склоне Суцзуктэйской пади (рис. 4). Курган ориентирован своими сторонами по странам света. Поскольку курган был сооружён на склоне пади, высота его насыпи в южной, части достигала 1.5 м, в северной 0.5 м. Его поверхность над могильной ямой была более или менее горизонтальной. К южной стороне квадратной насыпи кургана примыкала сравнительно узкая и длинная (5×12 м) насыпь, постепенно поникающаяся к югу. Края квадратной насыпи кургана, как и боковые части примыкающей с юга длинной узкой насыпи, были обложены каменными глыбами, местами выступающими на поверхность (табл. I, 1). Камни располагались в не-

(9/10)

сколько рядов и были положены по краю могильной ямы на грунте. По середине кургана была яма-воронка, дно которой лежало более чем на метр ниже окружающего курган горизонта почвы. Узкая насыпь, о которой была речь выше, примыкающая с юга к квадратной насыпи кургана, прикрывала глубокий раскоп, постепенно поникающийся с юга к могильной яме.

Могильная яма и раскоп были завалены землёй (разноцветными глинами), немногочисленными камнями, мелким щебнем и прослойками разрушенного почвенного покрова. Могильная яма размером 12×13 м и глубиною около 9 м была вырыта крутыми уступами. В южной стенке более отлогие уступы шли снизу только до середины глубины ямы и примыкающего к ней раскопа. Раскоп этот, или вход в могильную яму, был, очевидно, использован не только при сооружении в ней погребальной камеры, но и для внесения покойника (табл. I, 2).

В кургане был обнаружен грабительский ход, шедший от дна воронки в центре кургана в вертикальном направлении к центру погребального сооружения. Он почти сплошь был завален камнями.

Погребальное сооружение было обнаружено на глубине 7 м (табл. II и III). Оно состояло из двух камер: наружной и внутренней (рис. 5 и 6), строго ориентированных, как и могильная яма, по странам света.

Во внутренней камере находился гроб. Всё погребальное сооружение так же, как и гроб, сделаны из соснового дерева. Дерево, в общем, сохранилось хорошо, только верхняя часть наружной камеры сильно пострадала. Пол камеры лежал на двух четырёхугольных брусьях,

ориентированных в меридианном направлении, и состоял из 15 хорошо пригнанных четырёхугольных в разрезе плах шириной 9-12 см, положенных поперек брусьев.

ТАБЛИЦЫ I-LXXXI

Таблица I

На полу был поставлен бревенчатый сруб (3×4.4 м при высоте 1.8 м); короткие его стенки (северная и южная) врублены в длинные (восточную и западную).

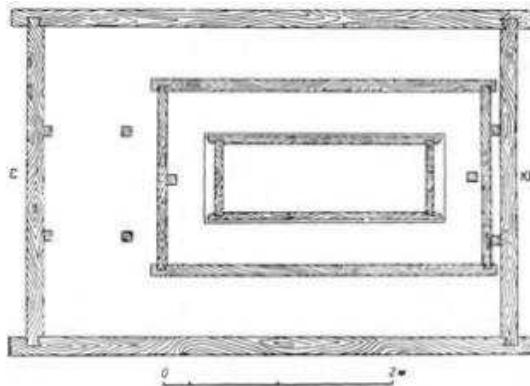

Рис. 5. План погребальной камеры Ноинулинского кургана №24 на дне могильной ямы.
[\(Открыть Рис. 5 в новом окне\)](#)

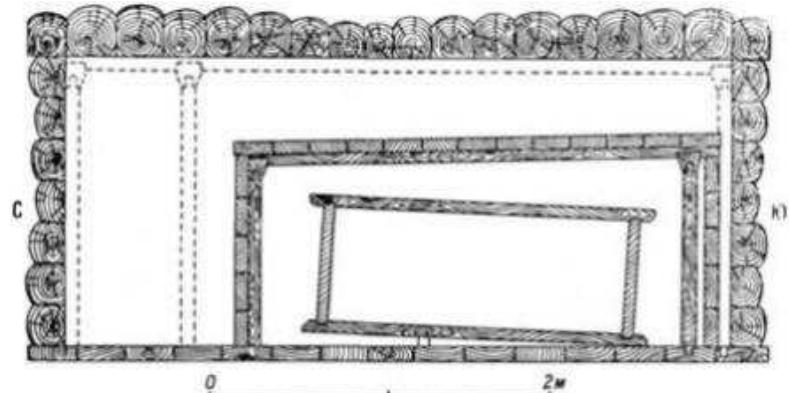
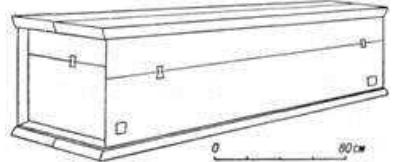

Рис. 6. Разрез погребальной камеры Ноинулинского кургана №24.
[\(Открыть Рис. 6 в новом окне\)](#)

Изнутри и с боков брёвна были стёсаны. Сверху камера была закрыта потолком из 18 брёвен, стёсанных так же, как на стенках. Потолок лежал на стенках и двух матицах. Последние поддерживались шестью колонками (почти квадратными в сечении), укреплёнными в полу и заканчивающимися капителями. Грабителями в южной части крыши было прорублено круглое отверстие диаметром в 1 м.

Внутри наружной камеры, примыкая к южной её стене, находилась внутренняя камера размером 1.7x3.0 м, высотою 1.22 м. Стены внутренней камеры построены из хорошо пригнанных одна к другой плах и скреплены в углах таким же образом, как стены наружной камеры. На стенах внутренней камеры лежал потолок из поперечно положенных плах, поддерживаемый продольной матицей на двух колонках. Колонки стояли внутри камеры у южной и северной стены.

Рис. 7. Перспективный чертеж гроба из Ноинулинского кургана №24.

В северной и западной стенах грабителями были прорублены небольшие отверстия в поисках, по-видимому, коридора между стенами камер, где, по всей вероятности, помещалась значительная часть погребального инвентаря.

Гроб (разм. 0.77x2.16 м, выс. 0.85 м) стоял посередине внутренней камеры (рис. 7). Под ним, ближе к северному концу, сохранился поперечный четырёхугольный в разрезе деревянный брус.

Дно гроба было сделано из двух толстых досок. Из пар досок состояли и стенки, причём короткие одним четырёхугольным зубцом входили в соответствующие им пазы длинных стенок. Крышка гроба, имевшая пазы для всех четырёх стенок, была сорвана грабителями и в значительной мере разрушена. И она, по-видимому, состояла из двух досок. Доски гроба скреплялись сфугованными краями и внутренними шпеньками, вставлявшимися в гнёзда прилегающих одна к другой досок. Для прочности шпеньки закреплялись в досках поперечными

деревянными стерженьками и, кроме того, у стыка досок с обеих сторон вкладывались в соответствующие гнёзда суженные посередине деревянные пластинки (рис. 8).

Нижние грани дна гроба на длинных сторонах, ближе к концам, имели по два симметрично расположенных вдавления, по-видимому, для верёвок при опускании гроба.

Аналогичная конструкция погребального сооружения и гроба с небольшими отклонениями была установлена С.А. Кондратьевым и в исследованных им больших курганах.

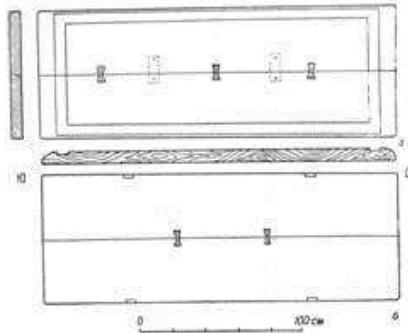

Рис. 8. Чертёж досок гроба из Ноинулинского кургана №24. а — внутренняя поверхность дна гроба; б — продольная,

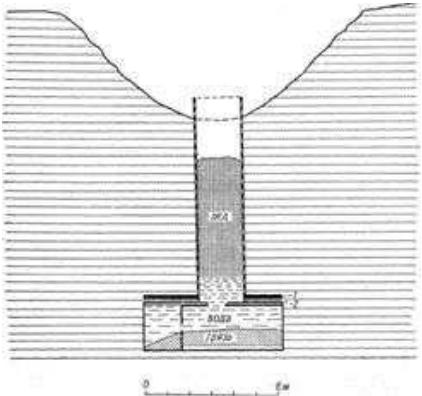
или боковая, стенка гроба.

Курган Баллодовский, расположенный на склоне береговой террасы в средней части Цзурумтэйской группы, из числа восьми оказался самым большим из Ноинулинских курганов. Основание его квадратной насыпи со сторонами, ориентированными по странам света, 35x35 м и высота насыпи 3.2-3.5 м. К южной его стороне примыкает вал шириной 10.8 м, на расстоянии 8 м от кургана, суживающийся до 9.35 м. Длина этого вала не установлена. С.А. Кондратьев, посетивший этот курган 25 февраля 1924 г., обнаружил в центре этого кургана глубокую воронку и на дне её уходящий вниз деревянный сруб, выложенный Баллодом. В верхней части сруб был пустой, в нижней заполнен льдом (рис. 9). Последующими раскопками установлено, что лед начинался на глубине 2.73 м от верхнего края сруба и кончался на глубине 5.52 м. Ниже обнаружилась вода, которая заполнила всё погребальное сооружение, в нижней же его части оказалась грязь. Сооружение состояло из наружной и внутренней погребальных камер. Шурф Баллода вёл в центр внутренней камеры. Оттуда исследователи через отверстие, прорубленное Баллодом в стенке внутренней камеры, проникли в северную часть наружной камеры. Остатков гроба не оказалось. Обмеры погребального сооружения дали следующие результаты.

(12/13)

Внутренние размеры наружной камеры 3.8x5.87 м при высоте 2.13 м (7 брёвен); толщина стен наружной камеры 16-17 см. Внутренние размеры внутренней камеры 2.14x4.27 м при высоте 1.51 м (5 брёвен); толщина стен внутренней камеры 15-16 см. Внутренняя камера была поставлена у южной стены, и пространства между стенками камер — коридоры оказались следующей ширины: северный — 1.6 м, западный — 0.68 м и восточный — 0.68 м. Под полом внутренней камеры из 15 брёвен толщиной 10 см, находящемся на глубине 11.3 м, была подложена матица толщиной 20 см. Потолок внутренней камеры из 15 же брёвен,

Рис. 9. Разрез Баллодовского кургана.

такой же толщины, как и пол, поддерживался 8 стойками и матицей толщиной 16 см (рис. 10 и 11). [5]

Курган Андреевский, расположенный к северу от кургана Баллодовского, также имел квадратную форму со сторонами около 23 м, но его западная и восточная стороны были не прямые, а выпуклые. В отличие от других курганов отсутствовал и «хвост» у южной стороны. Высота насыпи около двух метров. В центре кургана — воронка диаметром 8.75 м и глубиною 0.7 м. В насыпи оказалось мало камня.

При раскопках этого кургана на небольшой глубине от дна воронки обнаружен слой мерзлоты толщиной 1.40 м (раскопки производились в конце мая). На глубине 8.07 м показался бревенчатый настил. Направление брёвен настила было меридианное. Над настилом и в щелях его были найдены немногочисленные предметы. Погребение оказалось однокамерным.

Курган Кондратьевский, расположенный к югу — юго-западу от Баллодовского, по своим размерам уступал только этому последнему. Стороны стен квадратной насыпи были около 26 м, высота 1.3 м. Длина навала камней у южной стороны кургана 17.5 м. Диаметр воронки в центре кургана 8.75 м при глубине 0.7 м.

Часть предметов была найдена на глубине 4.78 м. На глубине 5.34 м от дна воронки показались отесанные и тщательно пригнанные одно к другому брёвна потолка, лежащие на трёх массивных матицах. Как выяснилось при дальнейших

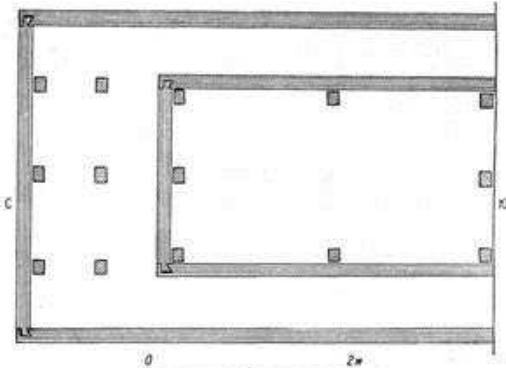

Рис. 10. План погребальной камеры Баллодовского кургана на дне могильной ямы.

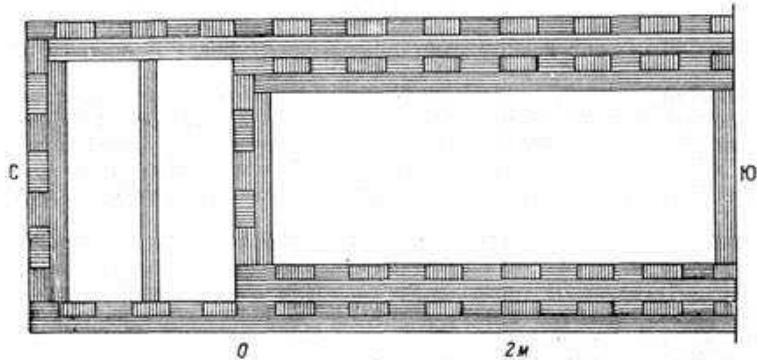

Рис. 11. Разрез погребальной камеры Баллодовского кургана.

работах, на дне могильной ямы, на глубине около 7 м, на полу из толстых плах были поставлены наружная и внутренняя погребальные камеры. Размеры наружной камеры были 3.7x5.3 м при высоте 1.8 м, а внутренней — 2x3.75 м при высоте 1.5 м. Число венцов в срубах из брусьев наружной камеры было 6, а внутренней 5. Ширина брусьев около 30 см и толщина 8 см. Потолок наружной камеры, кроме стены, лежал на трёх матицах.

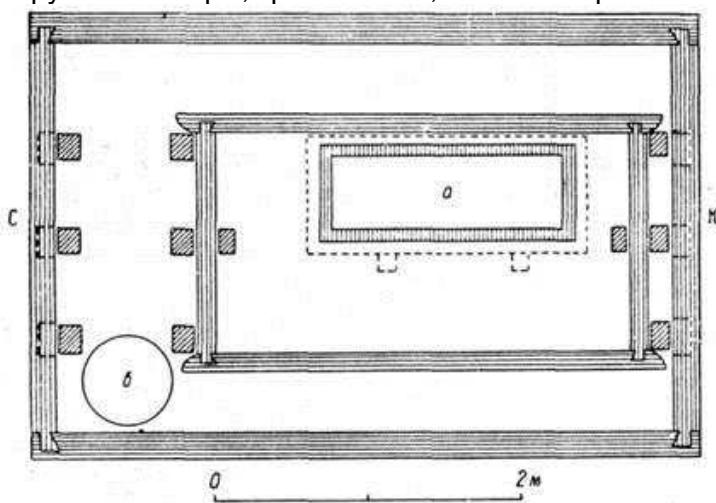

Рис. 12. План погребальной камеры Ноинулинского кургана №1 на дне могильной ямы.

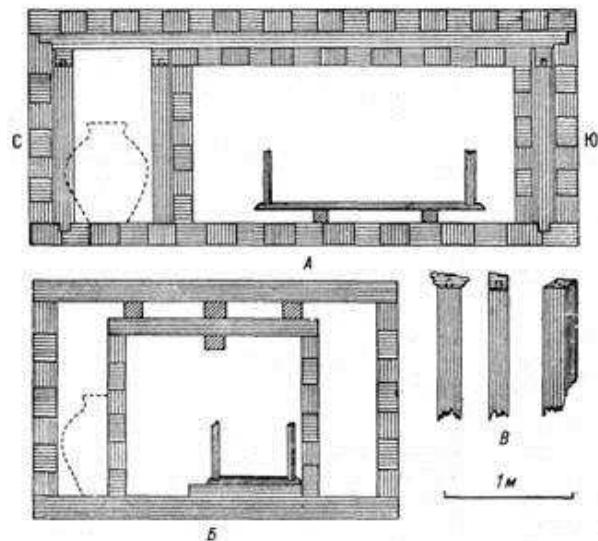

Рис. 13. Разрез погребальной камеры Ноинулинского кургана №1.

А — в меридианном направлении; Б — в широтном направлении; В — остатки капителей на стойках.

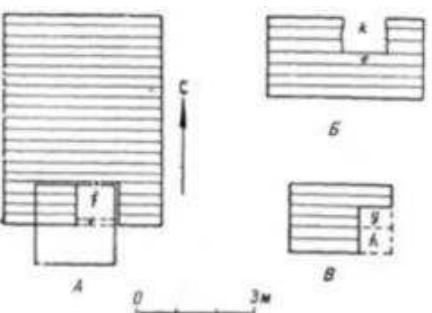
Курган №1, или Мокрый, находящийся в восточной части Сузуктэйской группы, расположенный на высоте всего 4 м над тальвегом реки, оказался в зоне грунтовых вод, что весьма затрудняло раскопку этого кургана, отчего он и получил название Мокрого. Стороны квадрата насыпи этого кургана были 21.9 м, высота насыпи 1.25 м в северной части и 1.56 м в южной. Ширина навала из камней, примыкающего к южной стенке кургана, 8.6 м, в 8 м от кургана — 6.1 м, в конце — 4.6 м. Длина навала 21 м. У основания кургана и по краям навала, или «хвоста», обнаружена основательная каменная кладка. Диаметр воронки в центре кургана 7.73 м, глубина 1.73 м. Раскопки были начаты в конце марта. После того как был пройден слой мерзлоты, на глубине 1.26 м появилась вода и раскопки

Рис. 14. Курган №6. Ноин-Ула.

А — план сверху наружной погребальной камеры: 1 — грабительское отверстие в потолке; е — четвёртое снизу бревно; большой квадрат — шурф экспедиции.

Б — южная стенка наружной погребальной камеры: к — грабительское отверстие в ней; е — четвёртое снизу бревно.

В — южная стена внутренней камеры: г — отверстие, прорубленное грабителями.; х — отверстие, прорубленное экспедицией.

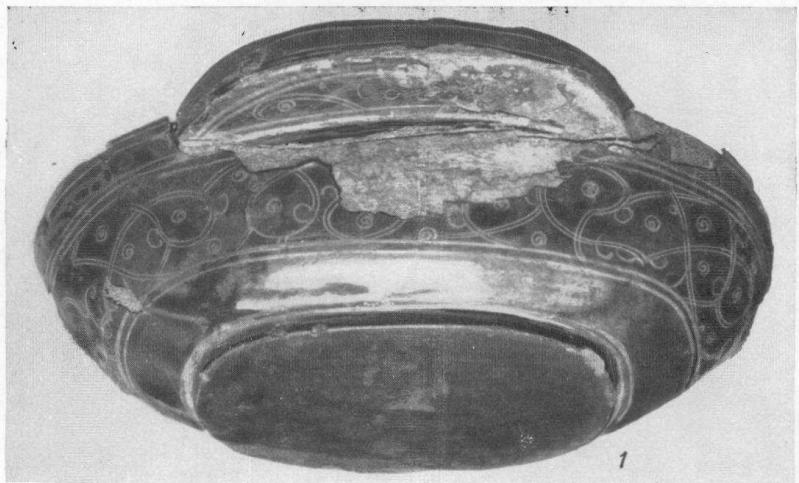

были прекращены; в дальнейшем курган был доследован в два приёма. На полу из 18 брёвен, на дне могильной ямы, на глубине 10.1 м от дна воронки кургана стояла внутренняя камера размером 1.55x3 м, высотою 1.45 м. Стены камеры были образованы шестью венцами брёвен. Потолок внутренней камеры, состоящий из 14 брёвен, лежал на стенах камеры и на одной матице. Внутри камеры стоял гроб размером 0.74x1.94 м; высота гроба не определена. Размеры наружной камеры были 2.9x4.6 м при высоте 1.75 м. Стены были сложены семью венцами брёвен толщиной 20 см. Потолок наружной камеры из 21 бревна, толщиною 15-17 см каждое, лежал на трёх матицах (рис. 12 и 13).

Несмотря на то, что центральная часть камеры провалилась, хорошо сохранились стены и детали конструкции погребальных камер. В кургане №1 было обнаружено следующее. Почти весь пол внутренней камеры был устлан войлочным ковром, не достигая лишь северной стены. Ковёр, на котором стоял гроб, подобен ковру, найденному в кургане №6, с теми же мотивами узора, но беднее по выполнению. На нижней поверхности дна гроба сохранилось лаковое покрытие с изображением летящего гуся (табл. XLVIII, 2; LXXI, 3). Возможно, что узорным лаком был покрыт весь гроб. Небольшой коврик лежал на полу посредине западного коридора, а на южной внутренней стене наружной камеры над полом были прикреплены длинные полосы материи.

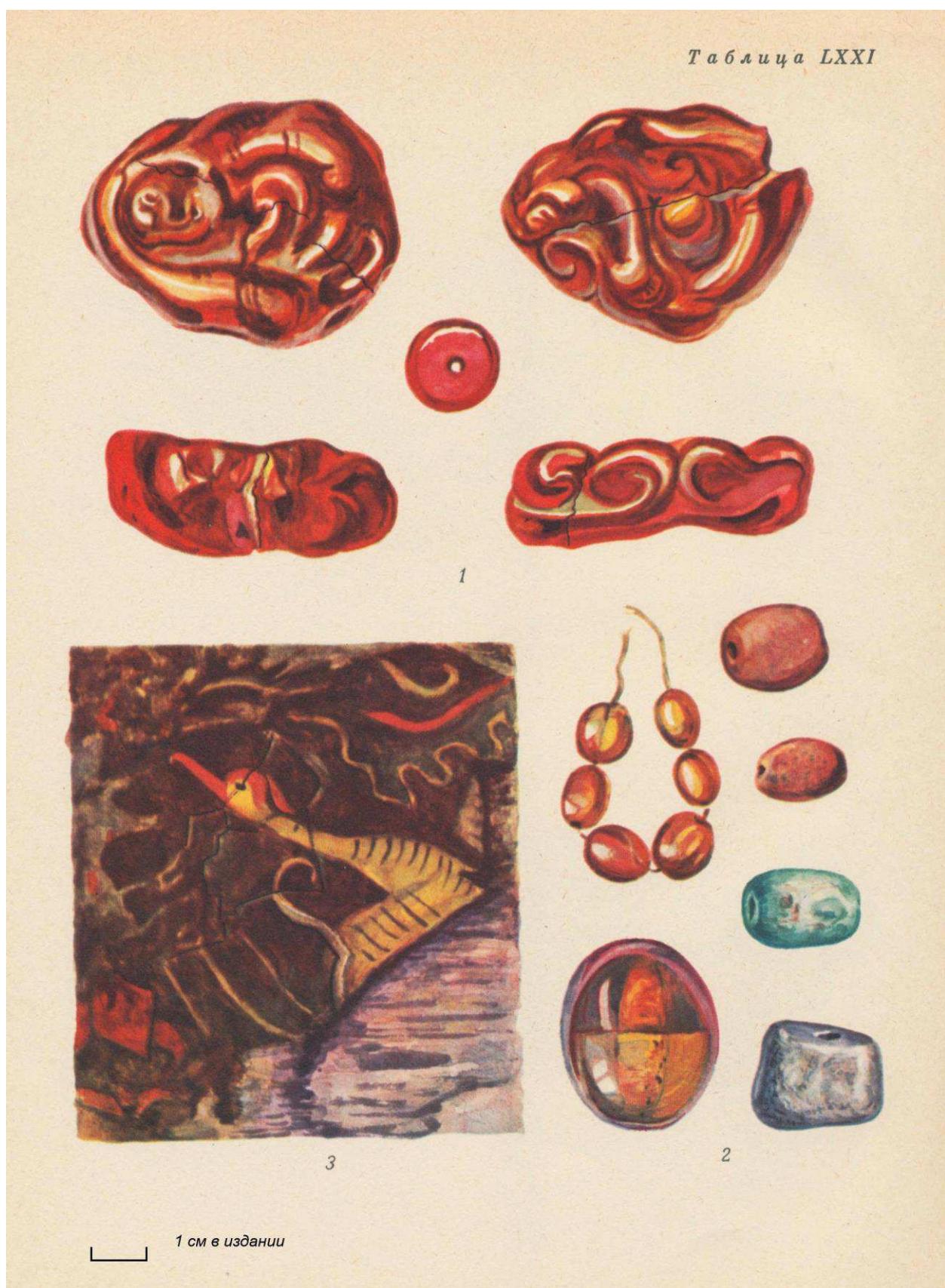
Курган №6 (Верхний) в северной части центральной группы Суцуктэйского могильника имел форму квадрата со сторонами 24.5 м и насыпью высотою 1.62-1.95 м. Навал над дромосом у южной стороны кургана был шириной 9.25 м и длиной 22.5 м. По сторонам квадрата и навала имелась каменная кладка. Стороны квадратной насыпи строго ориентированы по странам света. Диаметр воронки в центре кургана 8.57 м, её глубина 2.04 м.

Таблица XLVIII

1 см в издании

Таблица LXXI

Как и другие курганы, курган №6 экспедицией копался колодцем 2.15x2.15 м. Потолок наружной камеры обнаружен на глубине 11.03 м от дна воронки. При проходе значительное количество камней попадалось до глубины 4-5 м. Грабительским лазом исследователи проникли в южную часть наружной камеры — в южный коридор погребального сооружения, в котором было найдено большин-

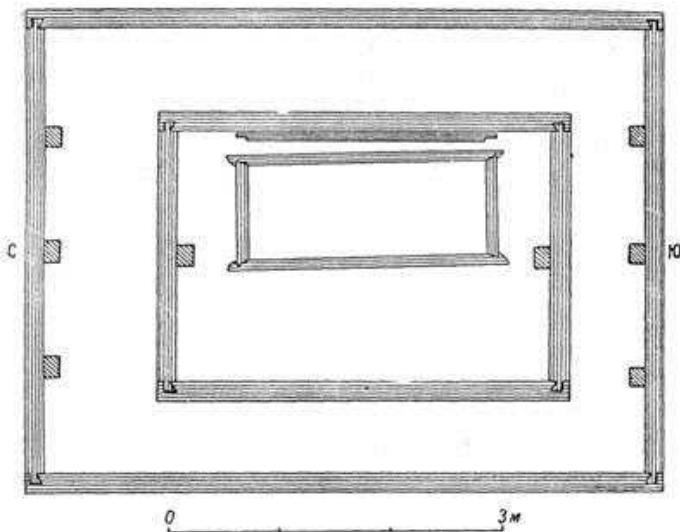

Рис. 15. План погребальной камеры Ноинулинского кургана №6 на дне могильной ямы.
лл

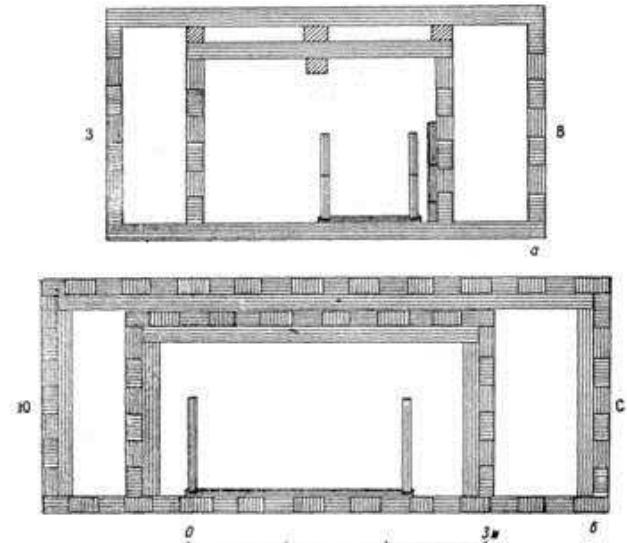

Рис. 16. Разрез погребальной камеры Ноинулинского кургана №6: а — в шпротном направлении; б — в меридианном направлении.

ство вещей. Стены коридора были задрапированы тканями. Пол камеры был покрыт ковром. Во внутреннюю камеру грабители прорубили окно в восточной части южной стенки. Экспедиция прорубила ещё два бревна внутренней камеры (рис. 14). На полу этой камеры в меридианном направлении стоял гроб, слегка сдвинутый с места. Крышка была снята с гроба и поставлена на длинное ребро между гробом и восточной стенкой камеры.

Внутренние размеры наружной камеры 3.96x5.34 м при высоте 1.98 м. Толщина стен наружной камеры, состоящей из семи венцов, 17 см. Толщина потолка наружной камеры, состоящей из 20 брёвен, 15 см.

Размеры внутренней камеры 2.23x3.31 м при высоте 1.66 м. Толщина стен внутренней камеры, состоящей из шести рядов брёвен, была такая же, как и наружной. Толщина 13 брёвен потолка внутренней камеры была 13 см. Потолок наружной камеры лежал на трёх матицах, покоящихся на шести стойках с капителями (рис. 15), а внутренней камеры — на одной. Сечение матиц, поддерживающих потолок наружной камеры, было 15x17 см, а матицы под потолком внутренней камеры — 13x15 см. Пол на дне могильной ямы на глубине 13.15 м, на котором стояли камеры, состоял из 20 брёвен. Все брёвна были отёсаны со всех сторон, исключая верхней стороны брёвен потолка наружной камеры (рис. 16).

Гроб, сделанный из досок толщиной 6-8 см, имел размеры 0.98x2.29 м при высоте 0.9 м. Все стенки гроба и дно состояли из двух досок, а крышка из трёх. Доски гроба скреплены шпеньками. На досках гроба обнаружены слабые следы лака и краски (рис. 17).

Из находок особого внимания заслуживают шерстяное покрывало потолка наружной камеры и лежавший под гробом знаменитый войлочный ковер со сценами нападения и борьбы животных.

Шерстяная ткань с вышитыми на ней растительным орнаментом и изображениями различных животных лежала непосредственно на потолке наружной камеры, прикрывая почти всю его поверхность. Сверху она была покрыта толстым

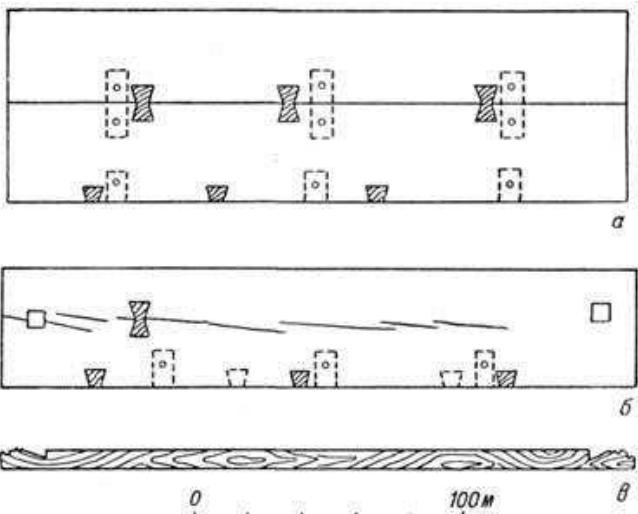

Рис. 17. Детали конструкции гроба Ноинулинского кургана №6:
а — 2/3 крышки гроба; б — верхняя доска восточной продольной стенки гроба; в — её профиль.

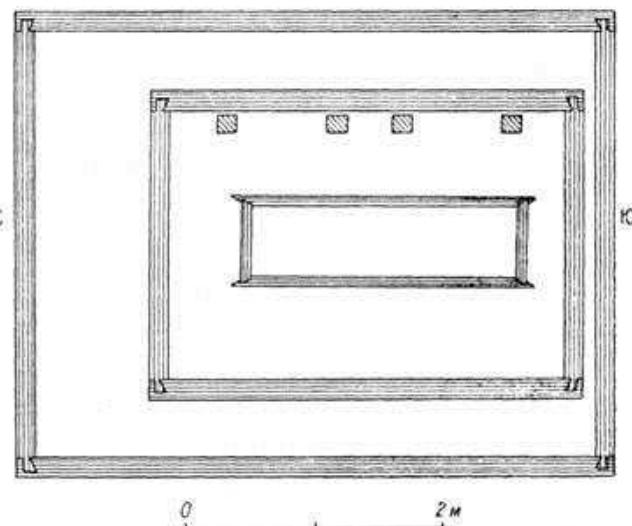

Рис. 18. План погребальной камеры Ноинулинского кургана №23 на дне могильной ямы.

войлоком, а над ним лежал слой толщиною 4-6 см из мелких спрессованных сучьев, листьев бруслики, шишек лиственницы и сосны.

Курган №23 находился в северной части Сузуктэйского центрального могильного поля. Его квадратная насыпь со сторонами 18.4 м с северной стороны была высотой 0.83 м, а с южной до 1.4 м. Диаметр воронки в центре кургана 4.5 м, глубина 0.75 м, ширина навала камней у южной стороны кургана 8.27 м и длина его 17.5 м. С внешней стороны насыпи кургана и его южного хвоста находилась солидная каменная кладка. Колодец в центре кургана, заложенный при раскопках, был размером 2.2x2.2 м. На пятом метре от дна воронки появилась вода (исследование кургана производилось в июне и июле), постепенно просачивающаяся

в колодец. На глубине 6.1-6.4 м обнаружено большое количество зубов верблюда. Потолок был разрушен, и всё сооружение оказалось заполненным глинистой грязью, в которой найдены зёрна проса. В гробу недоставало крышки и верхней доски западной его стенки.

Пол погребальной камеры был обнаружен на глубине 10.2 м. Внутренние размеры наружной камеры были 3.22x4.31 м при высоте стен, состоящих из шести брёвен, 1.63 м. Внутренняя камера стояла на расстоянии 12 см от южной стенки наружной камеры. Её внутренние размеры были 2x2.48 м при высоте стен, состоящих из пяти брёвен, 1.41 м. Ширина северного коридора 85 см, восточного — 43 и западного — 45 см (рис. 18).

Толщина стен наружной камеры 15-17 см, а внутренней 13-15 см. Размеры гроба 0.80-0.82x2.28 см при высоте внутри гроба 85-90 см (рис. 19 и 20).

Из приведённых чертежей гробов из Ноинулинских курганов (рис. 7, 8, 18-20) видно, что конструкция их была одна и та же во всех курганах и притом строго выработанная. Можно думать, что у хуннов были специалисты плотники, не только сооружавшие погребальные камеры, но и умелые гробовщики. Обращает на себя внимание приём скрепления досок при помощи X-образных пазов на стыке досок и прорезывания прямоугольных отверстий в досках для скрепляющих шипов.

(19/20)

Курган №25 находился близ кургана №23 и исследованного С.А. Теплоуховым кургана №24. Размеры сторон его квадратного основания 18.4 м при высоте насыпи в северной части 0.4 м и в южной 1.41 м. Диаметр воронки в центре кургана 4.91 м при глубине 0.94 м. Ширина каменного навала у южной стенки кургана 6.64 м, на расстоянии 6 м от этой стенки — 5.2 м, а на расстоянии

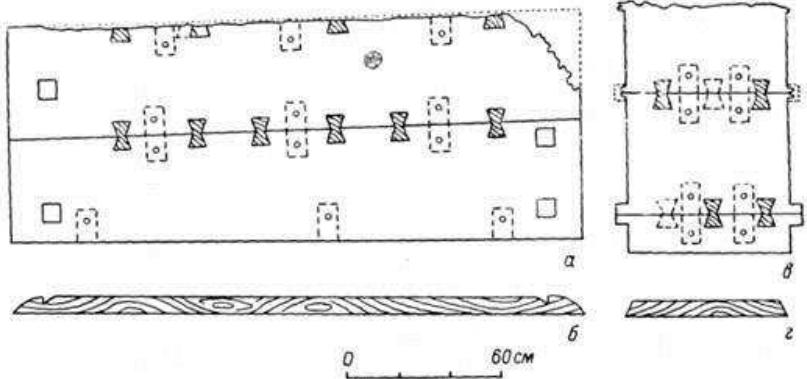
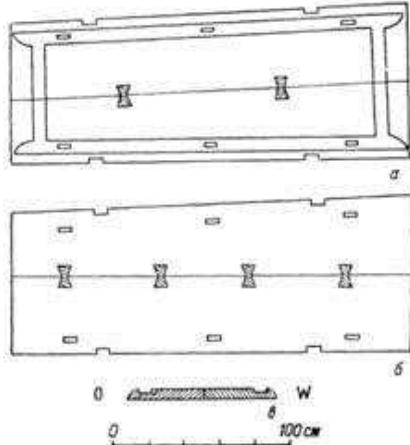
12 м от неё — 4.1 м. Длина навала 18 м. В насыпи обнаружено большое количество камней. На глубине 1.4 м от дна воронки оказалась мерзлота (исследование кургана производилось в июле и августе), простиравшаяся на 70 см. На глубине 7.8 м от дна воронки обнаружен пол погребальной камеры. Её внутренние размеры оказались 3.11x4.27 м. Ширина восточного коридора 48 см.

Подводя итог данным о конструкции больших Ноинулинских курганов, характерным внешним признаком которых является квадратная насыпь со сторонами, ориентированными строго по странам света, и «хвостом» у южной стороны насыпи, сооружения эти представляются в следующем виде.

Выкапывалась могильная яма квадратной формы с крутыми уступами всех стен, кроме южной, более пологой. Так, могильная яма кургана №24 у верхнего края имела размеры 12x13 м; размеры же наружной погребальной камеры были всего 3x4.4 м с незначительными (не более 70 см) расстояниями между стенами могильной ямы и наружной погребальной камеры. Глубина могильной ямы колебалась от 6 до 13.15 м. С южной стороны в могильную яму прокапывался ход первоначально пологий, а затем довольно круто спускающийся в яму. Длина такого хода была различна — от 12 до 22.5 м. Поверхностная ширина этого хода в начале была довольно узкой, порядка 4-5 м, по мере же приближения к могильной яме она расширялась до 10.8 м. Следовательно, стенки этого хода были пологими.

На дне могильной ямы на лежках настипался пол в среднем из 18 толстых плах, и на нём устанавливалась двойная камера с гробом во внутренней камере. Камеры строились вне могильного поля, в разобранном виде привозились к могильной яме, в которой собирались. Надо полагать, что, начиная с нижних венцов, обе камеры устанавливались в могильной яме одновременно. Менее вероятно, что первоначально ставилась наружная камера, а затем и внутренняя. Узкая южная стенка внутренней камеры касалась южной стенки наружной камеры, между остальными стенками камер оставалось более или менее значительное пространство (коридоры). Число венцов сруба внутренней камеры 5-6, наружной камеры 6-7. После того как во внутренней камере был поставлен гроб, её покрывали потолком из 13-15 брёвен или плах, причём потолок лежал не только на стенах камеры, но и на матицах концами, врезанными в брёвна верхнего венца камеры и опирающимися на стойки с капителями. Полы застилались

(20/21)

коврами, стены драпировались тканями. В коридорах помещались различные вещи покойника, после чего настипался потолок наружной камеры из 18-21 брёвна или плахи. Последний также лежал на стенках камеры и на матицах, поддерживаемых стойками. Детали конструкции погребальных сооружений в курганах можно видеть на рис. 4-6, 10-13, 15, 16 и 18.

По-видимому, после того как могильная яма и вход в неё частично были засыпаны землёю, совершилась тризна. Об этом свидетельствуют находки костей верблюда и углей в засыпке

кургана. До окончательного заполнения могильной ямы и входа в неё по их контуру делалась выкладка из крупных камней (каменных глыб), затем вход в могильную яму заполнялся камнями, а яма и насыпь над ямой — землёй с камнями. Судя по исследованию насыпи кургана №24, площадь могильной ямы на уровне почвы была незначительно меньше площади насыпи кургана, и чем больше была его насыпь, тем больше была и могильная яма. О её размерах у дна можно судить по размерам наружной камеры.

Для всех камер Ноинулинских курганов представилась возможность установить:

1. Все стойки внизу оканчиваются шипами, которые входят в соответствующие пазы в полу (рис. 21, в).
2. Вверху стойки заканчиваются капителями (рис. 21, а).
3. Матицы под потолком наружной камеры не только поддерживались стойками, но концами (рис. 21, б) были вставлены в особые углубления, выдолбленные в брёвнах верхнего венца наружной камеры.
4. Скрепление стен наружной камеры было такое же, как и внутренней, причём брёвна северной и южной стен выступали за пределы сруба.

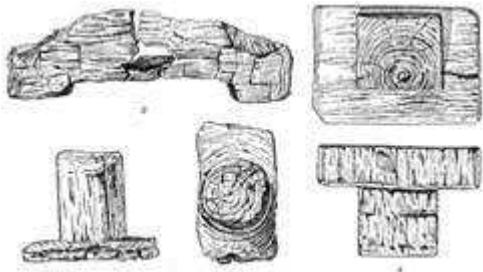
Детальное ознакомление с конструкцией погребальных камер и гробов Ноинулинских курганов указывает, как уже отмечалось, не только на большое плотничье мастерство, но и на единую строго применяемую технику при постройке этих сооружений. Вероятно, что гробы и погребальные камеры для знатных хуннов были работой китайских мастеров. В пользу такого предположения можно сослаться и на покрытие гробов лаком с художественными изображениями. Во всяком случае, описанные сооружения были хорошо известны китайцам. В Шицзи сообщается, что хунны «покойников хоронят в гробе; употребляют

наружный и внутренний гробы, облачение из золотой и серебряной парчи и меховое». [6]

Характерной особенностью всех исследованных Ноинулинских курганов является их единство. Эта общность сказывается не только в их внешнем облике, в форме могильной ямы, но и в деталях устройства погребальных камер и даже гробов. Получается такое впечатление, что все они сооружались не только одним и тем же племенем, но и одними и теми же мастерами. Отсюда можно сделать вывод, что они мало отличались один от другого по времени. Этому не противоречит и обнаруженный в них погребальный инвентарь. Благодаря счастливой

Рис. 21. Капители Ноинулинских курганов (1/4 нат. вел.).

а — капитель стойки, поддерживающей крышку камеры кургана №24; б — верхний конец наружной деревянной стойки кургана №6; в — нижний конец наружной деревянной стойки камеры кургана №6.

случайности, находке в Ноинулинском кургане №6 китайской лаковой чашечки с двумя надписями, абсолютная датировка этого кургана может быть достаточно точно установлена. Надписи эти, прочитанные японским археологом Умэхарой, сообщают следующее. Одна из них на донышке указывает, куда чашечка предназначалась, — в один из дворцов в Шан Лин. Вторая надпись по ободку донышка указывала дату изготовления чашечки и имена мастеров: «сентябрь 5-го года Цзянь Нин; изготовитель Ван Тан Чин, живописец Хуо, изготовитель И, верховное наблюдение имел Бянь-у». Из этой надписи следует, что Ноинулинский курган №6 был сооружён в начале н.э., и А.Н. Бернштам по ряду соображений предполагает, что в данном случае мы имеем дело с погребением хуннского шаньюя Учжулю, умершего в 13 году н.э. [7]

Таким образом, наиболее вероятная датировка всех исследованных Ноинулинских курганов — рубеж н.э.

В последние годы в Тувинской автономной области было вскрыто несколько погребений, которые их исследователями считаются хунскими. [8] Их погребальный инвентарь ничем особым не

отличается, и к хуннским их относят, по-видимому, потому, что погребённые лежали в гробах. Предметы, найденные в этих могилах, принадлежат к числу широко распространённых в данную эпоху, керамика же, за исключением грубых сосудов ([табл. XXVI](#), 1-3), существенно отличается от керамики хуннов Забайкалья и Северной Монголии.

Заслуживает внимания относительно хорошая сохранность вещей в Ноинулинских курганах. Курганы эти расположены на высоте 1400-1500 м над уровнем моря на той же примерно широте, что и горноалтайские курганы скифского времени. Между тем, в то время как горноалтайские большие курганы оказались промёрзшими до дна, [\[9\]](#) в Ноинулинских курганах постоянной мерзлоты не наблюдалось. Последнее объясняется относительно большей глубиной захоронения в Ноинулинских курганах и отсутствием большой каменной насыпи над курганом. Насыпь над этими курганами и меньших размеров, и состоит из камней вместе с землёй. Всё же при суровости климата в горах Ноин-Улы большие курганы на значительную глубину в зимнее время промерзали, что и благоприятствовало относительно хорошей сохранности погребального сооружения и находящихся в нём вещей. Если бы эти курганы не были ограблены с прорубкой отверстий в потолках и оставшейся после ограбления воронкой в центре кургана, сохранность погребений была бы ещё лучше.

С.А. Теплоуховым [\[10\]](#) было высказано предположение, не ухуаньцами ли были ограблены Ноинулинские курганы, исходя из сообщения в Хоуханьшу о том, что между 77 и 74 гг. до н.э. «ухуаньцы... раскопали могилы хуннских шаньюев». [\[11\]](#) Между тем, насколько мы знаем, все сколько-нибудь значительных размеров хуннские погребения и почти все рядовые ограблены, а когда именно, с точностью не установлено. Во всяком случае, ни одного не потревоженного захоронения знатного лица ни на Алтае, ни на территории, населенной хуннами, до сих пор не обнаружено. Показательно, что и там и здесь могилы раскапывались в поисках драгоценностей, главным образом изделий из ценных металлов — в первую очередь из золота, и оружия. Одежда, ценные, с нашей точки зрения, ткани, ковры и другие предметы грабителей не интересовали. Значительная их часть осталась в могилах. Любопытно, что, как и на Алтае, в Ноинулинских курганах часть вещей была обнаружена в пределах грабительского лаза. Вещи из погребальных камер, по-видимому, извлекались на дневную поверхность, там они просматривались и ненужные бросались обратно в могилу.

Большие Ноинулинские курганы принято считать погребениями хуннских шаньюев. Что в больших курганах захоронены представители хуннской знати, в этом нет сомнений, но совсем не обязательно, чтобы все они были погребениями шаньюев. Это тем менее вероятно, что в некоторых курганах, например в кургане №24, была погребена женщина.

[\[1\]](#) Ю.Д. Талько-Грынцевич, 1898, 1900, 1902; Г.П. Сосновский, 1946.

[\[2\]](#) В последующем изложении при ссылках на вещи из раскопок в Ильмовой пади Ю.Д. Талько-Грынцевича указывается, что они из Суджинского могильника, а те, которые добыты Г.П. Сосновским, помечаются как происходящие из Ильмовой пади, хотя и те и другие из одного и того же могильника.

[\[3\]](#) С.А. Теплоухов, 1925.

[\[4\]](#) Архив Института археологии Академии наук СССР, 1925, №68, д. №29.

[\[5\]](#) Вещей, найденных в кургане, было мало. Часть вещей из этого кургана была приобретена экспедицией у вдовы Баллода, кроме находящихся в Иркутском музее.

[\[6\]](#) Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 50 (Шпци). Цитаты из Шицзи, Цяньханьшу, Таншу и Хоуханьшу приводятся мною в переводе Н.Я. Бичурина.

[\[7\]](#) А.Н. Бернштам, 1937.

[\[8\]](#) А.Д. Грач, 1960; Л.Р. Кызласов, 1958; С.И. Вайнштейн и В.П. Дьяконова, 1960.

[\[9\]](#) См. о причинах оледенения горноалтайских курганов в моей работе «[Культура населения Горного Алтая в скифское время](#)», стр. 18-20.

[\[10\]](#) С.А. Теплоухов, 1925, стр. 22.

[\[11\]](#) Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 144 (Хоуханьшу).

Глава II. Хозяйство хуннов.

Китайские хроники дают краткую, но яркую характеристику основных занятий хуннов эпохи Хань. «Обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота содержат больше лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочёвывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде... по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотою и тем пропитываются... Не имеют ни городов, ни осёдлости, ни земледелия, но у каждого есть отдельный участок земли». [1]

Из приведённой цитаты видно, что основным занятием хуннов было скотоводство. Оно в значительной мере определяло их подвижный образ жизни. Вековая борьба хуннов с соседними народностями в значительной мере определялась потребностью в расширении пастбищных угодий. При военных столкновениях лошади и овцы являлись основной добычей победителей. Гибель скота вследствие чрезмерных снегопадов, лишавших животных возможности добывать себе корм, или засух имела неизбежным следствием массовую смертность среди населения от голода и сопутствующих ему болезней.

В хозяйстве хуннов лошадь, вне всякого сомнения, играла первостепенную роль. Она была необходима не только как средство передвижения, но и для охраны стад, для облавных охот и военных предприятий. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, когда на зимнее время не заготавливались корма для скота, лошадь имела ещё и то преимущество, что она могла табеновать, т.е. в течение круглого года находиться на подножном корме.

Судя по костям, находимым в хуннских погребениях, лошади в массе были типичными монгольскими табунными. Небольшого роста, коренастые, грубого, но мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой. Судя по изображениям таких лошадей (из Забайкалья и области Ордоса), их гривы подстригались, хвосты заплетались. Вместе с тем, у хуннов разводились лошади и «лучших пород» — высокорослые, легкоаллюрные, подобные тем, которые были обнаружены при раскопках могил вождей племён на Алтае. [2] Подобные лошади изображены на одной из тканей из Ноинулинских курганов (табл. LXIII). Такими, по-видимому, были те тысячелетние кони (современное значение ли равно 576 м), или аргамаки, о которых упоминают китайские

Таблица LXIII

исторические записки. Лошади хуннов были различных мастей: белые, серые, вороные и рыжие. Упоминаются также тёмно-серые и полосатые (чубарые).

Крупный рогатый скот хуннов состоял преимущественно из быков, но у них были и яки, или сарлыки. Кости быка, в значительном количестве обнаруженные в могилах, наибольшее сходство имеют с породами степных быков, в частности калмыцких. Костей и шерсти яков (*Poephagus sp.*) в хуннских погребениях пока не найдено, но одна из костей этого животного обнаружена на Иволгинском городище. К тому же изображения яков в ряде произведений искусства хуннов (табл. XXXVI, 3; XXXVII, 3) является подтверждением наличия в их стадах и яков.

При раскопках хуннских погребений кости барана (*Ovis aries*) находились так же часто, как и кости быка. Судя по войлочным и другим шерстяным изделиям, у хуннов, как и у племён Алтая скифского времени, одновременно разводились как грубошёрстные, так и весьма тонкорунные овцы, тонина пуха которых достигала 10 микрон в диаметре.

В могилах Ильмовой пади были обнаружены кости и обыкновенной козы (*Capra hircus*).

Сообщения китайских исторических записок о том, что у хуннов имелись верблюды, подтверждаются находками костей верблюда (*Camelus bactrianus domesticus*) в одном из Ноинулинских погребений (курган № 23) и на Иволгинском городище.

В трёх погребениях Ильмовой пади обнаружены черепа собак (*Canis familiaris*). Их порода оказалась обычной для степных собак, с довольно короткой мордой, близкой к современным монгольским собакам. Кости двенадцати особей взрослых собак найдены и на Иволгинском городище. Две из них типа овчарки.

Пребывание на подножном корме скота в течение круглого года обусловило пастбищно-кочевое хозяйство, но эти перекочёвки не носили беспорядочного характера. Каждый род передвигался со своими стадами на строго определённой территории, находящейся в ведении его главы.

Климатические условия на территории обитания хуннов в рассматриваемое время были примерно те же, что и в наше время, — характеризовались сравнительно небольшими осадками и континентальностью. Поэтому бывали засухи в течение нескольких лет подряд. В Хоуханьшу особо отмечается год, когда в земле хуннов из-за засухи и налёта саранчи земля на несколько тысяч ли лежала голая, деревья и травы посохли; в результате наступил голод, при котором погибла большая половина населения. [3] Всё же при большей по сравнению с современной нам увлажнённостью Монголии на рубеже н.э. хозяйство хуннов больше страдало от обильных зимних снегопадов, при которых пасущийся скот не мог добыть себе пищи.

Несмотря на то, что в рассматриваемую эпоху скотоводство было ведущей формой хозяйства хуннов, весьма существенную роль в их быту имела и охота, особенно облавная, которую неправильно было бы рассматривать только как подсобное занятие. Предки хуннов, вне сомнения, были охотничьями племенами, и заниматься скотоводством они начали только в течение первого тысячелетия до н.э. или немного раньше. Охота не утратила своего экономического значения и в эпоху Хань. Не случайно в Шицзи сообщается: «Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков; а несколько подросши стреляет лисиц и зайцев». [4]

Помимо лисиц и зайцев, судя по находимым костям в погребениях Забайкалья и на городищах, промысловыми животными хуннов были: благородный олень, лось, горный баран, антилопа, косуля, кабан. Добывались также соболи, мехами которых были украшены одёжды, найденные в шестом Ноинулинском кургане. Из птиц при раскопках найдены кости глухаря.

Основными охотничьями орудиями были лук со стрелами и копьё или рогатина. Судя по находкам в курганах, в том числе и Ноинулинских, у хуннов были сложные луки до 140 см длиною [5] и укреплённые семью роговыми накладками: четырьмя концевыми и тремя срединными. Накладки концевые имели слегка изогнутую форму с вырезом для тетивы лука (табл. IV, 3, 4). Срединных накладок было три: одна верхняя была дугообразной формы (табл. IV, 2) и две боковые в виде длинных пластин (табл. IV, 1). Дугообразно изогнутые луки имели наибольший изгиб посередине и слегка отогнутые кверху концы, как это видно на концевых накладках. Вследствие сильной изогнутости луков при стрельбе тетива не касалась кисти левой руки, держащей лук. Поэтому у хуннов не было особых защитных приспособлений, повязывающихся на мышечке левой руки.

Древки стрел изготавливались из берёзового дерева, оперялись орлиными хвостовыми перьями и имели костяные или железные наконечники (табл. IV, 5-8). В Ноинулинском кургане № 6 было найдено оперение древка стрелы длиною 11.5 см с обрезанным наружным краем пера так, что посередине его ширина была около 1 см, к концам же сводилась на нет. Отказ одного из хуннских шаньюев (Учжулю-жоди) уступить Китаю определённый участок земли мотивировался тем, что «на этом клине растёт очень хороший лес, годный на древки для стрел, и водятся орлы, коих перья употребляются на опушку стрел». [6] Хотя железными наконечниками оснащались главным образом боевые стрелы, возможно, они имелись и у стрел охотничьих. Охотничьи стрелы оснащались костяными наконечниками самых разнообразных форм: черенковыми с копьевидным остриём (табл. IV, 5; рис. 22, и), копьевидными с расщеплённым черенком (табл. IV, 6; рис. 22, е, ж), в котором укреплялся заострённый конец древка; наконечниками в форме ивового листа с таким же вильчатым основанием (рис. 22, а,

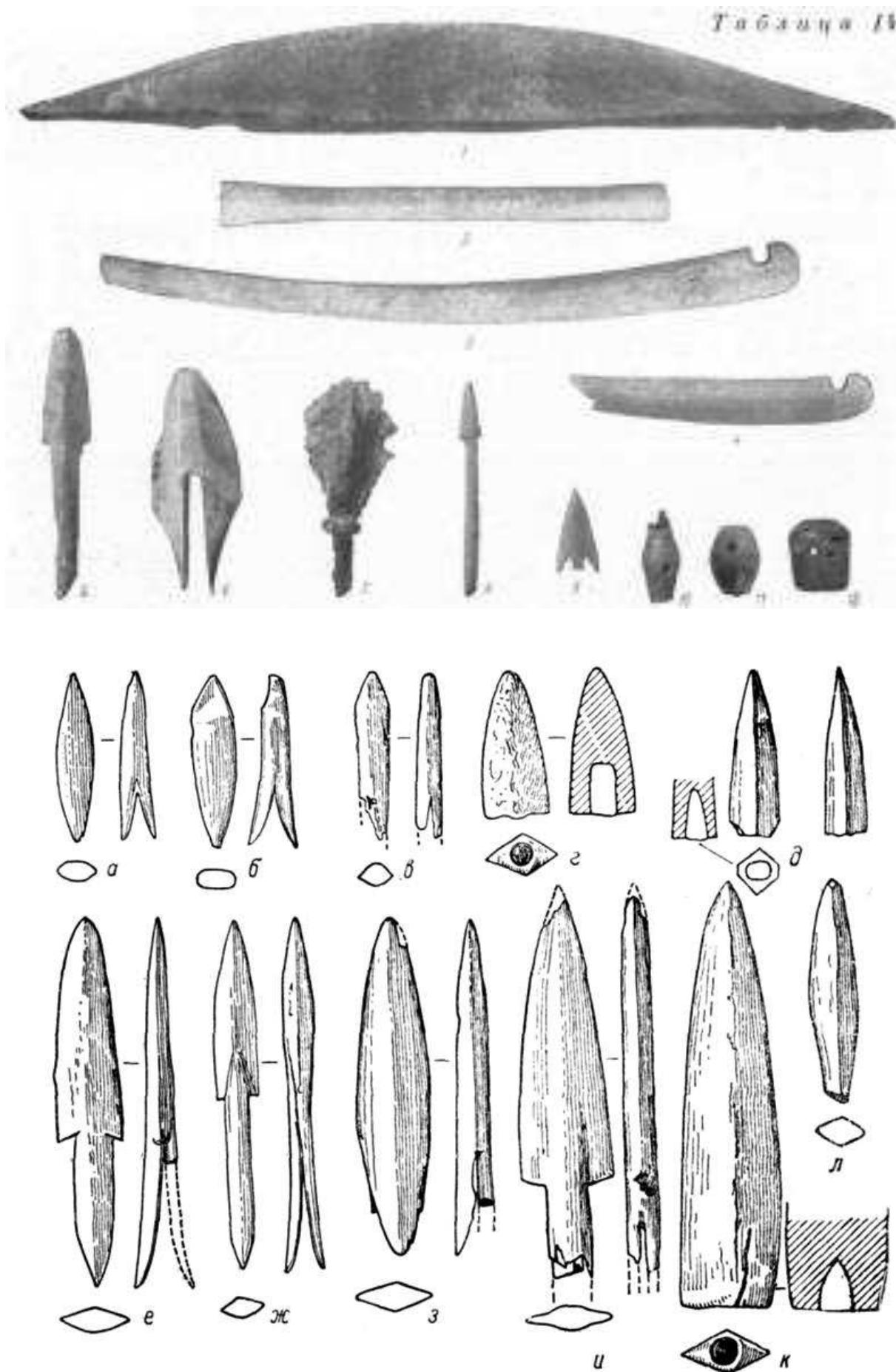

Рис. 22. Костяные и роговые наконечники стрел. Иволгинское городище (1/2 нат. вел.). а, б, в, г — в форме ивового листа с расщеплённым череном; е, ж — копьевидные с таким же череном; г, д, к — треугольные со спрятанной втулкой; и — черенковый с копьевидным остриём; л — лавролистный, ромбический в сечении.

б, з); треугольными втульчатыми со срезанным основанием (рис. 22, г, д, к) и другими, в том числе тупыми наконечниками (табл. IV, 12), употреблявшимися для охоты на пушного зверя.

Выше уже отмечалось, что хунны во время приволья, т.е. в летнее время, «по обыкновению следя за своим скотом, занимаются полевою охотою». [7] «Осенью, как лошади разжиреют, все съезжаются обходить лес». [8]

О грандиозных облавных охотах хуннов, в которых принимали участие десятки тысяч конницы, имеются неоднократные упоминания в китайских источниках. Имелись, по-видимому, и специальные охотничьи заповедники. О хребте Инь-Шань читаем в Цяньханьшу: «Сии горы привольны лесом и травою, изобилуют птицею и зверем. Модэ шаньюй, утвердившись в сих горах, заготовил луки и стрелы и отсюда производил набеги. Это был зверинец его». [9]

Чтобы составить представление о том, какое значение в жизни хуннов имели облавные охоты и какова была их организация, достаточно вкратце познакомиться с облавными охотами китайских императоров позднейшего времени и древними так называемыми Зэгэтэ-аба бурит, как они описаны Д.А. Клеменцом и М.Н. Хаигаловым. [10]

В облавных охотах китайских императоров маньчжурской династии деятельное участие принимали монголы. Во время этих охот император смотрел состязания в борьбе и укрощения монгольскими князьями лошадей, никогда не бывших под седлом. Во время облавы строго запрещалось рубить лес и вообще производить шум. Под страхом тяжкого наказания запрещалось стрелять в зверя, вышедшего за облавный круг, но необходимо было загнать его в круг. Когда охотился император, искусные стрелки и хорошие наездники загоняли зверя в круг, по под страхом наказания и в кругу им запрещалось стрелять в зверя. За потерю стрелы во время облавы виновного отдавали под суд. Если кто-нибудь, когда закапчивается оклад, распугает зверей, платит штраф пять лошадей. Тот, кто выдвинется вперёд из цепи во время оклада «на три перестрела», уплачивает одну лошадь, «на два перестрела» — одного барана, а тот, кто выдвинется «на один нерестрел», платит пять стрел. Если кто поймает зверя, раненного другим, и утаит добычу, платит «пять скотин». Тот, кто возьмёт чужую потерянную стрелу, платит за это одну лошадь.

Например, на облавы Чингисхана собирались люди со всей Монголии. Во время облавы все были на военном положении. За оплошность, не говоря уже об ослушании, полагалось строгое наказание. Облавщики, кроме мяса, при дележе добычи получали звериные кожи и рога, которые были необходимы для изготовления луков.

У бурят начальниками, управляющими облавщиками, первоначально были, по всей вероятности, люди, отличившиеся во время охоты на зверей храбростью и распорядительностью. Позднее ими, по сохранившимся сказаниям, были шаманы.

Участники облав делились на три класса: начальники — шаманы. Все они были хорошо вооружены и на конях. Помимо главного начальника, были начальники правого и левого крыла. Простыми рядовыми облавщиками были и богатые, также хорошо вооружённые и на конях, и бедные, среди которых были и пешие.

Наконец, имелись и пешие рабы. Пешие рабы таскали на себе на стоянки туши убитых животных, снимали с них кожи, разрезали по частям и сортировали мясо. Они же на месте облав строили балаганы, добывали огонь и доставляли топливо. Женщины и девушки также принимали участие в облаве и получали свою долю из добычи, как и мужчины.

Для облав в первобытном лесу и в горах необходимы были хорошая ориентировка на местности и особая выучка. При постоянном упражнении молодёжь приучалась

действовать правильно и быстро, не путаться в глухом лесу, что было важным условием успешной охоты.

Лето было неблагоприятным временем года для облавных охот — мешали непроходимые топкие места: болота, реки и ручьи. Облавные охоты начинались поздней осенью, с наступившими морозами. В холодное время лучше сохранялось мясо и шкуры были лучшего качества.

Дисциплина, сноровка и смелость были необходимы во время охоты, так как приходилось иметь дело с опасными и крупными зверями: медведями, тиграми, кабанами, росомахами, рысями и волками, которые задирали коней и самих облавщиков. Для лошадей особенно опасны были кабаны.

Оружие состояло из лука со стрелами, меча, ножа и рогатины.

На месте облавы облавщики разделялись на два равных по числу охотников крыла с начальником во главе каждого крыла. В средине шёл главный начальник облавы. Перед выступлением начальники крыльев сговаривались, какой круг должна охватить облава, в каком месте крылья должны сомкнуться, где облавщики должны двигаться быстрее, где медленнее. По данному сигналу начальники крыльев двигались вперёд, описывая полукруг, а за ними рядовые облавщики на определённом расстоянии друг от друга. В то время как главный начальник облавы медленно двигался вперёд, крылья постепенно удалялись друг от друга и, дойдя до заранее намеченных мест, начинали сходиться, чтобы замкнуть круг. Как только круг замыкался, начинали постепенно его суживать, передавая по цепи распоряжения начальников, сначала тихо, а затем всё громче и громче, следя за тем, чтобы обложенные звери не выходили из круга. Наконец, главный начальник пускал свою лошадь рысью и давал громкий сигнал, который так же громко передавался по кругу. С этого момента начиналась настоящая облава.

Звери, охваченные кругом цепью облавщиков, начинали бросаться во все стороны, ища выхода из круга. Если облавщики замечали, что в круг попали крупные и опасные звери, а именно: медведи, сохатые, изюбры, кабаны, рыси и т.п., то они быстро спешивались и, образовав плотный круг, держали наготове рогатины... Если облавщиков было много, то за первым устанавливался второй круг, а иногда и третий. Сильные и смелые облавщики выходили с рогатинами на крупных зверей, на которых нападали артелями. Мелких зверей, таких, как волков, лисиц, зайцев и прочих, убивали стрелами из луков.

Подготовка к облавным охотам производилась в летнее время. Лошади объезжались для верховой езды и уже усмирённые приучались перескакивать через колоды, свалившиеся в лесу деревья и другие препятствия. Хорошей выучкой лошадей в значительной мере определялся успех облавной охоты.

Во время летних стоянок на открытых местах производилось обучение облавщиков под наблюдением опытных начальников. Их приучали двигаться стройно, быстро, не спутывая и не разрывая цепи. Эти учения имели очень важное значение, так как хороший лов зверей зависел от удачного, стройного и быстрого действия облавщиков. Тогда же обучали молодёжь и военным тактическим приёмам на случай нападения на враждебные племена.

Значение, которое для хуннов имели облавные охоты как в их хозяйстве, так и в военном отношении, подчёркивается рядом замечаний китайских источников. Так, Увей шаньюй, не расположенный «к произведению набегов на границы Китая... дал льготу ратникам, отдых лошадям, занимался звериною охотою», [11] очевидно без каких бы то ни было агрессивных намерений. Имеются и другие сообщения. Во времена правления Хуанди шаньюя «несколько десятков тысяч конницы занимались охотою близ границы, нападали на пограничные посты и уводили чиновников и народ в плен», [12] а при Хюйлю шаньюе восточный великий Цзойкюй просил, «чтобы ему и Хулуцю-князю, каждому с 10 000

конницы, произвести облаву подле китайской границы, и будто бы нечаянно встретиться вместе, вступить в пределы Китая». [13]

Если для монголов и позднее для бурят облавные охоты имели существенное хозяйственное значение, то тем большую роль они должны были играть в хозяйстве хуннов.

Китайские источники неоднократно отмечают, что после истребления зверя и птицы хунны покидали целые территории.

Занимались ли хунны и в какой степени земледелием, вопрос этот неоднократно ставился в литературе о хуннах.

В могилах Ильмовой пади, Ноин-Улы и на Иволгинском городище найдены были семена проса. Как сообщает Бичурин, Шы-гу писал: «В северных странах

Рис. 23. Чугунные сошники. Иволгинское городище.

стужа рано настает; и хотя не удобно сеять просо, но в земле хуннов сеяли». [14] О занятиях в стране хуннов земледелием сообщается в Шицзи (под 89 и 66 гг. до н.э.) и в Хоуханьшу (10 г. н.э.). О восточных соседях хуннов, об ухуаньцах, там же сказано, что в их землях «почва хороша для посева неклейкого проса и дун-циан. Дун-циан походит на растения пхын-цияо, а зёرна сходны с просом». [15]

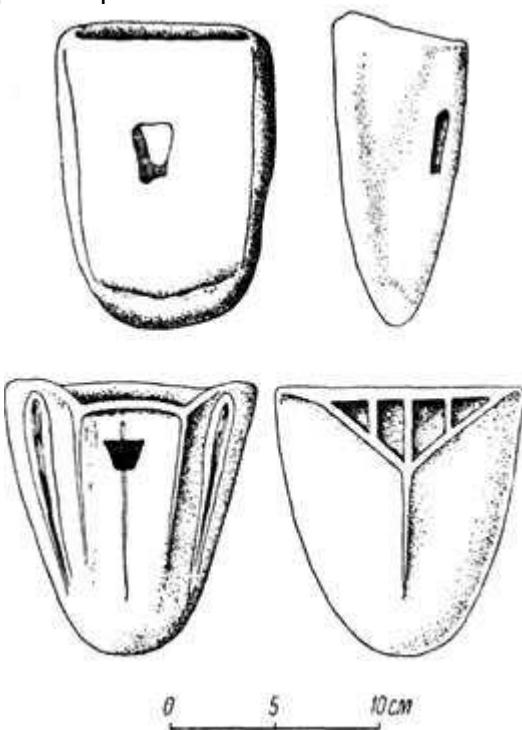
Несомненным доказательством занятия в стране хуннов земледелием и притом плужным являются сошники, найденные на Иволгинском городище и в других пунктах Забайкалья, детально изученные А.В. Давыдовой и В.П. Шиловым. [16]

Сошники эти сравнительно небольшой величины (длина около 11 см, ширина 8 см) и отлиты из чугуна. Гладкая задняя сторона немного шире передней. В поперечном сечении сошники имеют форму, близкую к трапеции. Рабочий их кран имеет круглое очертание (рис. 23). Для закрепления при помощи чеки сошника на колодке полоза плуга в нём имеются треугольные отверстия. Помимо сошников с гладкой передней поверхностью, имелись сошники с валиками как продольной, так и треугольной формы с продольными валиками внутри треугольников.

Судя по малым размерам сошников, как справедливо предполагают А.В. Давыдова и В.П. Шилов, плуги в стране хуннов были небольшие деревянные, и земля вспахивалась на небольшую глубину.

Несмотря на находки зёрен проса в хуннских могилах, на свидетельство китайских источников о посевах в стране хуннов проса и на находки сошников на хуннских городищах, земледелие у них вследствие природных условий занятой ими территории не могло иметь сколько-нибудь существенного значения в их хозяйстве. Во всяком случае, потребность в просе значительно превышала возможности его возделывания, и хунны как просо, так и рис в основном получали из Китая.

Весьма вероятно, что и посевами на хуннских землях занимались преимущественно пленные китайцы и перебежчики из Китая.

Основной пищей хуннов было мясо и молочные продукты. «Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота», — читаем в Шицзи. [17] Судя по остаткам пищи в погребениях, хунны питались главным образом мясом крупного и мелкого домашнего рогатого скота. Весьма существенную роль в пищевом рационе, о чём неоднократно упоминают китайские источники, были сыр и молоко. При раскопках найдены специальные сосуды с отверстиями в дне для отцеживания творога. С этими сосудами мы познакомимся в дальнейшем.

Помимо молока рогатого скота, хунны, вероятно, пили и кумыс. Об ухуаньцах, которые некогда составляли с хуннами «один Дом», китайцы сообщают, что «они пьют кумыс». [18]

На Иволгинском городище были обнаружены каменные зернотёрки, откуда можно заключить, что просо перед употреблением размалывалось и, по всей вероятности, поджаривалось. Во всяком случае, просо скорее было приправой, а не основным продуктом питания хуннов.

Из растительной пищи в какой-то мере хунны питались и рисом. Китайские источники неоднократно упоминают о посыпках китайскими императорами хунским шаньюям «на поддержание» проса, риса и высушенного, варёного риса. Просо посыпалось значительными партиями — от 20 000 до 34 000 ху, и до 50 000 ху риса (современное значение ху равно 51.77 литра). Любопытно, что хунны, подобно китайцам, ели рис с помощью костяных палочек. Такие палочки неоднократно были находимы в хунских погребениях (табл. VIII, 2-4). Из риса, подобно китайцам, хунны могли приготавливать и вино. На это указывают найденные как в Ноинулинских курганах, так и на Иволгинском городище огромные глиняные сосуды (табл. XXV, 14; рис. 51, к) с отверстием у дна, подобные тем, какими китайцы пользовались при приготовлении рисовой водки.

[1] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 39-40 (Шицзи).

[2] В.О. Витт, 1952.

[3] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 117 (Хоуханьшу).

[4] Там же, стр. 40 (Шицзи).

[5] Длина подобного же лука, лежавшего в одной из могил в Тувинской автономной области, по измерениям на месте исследователем этой могилы, оказалась 150 см (А.Д. Грач, 1960., стр. 97).

[6] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 98 (Цянъханьшу).

[7] Там же, стр. 40 (Шицзи).

[8] Там же, стр. 49-50.

[9] Там же, стр. 94 (Цянъханьшу).

[10] Д.А. Клеменц и М.Н. Хангалов, 1910.

[11] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 68 (Шицзи).

[12] Там же, стр. 79.

[13] Там же, стр. 83.

[14] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 76 (см. прим. 4-е).

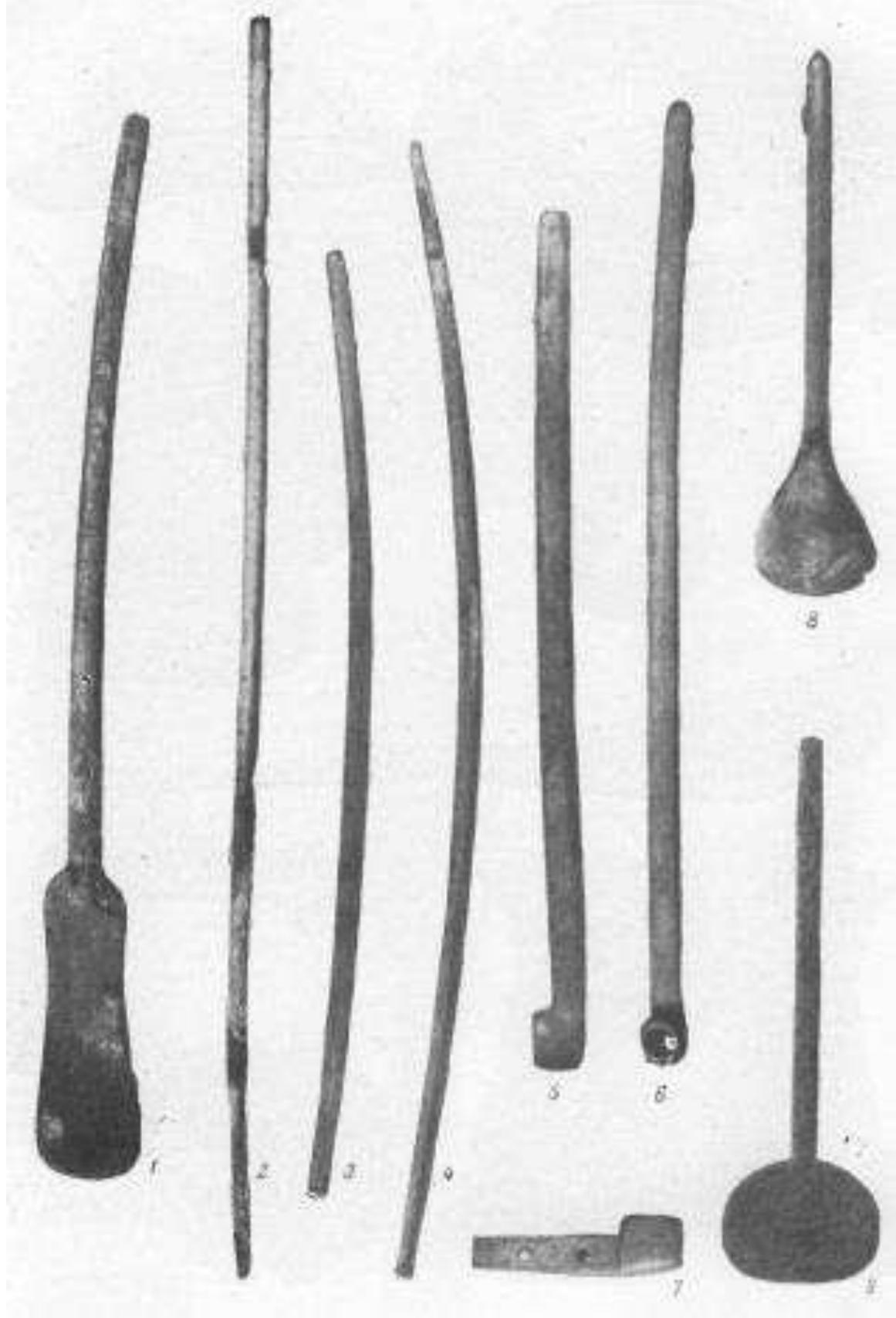
[15] Там же, стр. 143 (Хоуханьшу).

[16] А.В. Давыдова и В.П. Шилов, 1952.

[17] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 40 (Шицзи).

[18] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 142 (Хоуханьшу).

Таблица VIII

Глава III.

Жилища и домашняя утварь.

О жилищах хуннов мы знаем очень мало. При подвижном образе жизни они, по всей вероятности, пользовались простыми конусообразными шалашами, покрытыми шкурами, а наиболее зажиточные — круглыми войлочными кибитками общераспространённого типа монгольских и тюркских кибиток. Как и у этих последних, у хуннов в их юртах левая от входа сторона была мужской, а правая — женской. Весьма интересно сообщение в Шицзи о том, что шаньюй в своей юрте «сидит на левой стороне, лицом к северу». [1] Отсюда следует, что вход в юрту был с востока, как это было в кибитках современных нам тюркских народов (киргизов, казахов, башкир и других). Подобные жилища были и у ухуаньцев. В Хоуханьшу об ухуаньцах сообщается: «Живут в круглых юртах, из коих вход обращён к востоку». [2] Дерево для оставов таких кибиток, вероятно берёзовое, бралось в определённых местах. Отказ Учжулю-жоди шаньюя на требование Китая получить от хуннов участок земли, вдавшийся в пределы Китая против области Чжан-ье, мотивируется, между прочим, тем, что владетели этих западных хуннских земель «единственно с сих гор пользуются лесом для юрт и телег». [3]

Помимо временных, переносных жилищ, типа круглых кибиток, у хуннов были и постоянные жилища. Наличие постоянных жилищ отмечается в Шицзи, где говорится о землянках на пограничных линиях.

При исследовании городищ в Забайкалье, в частности Иволгинского городища, вскрыты остатки землянок или, точнее, полуzemлянок, дающих представление о постоянных жилищах осёдлых хуннов. Жилища эти были прямоугольной 4x6 м, иногда квадратной формы с полом, погруженным в грунт на один метр и более. Стены таких жилищ были из сырцового кирпича, тщательно обмазанные, как и пол, глиной. Кровля была, по-видимому, деревянной и сверху покрывалась полотнищами берёсты и толстым слоем дёрна. Поддерживалась она деревянными столбами. В северо-восточном углу имелся очаг, состоящий из трёх частей — топочной части, лежанки и дымохода, сложенных из каменных плит. Дым из топки поступал в полуую камеру под лежанкой, оттуда в специальный канал, идущий вдоль стен жилища. Промежутки между плитами отопительной системы заделывались мелкими камнями, а швы замазывались глиной. [4] Подобная система отопления, известная под названием «кан», типична для жилищ северной половины Китая. Возможно, что описанного типа жилища в основном строились пленными китайцами или китайцами перебежчиками к хуннам, но не исключена принадлежность таких жилищ и осёдлым хуннам. Во всяком случае, такие жилища не были характерными для основной массы хуннов и особенно для хуннской знати. Шаньюи жили и принимали послов в юртах. [5] Между тем у хуннской знати, по-видимому, имелись большие мастерски построенные бревенчатые дома. Косвенным свидетельством этого является устройство Ноинулинских погребальных камер, с их отёсанными и прекрасно пригнанными одно к другому брёвнами стен, полами из толстых плах, строго выдержанной конструкции, устройством потолка, поддерживаемого колонками с базами и капителями. Стены таких жилищ драпировались драгоценными тканями, остатки которых сохранились в тех же Ноинулинских, курганах.

О капитальных бревенчатых постройках хуннов сохранились известия и в китайских хрониках. В Шицзи упоминается о храме, построенном хуннами в честь принесённого ими в жертву выдающегося китайского полководца Эршынского. [6]

Позднее в Цяньханьшу сообщается, что хунны в 31 г. до н.э. для охраны своей территории намеревались на границе с Китаем вырыть колодцы и построить город с двухстенными постройками для хранения хлеба и поручить эти постройки перебежчикам из Китая. Было выкопано несколько сот колодцев и срублены тысячи брёвен, но проект этот не был осуществлён, так как хунны опасались, что они не смогут защитить этот город. [7]

Весьма вероятно, что и храм, о котором упоминалось выше, был построен китайцами и по

китайскому образцу. Однако мало вероятно, чтобы сами хунны не умели строить бревенчатые жилища.

Внутренняя обстановка жилищ хуннов и домашняя их утварь нам сравнительно мало известны. Пол в жилищах покрывался шкурами или войлочными коврами, простыми ([табл. V](#)) или художественно выполнеными. Особенно замечательны по своему техническому и художественному оформлению войлочные ковры из Ноинулинских курганов, которые в дальнейшем будут подробно рассмотрены. В постоянных жилищах хуннов были нары, в переносных же жилищах — в юртах никакой мебели, кроме небольших столиков, по всей вероятности, не было, а размеры столиков указывают на то, что за ними сидели на застланном войлоком полу.

Судя по находкам в Ноинулинских курганах, столики хуннов были двух типов — простые своей работы, а у знати китайской работы.

Крышки столиков выделялись из цельного дерева и имели приставные ножки. В одной из круглых крышек столика, диаметр которой 26 см и толщина 2.2 см, на обратной стороне вырезаны три прямоугольных в поперечном разрезе валика от центра к краям крышки (рис. 24). В валиках этих близ края крышки вырезаны прямоугольные втулки для шпеньков приставных ножек. Ножки такого столика были высотою всего 12 см (без шпенька), круглые в поперечном разрезе (диам.

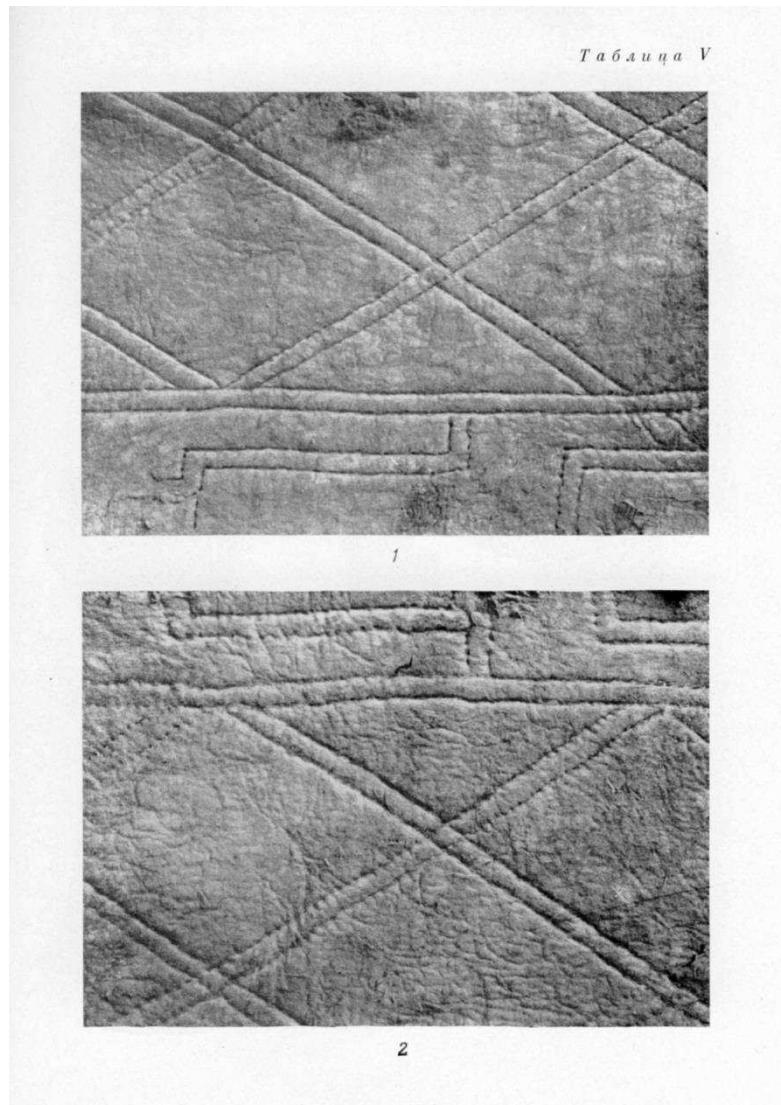
(31/32)

4 см), с перехватом посередине. Диаметр верхнего конца ножки несколько больше диаметра её нижнего конца. Имелись столики и большего размера на более высоких ножках. Ножки одного из таких столиков с крышкой овальной формы имели в высоту 18 см (без шпенька), овальной в поперечном разрезе формы (у верхнего конца 5.5x6.9 см, у нижнего — 5.3x5.5 см), с незначительным перехватом.

Снаружи эти ножки покрыты чёрным лаком ([табл. VI](#), 2).

От столиков китайской работы крышек не сохранилось, но имеются приставные ножки от двух столиков со шпеньками, вставляющимися в крышку. Три из них от одного и того же столика высотою 14 см (без шпенька) и одна высотою 12 см. Тип этих ножек один и тот же. Они представляют собой колонки с вырезанной у верхнего конца капителью. Их форма у верхнего и нижнего концов квадратная в разрезе с закруглёнными углами и почти круглая в средней части. Поверхность их, как это видно на [табл. VI](#), 2-4, резная, покрыта чёрным лаком. Поверх чёрного лака нанесён орнамент красного цвета.

Помимо небольших размеров, для описанных столиков характерна плоская, а не блюдообразная поверхность их крышек, как это было у племён Алтая скифского времени.

Кроме того, все они были, по-видимому, на трёх, а не на четырёх ножках. Наконец, обращает на себя внимание устойчивый тип ножек независимо от того, простое или сложное художественное их оформление, а именно: несколько большие размеры верхних концов по сравнению с нижними и наличие незначительного перехвата посередине.

Следует отметить широкое распространение среди центральноазиатских скотоводческих народов таких низких столиков. У алтайцев средины первого тысячелетия до н.э. крышки подобных столиков имели форму блюд с приподнятыми краями. Они были найдены при раскопках курганов «гунно-сарматского» времени в Тувинской автономной области, [8] на Алтае, [9] в Кенкольском могильнике, [10] в исфаганских курганах Ферганы. [11] Большинство из них с короткими ножками выделялось из цельного дерева.

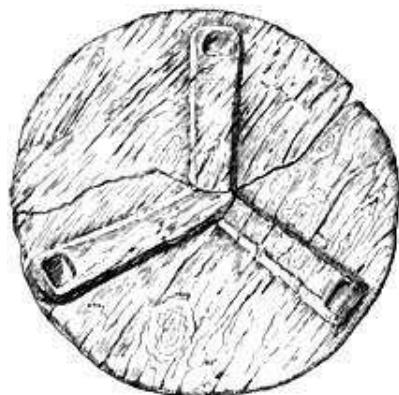

Рис. 24. Деревянная крышка столика. Изображена с нижней стороны. Курган №6. Ноин-Ула (1/2 нат.вел.).

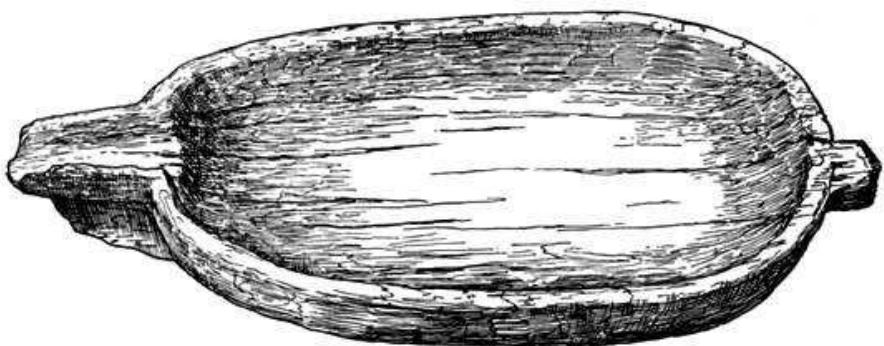

Рис. 25. Плоский деревянный сосуд со сливом. Курган №6. Ноин-Ула (1/3 нат.вел.).

Больше всего хуннской посуды и притом весьма разнообразной имеется из Ноинулинских курганов: деревянная, металлическая и глиняная. Поскольку основным занятием хуннов было скотоводство, можно думать, что у них были кожаные сосуды, кожаные или меховые мешки, но они в погребениях не сохранились.

В Ноинулинском кургане №6 найден довольно большой (17x30 см) деревянный сосуд, выдолбленный из цельного дерева, овальной формы с короткой ручкой и носиком-сливом

(рис. 25). При толстых, около 1 см толщины, стенках сосуда его глубина около 6 см. Сосуд этот несомненно местной работы, но другой, выделанный из цельного же дерева из кургана №25, вероятно, китайской работы. Последний (15 см дл.) представляет собой корпус животного (лошади) с деревянной пробкой, вставленной в шею этой фигуры (табл. VI, 1). Снаружи сосуд покрыт чёрным лаком.

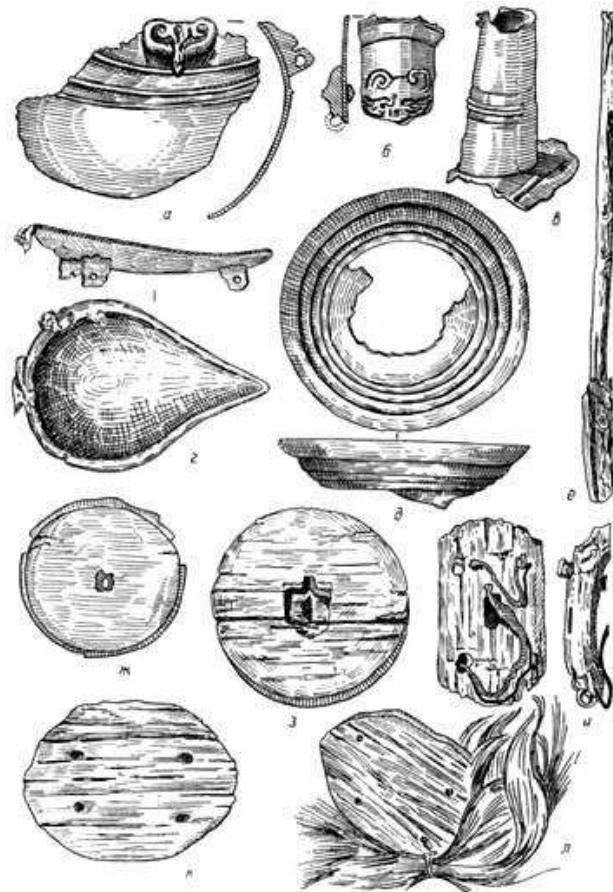

Рис. 26. Различные предметы из курганов Ноин-Ула (1/3 нат.вел.).

а — часть бронзового сосуда; *б* — ручка того же сосуда. Курган №25; *в* — горлышко бронзового сосуда. Курган №25; *г* — плоский бронзовый сосуд. Курган №1; *д* — плоская бронзовая чаша. Курган №1; *е* — деревянная ложечка. Курган №25; *ж* — бронзовая крышечка. Курган №25; *з* — донце деревянного сосуда. Курган №6; *и* — деревянная дощечка с отверстиями и ремешками. Курган №24; *к* — деревянное донце с отверстиями. Курган №6; *л* — то же с пучком конских волос. Курган №6.

Рис. 27. Различные предметы из курганов Ноин-Ула (ок. 1/3 нат.вел.).

а — горлышко бронзового сосуда. Курган №6; *б* — горлышко бронзового сосуда. Курган №6; *в* — часть бронзовой ложечки. Курган Андреевский; *г-е* — бронзовые напьятники древок. Курган №25; *ж* — деревянная стойка. Курган №6; *э* — деревянная затычка глиняного сосуда. Курган №6; *и* — часть железных удил. Курган №29; *к* — деревянная палочка с продетыми в верхней её части шёлковыми лентами. Курган №6; *л* — щитовидная деревянная пластинка. Курган №6; *м* — деревянный кружок с шестью сквозными отверстиями.

Курган №23; *н* — вырезанные из дерева узорные лопаточки. Курган №6; *о* — вырезанная из дерева четырёхлепестковая пластинка, покрытая красным лаком. Курган №6; *п* — такая же пластинка, но не покрытая лаком. Курган №6; *р* — часть деревянной лопатки для выбивания одежды. Курган №6; *с* — деревянная лопатка для выбивания одежды. Курган №6.

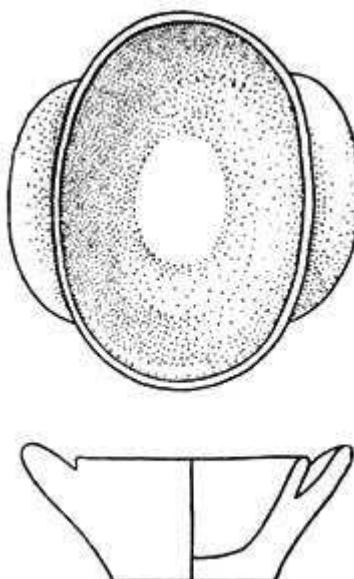

Рис. 28. Каменная чашка.
Иволгинское городище (1/2
нат.вел.).

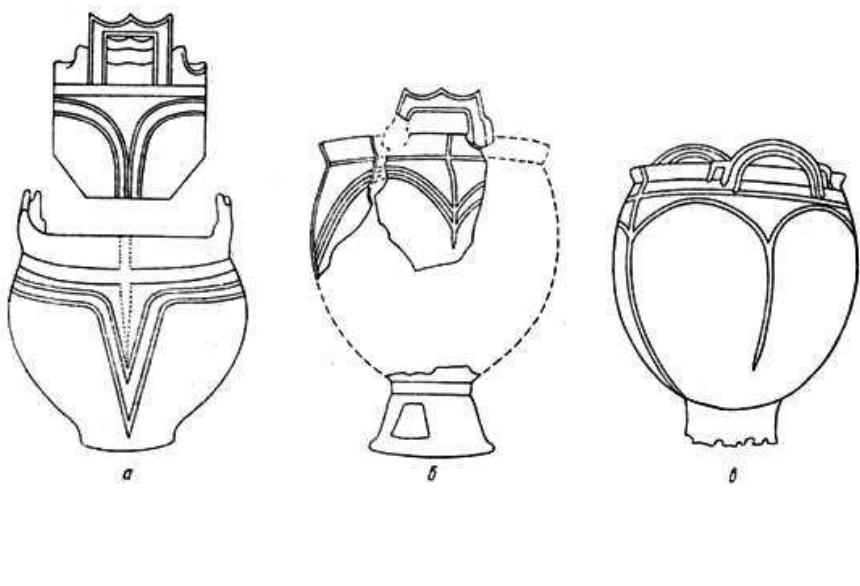

Рис. 29. Хуннские бронзовые котлы.
а — Ордосский бронзовый котёл; б — бронзовый котёл из Ноинулинского
кургана №6 (реконструкция); в — бронзовый котёл с р. Кирон (Монголия).

Сохранилось много деревянных крышек и донец круглых или овальной формы от деревянных сосудов (рис. 26, з, к, л). Особенно интересны те донца, в которых по верхнему краю сделан довольно глубокий вырез для стенок цилиндрического сосуда, а в донце проделан ряд отверстий для его прикрепления к стенкам (рис. 27, м). Вырез этот настолько узкий, что в него могла быть закреплена стенка только берестяная. От подобных берестяных туесков-ведёрок сохранились деревянные изогнутые ручки. Почти во всех Ноинулинских курганах были найдены типичные деревянные, покрытые лаком и раскрашенные китайские чашечки овальной формы с горизонтальными ручками (табл. XLVIII, 1). Весьма разнообразны рисунки на этих чашечках и их фрагментах. Изображались охотничьи сцены, звери и птицы, человеческие фигуры в длинной одежде, ленты и спирали, концентрические круги с точками в центре и т.п. Известно, что подобной формы чашечки изготавливались из глины и камня, в частности из нефрита. Подобная выделанная из камня чашечка была найдена при раскопках Иволгинского городища (рис. 28).

О костяных палочках для еды говорилось в главе второй. При раскопках Суджинского могильника в Ильмовой пади были найдены такие палочки (табл. VIII, 2-4) и костяные ложечки (табл. VIII, 1, 8), которые также, по всей вероятности, были предназначены для еды. Подобная костяная ложечка была найдена в одном

из курганов Тувы (табл. VIII, 9), а деревянная ложка — в Ноинулинском кургане №25 (рис. 26, е). Обломок массивной бронзовой ложки был обнаружен в Андреевском кургане (рис. 27, в). В Ноинулинском кургане №23 была найдена деревянная, грубой работы ложка-уполовник с длинной ручкой (табл. VII, 4).

Таблица VII

Ноинулинского кургана №25.

У хуннов были также узкогорлые бронзовые сосуды. Горлышки таких сосудов представлены на рис. 26, в и рис. 27, а, б из Ноинулинских курганов №№25 и 6. Из кургана №25 имеется круглый бронзовый диск с закраинкой и отверстием в центре, который, возможно, служил крышечкой какого-то сосуда (рис. 26, ж).

Фрагменты большого бронзового котла, предназначенного для варки мяса, обнаружены в Ноинулинском кургане №6. Судя по фрагментам этого котла на поддоне (табл. VII, 5, 6), он по своему типу (рис. 29, б), форме ручек и орнаментации идентичен бронзовому хуннскому котлу, опубликованному Андерсоном (рис. 29, а) и найденному в русле реки Кирон (Северная Монголия), и котлу, опубликованному Г.П. Сосновским (рис. 29, в). [12] Котелок из кургана №25, судя по сохранившимся фрагментам, был меньших размеров и отличался как по форме, так и по наличию ручек в виде голов животных (табл. XXXIV, 1, 2; рис. 26, а, б).

Довольно разнообразна по форме и, следовательно, по назначению, а также по

из металлической посуды в первую очередь заслуживает внимание бронзовая светильня, найденная в Ноинулинском кургане №25. Светильня эта на трёх ножках (табл. VII, 1) и представляет собой плоский цилиндрический сосуд в диам. 11 см с коническим возвышением в центре для фитиля. Ручка отлита отдельно. Интересно прикрепление её к светильне. В стенке светильни проделано прямоугольное отверстие, в которое вставлен стержень ручки, припаянной затем к стенке изнутри и снаружи. Снаружи светильня украшена тремя рельефными валиками. Литьё не совершенное. При отливке светильни в дне получилось отверстие, которое затем было запаяно.

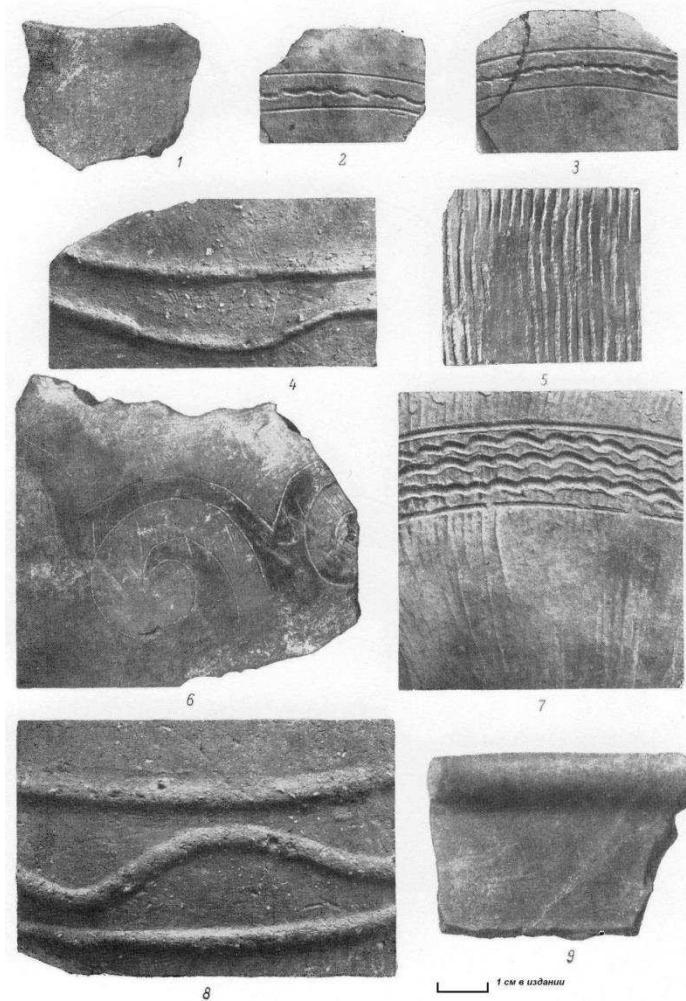
Из других бронзовых сосудов заслуживают внимания две плоские чаши из Ноинулинского кургана №1. Одна из них (рис. 26, г) на трёх к чему-то прикрепляемых ножках, грушевидной формы с узким носком. Другая — круглая, трапециевидная в разрезе (рис. 26, д). Особенно интересен сосуд реповидной формы на низком поддоне с шейкой (обломанной), расширяющейся кверху (табл. VII, 3), из

Таблица XXXIV

технике изготовления глиняная посуда. Из общей массы глиняной посуды выделяются большие узкогорлые урны ([табл. XXVII](#), 4) и кувшины ([табл. XXVII](#), 5), технически довольно совершенные. Большинство глиняных сосудов баночной формы и грубой работы. Одни сосуды были предназначены для хранения жидкостей, другие — для варки пищи и её хранения, некоторые — для изготовления сыра. Детальнее с глиняными изделиями хуннов ознакомимся в главе шестой.

Таблица XXVII

приготовлении кумыса.
(37/38)

Рис. 30. Костяная ручка ножа (а). Суджинский могильник и железные ножи (б, в). Иволгинское городище (4/5 нат.вел.).

В нём, однако, отверстия не просверлены, а высверлены только круглые ямки.

Ножи у хуннов были короткие с притупленной спинкой ([рис. 30, б, в](#)). Их черен вставлялся в роговую ручку ([рис. 30, а](#)).

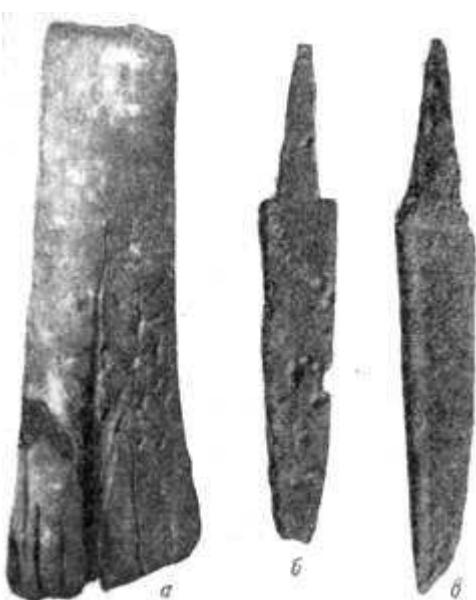
Особо следует упомянуть о миниатюрных костяных ложечках на длинных ручках, представленных на [табл. VIII](#), 5, 7. Вероятно, что они служили для приёма лекарств. Для приёма лекарств могла служить также весьма тонкой работы чашечка со сливом, изготовленная из венчика основания рога оленя ([табл. VII](#), 7).

Из предметов домашнего обихода следует упомянуть о миниатюрной подушечке ([табл. XVIII](#), 3) в шёлковой

Недостаточно ясно назначение упоминавшихся выше двух овальных кружков с четырьмя дырочками в каждом ([рис. 26, к, л](#)). Возможно, они служили донцами сосудов, в которых хранился творог, и дырочки были предназначены для стока сыворотки, подобно таким же глиняным сосудам.

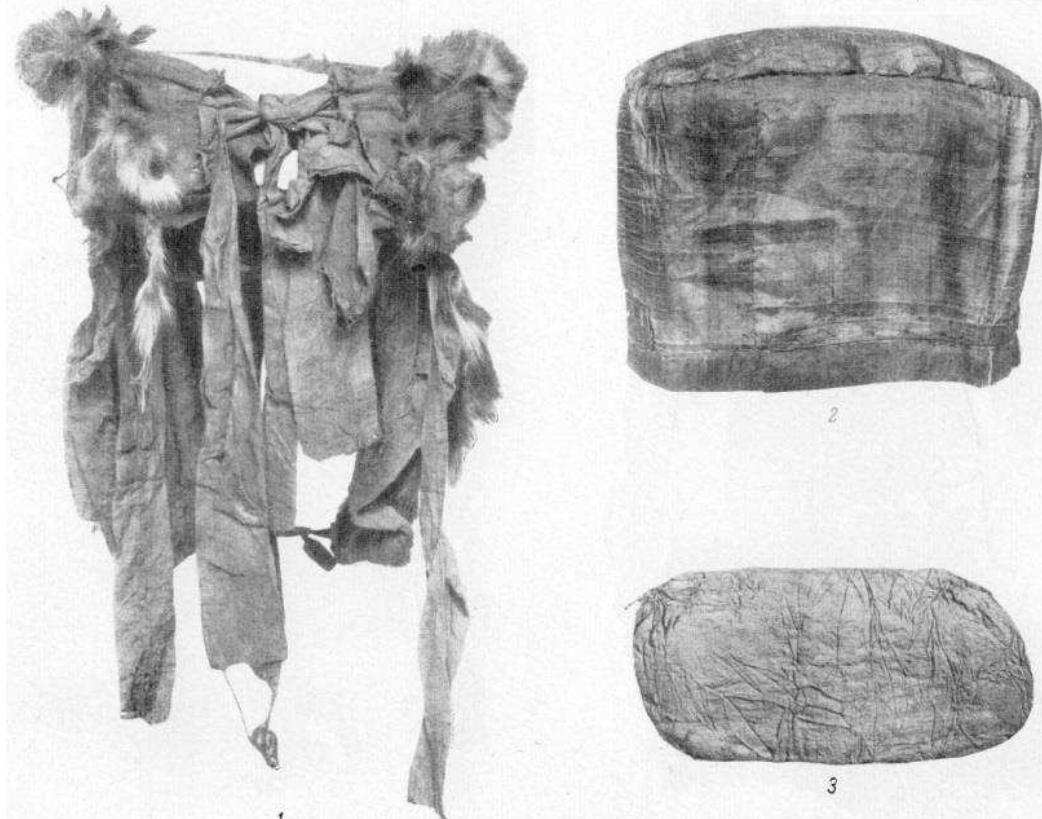
Трудно сказать что-либо определённое и о массивной продолговатой дощечке из Ноинулинского кургана №24 ([рис. 26, и](#)) с парами отверстий у коротких сторон и отверстием в её центре. Если бы она имела не продольный, а поперечный изгиб, можно было бы предположить, что она служила защитной дощечкой, повязывающейся у кисти левой руки при стрельбе из лука. При продольном же изгибе она не могла соответствовать такому назначению.

Неясно также хозяйственное назначение плоского рогового кружка с прямоугольным отверстием в центре ([табл. VII](#), 2). Если бы вокруг прореза в центре были высверлены отверстия, то можно было бы думать, что кружок этот, одетый на древко, служил для взвалтывания кобыльего молока при

наволочке, набитой шёлковой ватой, и о довольно большой (25x40 см), наружной шёлковой и нижней шерстяной, наволочке для подушки из Ноинулинского кургана №6. Нижняя наволочка сшита из нескольких лоскутков грубой шерстяной ткани коричневого цвета со счётом нитей 6х25 см [лишнее «см»?] в 1 см².

Таблица XVIII

Первоначально эта ткань была использована для других целей, возможно для одежды, а позднее из неё сшили наволочку. Об этом свидетельствуют вышитые на ткани полоски узора, находящегося под шёлковой тканью, нашитой на наволочку, и как её украшение не имеющие смысла.

Узор полосок, выполненный цветными шерстяными нитками, представляет собой ряд спиралей с треугольниками между ними (табл. IX). Спирали состоят из двух хорошо скрученных ниток, наложенных на ткань и закреплённых на ней тончайшей нитью. Треугольники с одной выпуклой и одной вогнутой стороной выполнены нитками слабой крутики в технике глади.

Подобный же узор украшает один из головных уборов из того же кургана (табл. XVII, 1).

Наружная наволочка, о чём уже упоминалось выше, покрыта тонкой шёлковой тканью песочного цвета, обшитой по краям полоской шелковой же ткани шириной 3.5 см, но другого, пурпурового (ныне коричневого), цвета. С изнанки наволочки по краям обшита полосками шёлковой ткани шириной 4-6 см, центральная же часть осталась непокрытой шёлковой тканью.

[1] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 50 (Шицзи).

[2] Там же, стр. 142 (Хоуханьшу).

[3] Там же, стр. 98-99 (Шицзи).

[4] Подробные описания жилищ на Иволгинском городище см.: А.В. Давыдова, 1956, стр. 263-273.

[5] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 68-69 (Шицзи).

[6] Там же, стр. 70.

[7] Там же, стр. 73 (Цяньханьшу).

[8] С.И. Вайнштейн и В.П. Дьяконова, 1960, стр. 196, табл. 11, рис. 13.

[9] С.И. Руденко, 1953, табл. XIX; 1960, табл. IV, 2.

[10] А.Н.Бернштам, 1940, табл. XVIII и XIX.

[11] Б.А. Латынин и Т.Г. Оболдуева, 1959, рис. 7.

[12] Г.П. Сосновский, 1947.

Т а б л и ц а IX

1 CM

Т а б л и ц а XVII

Глава IV. Одежда и украшения.

Китайские источники, говоря о хуннах, неоднократно отмечают, что «начиная от владетелей... все одеваются кожами его (домашнего скота, — С.Р.), прикрываются шерстяным и меховым одеялом». [1] Описания хуннских одежд в них мы не находим. Только в одном месте в Цянъханьшу [2] упоминается о хуннской одежде типа кафтана, сшитого из конских шкур, мехом наружу (ергак). Нет, к сожалению, и китайских изображений хуннов рассматриваемой нами эпохи. Имеются только изображения гуннов XIV и XVII вв. (рис. 31, а, б). Учитывая, однако, консерватизм, в результате которого материал и покрой древних евразийских скотоводческих племён изменялся крайне медленно, эти изображения представляют интерес. На них мы видим длинную и широкую верхнюю плечевую одежду типа кафтанов, запахивающуюся на левую сторону, подпоясанную матерчатым поясом. По вороту, полам и по подолу кафтаны эти опущены мехом. Имелось нечто вроде широкого отложного мехового воротника или пелерины. Широкие штаны, суживающиеся книзу, собраны в сборы, обувь мягкая, с короткими голенищами незначительно выше щиколоток. Головной убор — круглая шапка с меховой оторочкой и верхом, крытым материей. Мужчины в левом ухе

Рис. 31. Китайские изображения гуннов: а — XIV века; б — XVII века.

Рис. 31. Китайские изображения гуннов:
а — XIV века; б — XVII века.

носили серьгу. Подобные одежды, как увидим ниже, носили и хунны. Следует отметить, что в рассматриваемое время среди хуннов, особенно среди хуннской знати, широкое распространение получили китайские шёлковые ткани, и их пристрастие к этим тканям особо подчёркивается в Шицзи. Поэтому, естественно, из богатых Ноинулинских погребений мы имеем преимущественно одежды из шёлковых тканей, одежды знати, в рядовых же захоронениях хуннов одежды не сохранились. Тем не менее большинство одежд из Ноинулинских курганов типично хуннское.

Рубах в Ноинулинских курганах не обнаружено и более чем вероятно, что хунны рубах не носили.

Штаны или, точнее, шаровары у хуннов были просторные и широкие, типа сохранившегося до конца прошлого века у кочевых тюрок (казахов и киргизов) и у монголов. Такие типичные для хуннов шаровары, найденные в Ноинулинском кургане №6 (табл. X; рис. 32), сшиты из довольно грубой тёмно-пурпурового цвета шерстяной ткани гроденаплевого переплетения со счётом нитей 14×22 в 1 см². Их длина 1.14 м и ширина в талии 1.16 м с большой мотней. В

поясе по окружности вшит толстый (4 мм диам.) шерстяной шнур слабой крутики. Держались шаровары на гашнике. Концы штанин слегка собраны в сборы и обшиты полоской светло-коричневой шерстяной ткани того же типа и качества, как и ткань шаровар. На некотором расстоянии от пояса на обеих штанинах вышита двусторонним стежком шерстяными, слабой крутиками нитками полоска 4×34 см. Полоска эта трёхцветная. Посередине (ширина 4 мм) она пурпуровая, по краям зелёная, а в промежутках полоска красновато-зеленоватого цвета.

Вторые шаровары, найденные в том же Ноинулинском кургане, сшиты из тонкой шёлковой материи песочного цвета, по покрою такие же, как и шерстяные (табл. XI; рис. 33). Вверху в поясе они обшиты узкой полоской шёлковой ткани, в которую продевался гашник, нижние концы штанин, слегка собранные в сборы, обшиты широкой полоской белой шёлковой ткани.

Таблица X

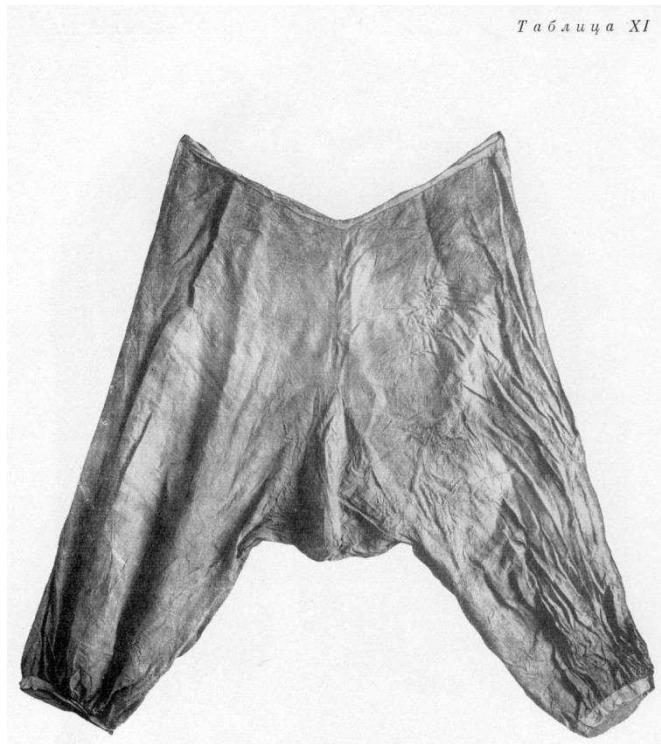

Таблица XI

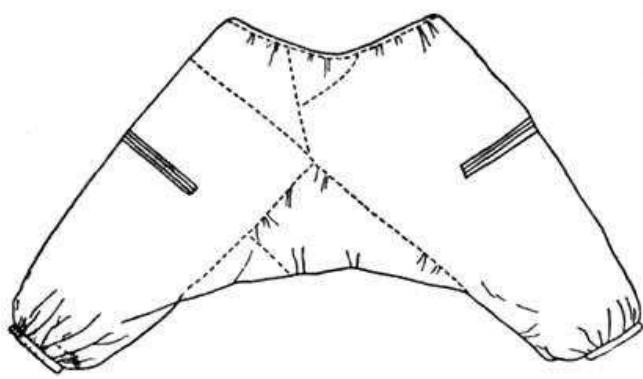

Рис. 32. Покрой мужских шерстяных шаровар.
Курган №6. Ноин-Ула.

Рис. 33. Покрой мужских шёлковых шаровар.
Курган №6. Ноин-Ула.

В отличие от только что описанных, типичных для хуннов шаровар, имелись у них и штаны китайского покрова, состоящие из двух самостоятельно одевающихся штанин и, естественно, без мотни. Сшиты они из роскошной китайской шёлковой материи с узором из крылатых

козлов и всадников на крылатых лошадях в облаках. Подкладка из красного шёлка без рисунка. Скроены штанины из цельных полос шёлковой материи, сшиты спереди и сзади. При невероятной ширине они круто, почти под прямым углом (табл. XII, 1), суживаются внизу, где к ним пришита войлочная обувь. Спереди вверху у пояса каждая штанина украшена аппликацией, вырезанной из кожи и покрытой шёлковой тканью в виде четырёхлепестковой розетки (рис. 34, а). По контуру розетки и кружок в центре окантованы кручёным шнуром.

К поясу каждая штанина прикреплялась при помощи широких петель. Как отмечено выше, одно целое со штаниной составляла и войлочная обувь с очень коротким голенищем. Сшивалась эта обувь из куска толстого, но мягкой катки войлока со швом спереди, не доходящим до пальцев стопы, где носок собран в сборы. Подмётка войлочная, подобная той, какая дана на табл. LXX, 2. Снаружи эти войлочные полусапожки обшиты белой шёлковой материей, пришитой в свою очередь к штанине (рис. 34, б). Длина штанин от пояса до пятки 1.09 м, ширина 50 см. Внутри пришитой к штанинам обуви вкладывались стельки из толстой

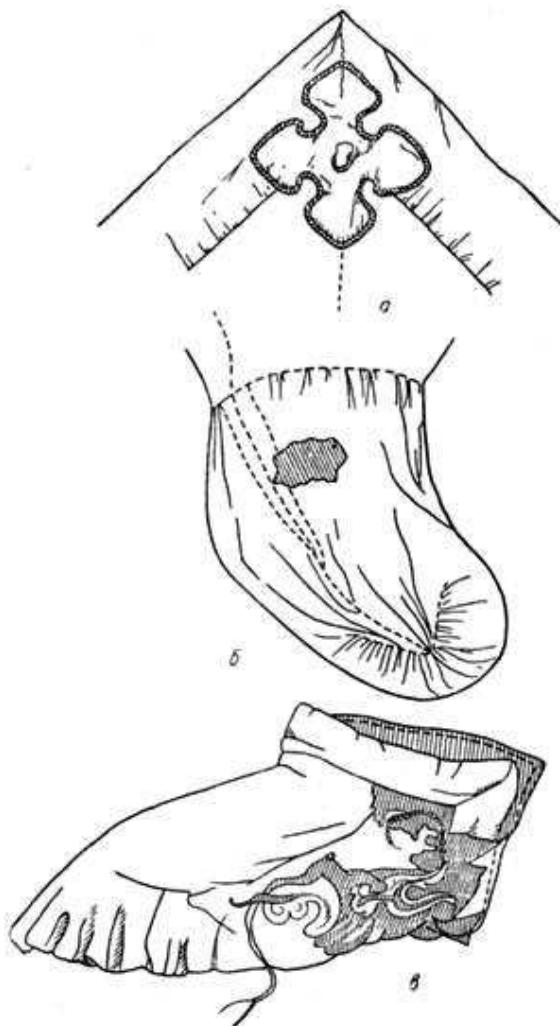
шерстяной материи, покрытые шёлковой тканью, пришитой к стелькам шёлковыми нитками частым стежком (рис. 35, а, б). Поверх пришитых к штанинам полусапожек надевались другие, также войлочные, полусапожки такого же покрова, но покрытые кожей, богато вышитые разноцветными шёлковыми нитками — тамбурным швом (рис. 34, в). Весьма интересна упомянутая выше подмётка мягкой войлочной обуви из Ноинулинского кургана №6 (табл. LXX, 2). Она вырезана из тонкого войлока и наружная её (40/41)

поверхность покрыта аппликацией из войлока же, но двух цветов. Аппликация эта тёмно-красного и тёмно-песочного цвета. По краю подметка обшивалась кручёной шерстяной нитью, а по контурам узора нашит шёлковый шнур, прикрывавший шов аппликации.

Рис. 34. Курган №6. Ноин-Ула.

а — орнамент, вышитый у верхнего края штанины, изображённый на табл. XII, 1; б — обшия шёлком войлочная обувь, состоящая одно целое со штаниной; в — войлочная обувь с остатком покрывающей её вышитой кожи.

Не менее интересен другой приём украшения подошвы обуви — не узорной аппликацией, а вышивкой. Из Ноинулинского кургана №24 с женским погребением сохранилось покрытие подошвы мягкой войлочной обуви жёлто-коричневой шёлковой тканью, пристёганной к войлочной подошве густыми стежками. На ней в

передней части и на пятоной разноцветными шелками вышиты два одинаковых узора цепочным швом (табл. XIII). Мотив этих узоров вне сомнения китайский.

Украшение подошв мужской и женской обуви хуннов, парадной или домашней, примечательно в том отношении, что указывает на обыкновение сидеть скрестив ноги так, чтобы подошвы обуви были видны.

Хотя обувь из Ноинулинских курганов и имеется, но она, вероятно, была обувью знати. Повседневная обувь хуннов такого же покроя и типа, по всей вероятности, была также войлочной, но покрытой снаружи кожей.

В шестом Ноинулинском кургане сохранилось два целых кафтанов и остатки третьего.

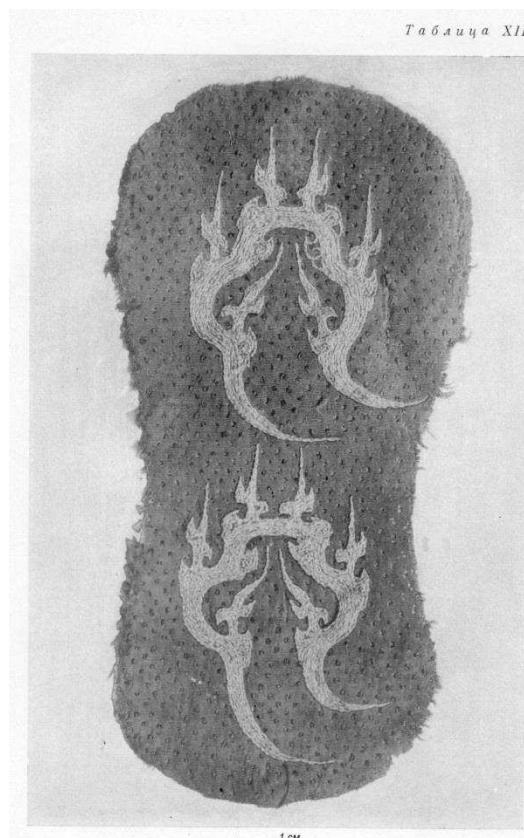
Один из кафтанов лёгкий из шёлковой материи песочного цвета (раньше был рубинового цвета) длиною 1.17 м, шириной (включая рукава) 1.94 м. По воротнику, бортам, по подолу и на концах рукавов он обшит узкой полоской меха соболя. Широкие полоски меха

нашиты также на плечах и сзади у шеи (рис. 36 и 37). Края меховых полосок везде обшиты шнурком, скрученным из бежевых и коричневых шерстяных ниток (табл. XIV).

Другой кафтан (рис. 38) проще оформленный и тёплый. Сшит он из такой же шёлковой ткани, но на подкладке из очень тонкого слабой катки стёганого войлока. С изнанки ворот, борта, подол и концы рукавов обшиты по войлоку шёлковой тканью на ширину только 10 см, в остальном войлочная подкладка оставалась непокрытой (табл. XV). По свидетельству С.А. Кондратьева, войлочная подкладка этого кафтана была четырёхслойная. Судя по сохранившимся остаткам, третий кафтан был точно такой же, как и только что описанный.

Часть одежды из того же Ноинулинского кургана №6 не совсем определённого назначения, имеет трапециевидную форму с лопастями по концам широкой его стороны. Сшит он из четырёх полос войлока и покрыт с одной стороны сплошным полотнищем шёлковой ткани, а с другой стороны той же тканью обшиты только две войлочные полосы.

Та б л и ц а XIV

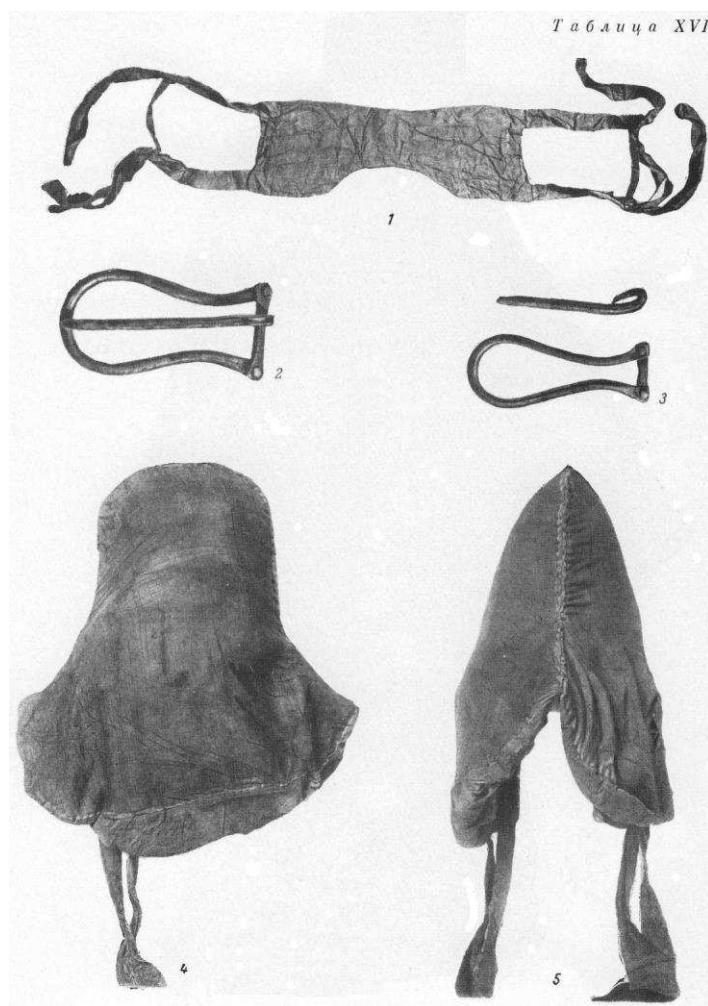
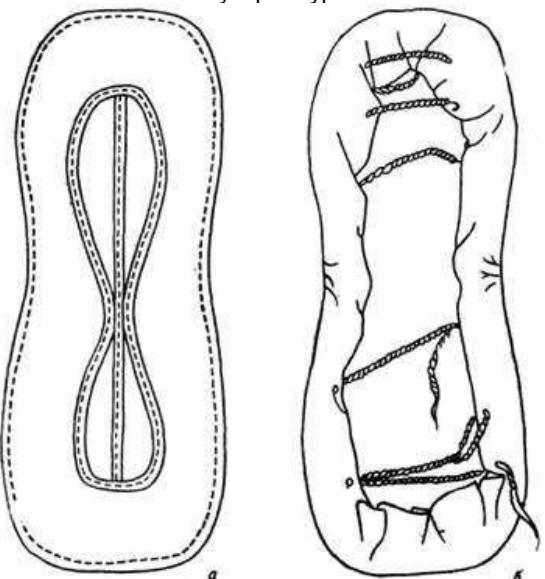
Та б л и ц а XV

К верхнему краю этого трапециевидного предмета пришит второй такой же формы, но меньших размеров. Его войлочные полосы также обшиты шёлковой тканью, остальная же наружная поверхность покрыта мехом соболя. Весьма вероятно, что этот предмет служил своего рода воротником, пришитым сзади к вороту кафтаны, или носился самостоятельно как пелерина (рис. 39, а, б), подобно тому, как это можно видеть на рис. 31.

Рис. 35. Суконная стелька, обшитая шёлковой материей, со следами нашитого на ней узора. Курган №6. Ноин-Ула.
а — лицевая сторона; б — обратная сторона.

Из Ноинулинского могильника имеются три головных убора — два мужских и один женский. Один из мужских головных уборов островерхий, типичный для евразийских скотоводческих племён в древности, но сохранившийся до наших дней в быту у тюркских народов — от башкир на западе до киргизов на востоке. Этот головной убор сшит из двух одинаковых половин — правой и левой и состоит из колпака и полей, прикрывающих уши (табл. XVI, 4, 5). Колпак сшит из толстой жёлто-коричневой шерстяной ткани — сукна с пристёганным с внутренней стороны тонким и мягким войлоком типа фетра, только поля суконные. Снаружи этот убор покрыт целыми полотнищами шёлковой ткани песочного цвета, а подкладка из той же материи

краю убора под наушниками. Эти завязки повязываются под подбородком. Кроме того, узенькие шёлковые завязочки пришиты к концам шёлковых лопастей-наушников.
(42/43)

подшита отдельно под верхнюю часть и под поля.

Завязки из шёлковой материи пришиты к полям изнутри, на расстоянии 6 см от их края.

Второй мужской головной убор из того же кургана (табл. XVII, 1, 2; XVIII, 1) крайне оригинален и представляет собой головную повязку вроде русских женских кокошников, но с наушниками. Выкроен он из толстого, но мягкого тёмно-коричневого войлока. Спереди в налобной части на эту основу нашиты две полосы тёмно-коричневой грубой шерстяной ткани с вышитыми на них тамбурным швом спиральями, треугольниками и завитками. Остальная поверхность покрыта соболиным мехом. С боков пришиты наушники, состоящие из двух лопастей — внутренних шёлковых в два слоя и наружных также шёлковых, покрытых соболиным мехом.

Концы этого головного убора, войлочной его основы, обшиты шёлковой тканью песочного цвета. К ним пришиты шёлковые завязки, которыми сзади повязывается на голове этот убор. Такие же завязки пришиты к нижнему

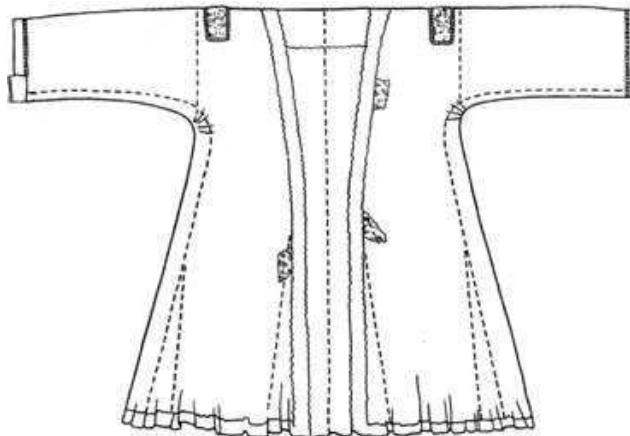

Рис. 36. Покрой легкого шёлкового кафтана, вид спереди.
Курган №6. Ноин-Ула.

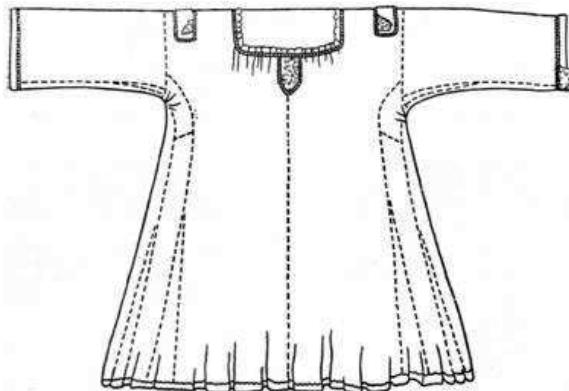

Рис. 37. Покрой шёлкового кафтана, вид сзади.
Курган №6. Ноин-Ула.

Налобной, по всей вероятности, служила повязка из Ноинулинского кургана №6, изображённая на табл. XVI, 1. Это прямоугольная полоса тонкого и мягкого войлока с вырезом на одной из продольных её сторон, обшитая шёлковой материей. От углов этой полосы отходят узкие, из шёлковой же ткани, пары завязок, соединённые между собой шёлковыми перемычками такой же длины, как и ширина повязки.

От описанного выше своеобразного мужского головного убора своей простотой отличается женский, вероятно, не единственный из женских головных уборов хуннов из кургана №24. Его стороны цилиндрические, с плоским верхом. Сшит он из шёлка песочного цвета на подкладке из шёлковой ваты. От ваты сохранились незначительные остатки, но на обратной стороне остались ряды вертикальных шёлковых нитей, которыми эта вата или тончайший войлок из шёлковой ваты был пристёгнут к шапочке (табл. XVIII, 2).

Какая была причёска у хуннов мужчин, мы не знаем, но женщины свивали свои косы в две пряди или, чаще, заплетали их в три пряди. В Ноинулинских курганах сохранилось большое число кос. Большинство из них заплетено в три пряди (табл. XIX, 2), часть закручена в две пряди (табл. XIX, 3). Обычно заключены они в шелковые футляры с рядами треугольных шелковых же фестонов (табл. XIX, 1).

Подпоясывались хунны, как и впоследствии гунны (рис. 31), по всей вероятности, довольно широкими шерстяными плетёными поясами со специальной петлёй на одном из их концов (табл. XII, 2). Кожаных поясов не сохранилось, но они несомненно были, так как имеются поясные бронзовые пряжки, часть которых ху-

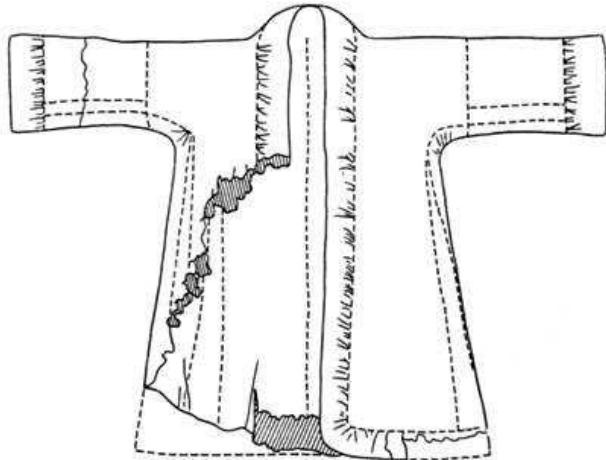

Рис. 38. Покрой тёплого войлочного кафтана, покрытого шёлковой материей.
Курган №6. Ноин-Ула.

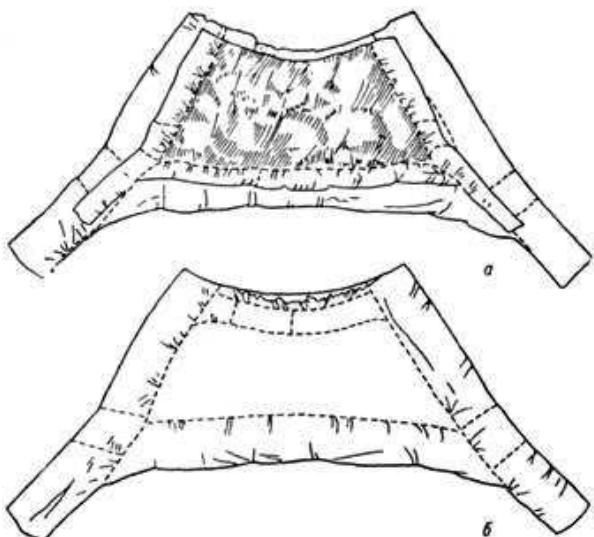

Рис. 39. Шёлковая пелерина, покрытая с наружной стороны соболиным мехом. Курган №6. Ноин-Ула.
а — лицевая сторона; б — обратная сторона.

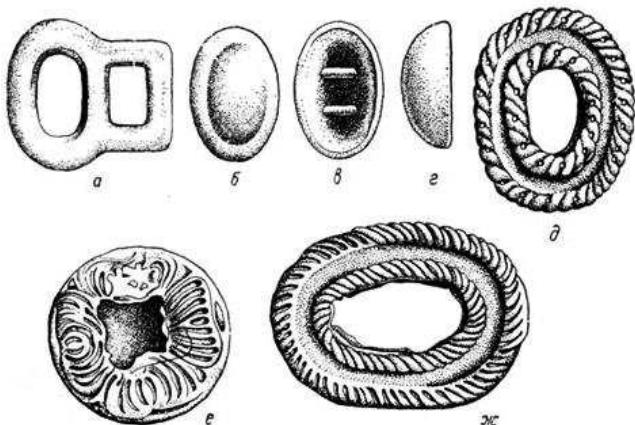

Рис. 40. Поясные пряжки и украшения из курганов Ноин-Ула (нат.вкл.).
а — бронзовая позолоченная пряжка; б-г — бронзовая позолоченная поясная бляшка; д, ж — серебряные пряжки с роговой основой. Курган №6; е — серебряная пластина с нарезным орнаментом. Курган №25.

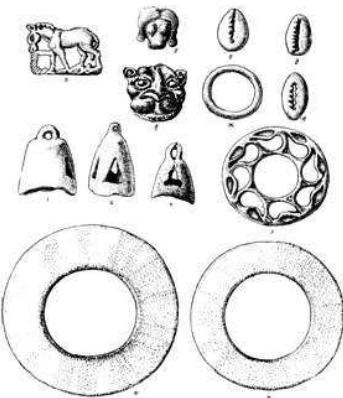

Рис. 41. Украшения из хуннских курганов
Забайкалья (2/3 нат.вкл.).
а — бронзовое литое изображение лошади; б —
бронзовая бляшка в виде головы быка; в —
бронзовое литое украшение в виде головы кошки;
г, д, е — бронзовые модели раковины ужовки; ж
— бронзовое кольцо; з, и, к — бронзовые
колоколовидные подвески; л — ажурное
бронзовое кольцо; м — костяное кольцо; н —
нефритовое кольцо (а и б — стоянка у с. Дурёны;
в, г-м — Дэрестуйский могильник; и —
Иволгинское городище).)

дожественно оформлена. Так, при раскопках Дэрестуйского могильника в одной из могил были найдены две ажурные бронзовые пряжки с запором-кнопкой с изображением головы быка (табл. XXXII, 4). Подобная же пряжка была обнаружена при раскопках Иволгинского городища. [3] Простая позолоченная бронзовая пряжка без запора была найдена в Ноинулинском кургане №6 (рис. 40, а) вместе с набором таких же овальной формы бляшек (рис. 40, б-г).

малахитовые и из разноцветного стекла. Подобные же бусы были обнаружены при раскопках в Туве могил хуннского времени.

Рис. 42. Части зонта из курганов Ноин-Ула (2/3 нат.вел.).
а — верхняя часть деревянной ручки зонта. Курган №6; б — бронзовый наконечник деревянной спицы зонта. Андреевский курган.

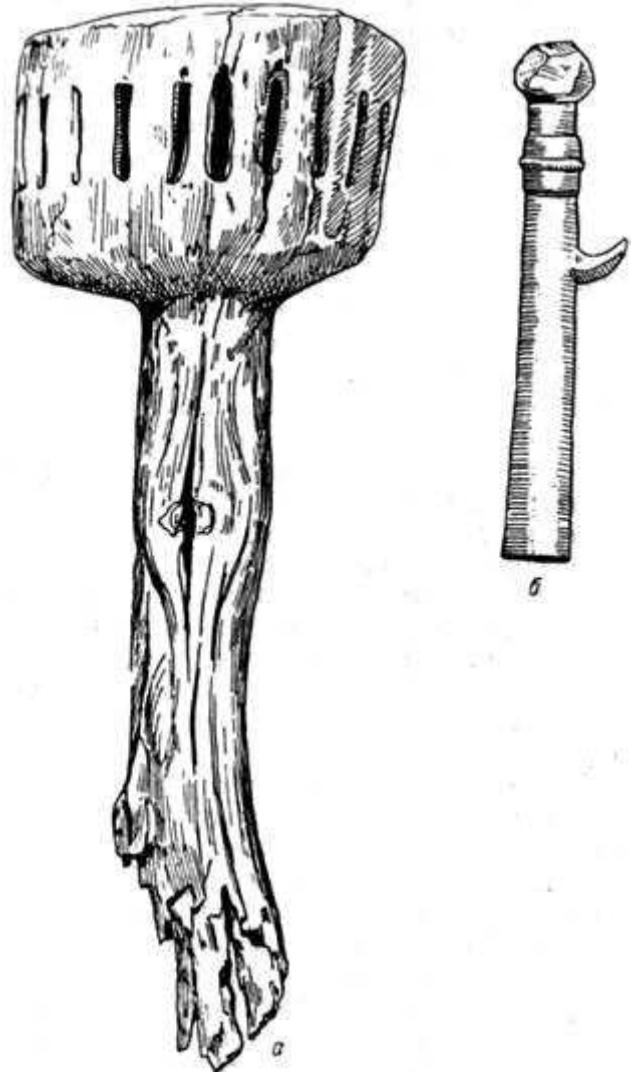
Кроме бус, в рядовых хуннских погребениях, главным образом в женских, были найдены различные украшения одежды. Наиболее интересные из них: отлитая из бронзы фигурка лошади со стоянки у д. Дурёны (рис. 41, а), бляшка в виде головы быка оттуда же (рис. 41, б), бронзовые бляшки в виде головы кошки из Дэрестуйского могильника (рис. 41, в), отлитые из бронзы модели раковин Суграе moneta (рис. 41, г-е) и кольца (рис. 41, ж) оттуда же. Весьма интересны бронзовые колоколовидные с треугольными вырезами подвески (рис. 41, з-к) и ажурное кольцо (рис. 41, л) из Дэрестуйского могильника. Такие колоколовидные подвески обычны в Китае и Корее, [4] и они несомненно китайской работы. Что касается ажурного кольца, то аналогичное ему отлитое из золота имеется в Сибирской коллекции Петра I. [5] Отличие между этими кольцами в том, что по окружности кольца из коллекции Петра I изображено пять гусей, а по окружности кольца из Дэрестуйского могильника

распашные одежду застёгивались на груди бронзовыми фибулами [пряжками], состоящими из двух дужек, одна внутри другой, и длинного язычка. Из Ноинулинского кургана №6 имеется одна такая фибула цельная (табл. XVI, 3), от другой же сохранилась только внутренняя дужка и отдельно язычок (табл. XVI, 2).

Особо следует отметить бронзовые овальной формы пряжки с веревочным орнаментом на роговой основе (рис. 40, д, ж).

В хуннских могилах, особенно в рядовых погребениях, встречаются бусы и бисер. Особенно много бус и бисера было найдено в могиле №10 Дэрестуйского могильника.

В Ноинулинских курганах обнаружены мельчайшие кристаллы пирита с просверленными отверстиями, используемые в качестве украшения одежды. Сравнительно много было янтарных бус различной формы и размеров (табл. LXXI, 1, 2). Особенno интересна янтарная бусина в виде львиной головы из Баллодовского кургана. Имеются бусы

непрерывный ряд листьев и фигуры в виде «запятой» в прорези, мотив столь характерный для определённой категории золотых скифских и бронзовых хуннских прямоугольных ажурных пластин, с которыми мы познакомимся в главе об искусстве.

В хуннских погребениях и на городище в Забайкалье в большом количестве были находимы различных размеров плоские кольца преимущественно каменные (из меловых пород и нефритовые); в Дэрестуйском могильнике было найдено такое кольцо костяное (рис. 41, м), вероятнее роговое. Подобное же нефритовое кольцо имеется и из Иволгинского городища (рис. 41, н). Большое нефритовое кольцо было обнаружено в Ноинулинском кургане №1 (табл. XX, 2). Такие кольца в качестве нагрудных украшений известны уже в неолитических погребениях Прибайкалья глазковского времени по крайней мере со средины второго тысячелетия до н.э. [6] Такое, видимо, их назначение было и у хуннов.

В упомянутом выше Ноинулинском кургане №1, помимо кольца, были найдены три нефритовые пластинки дугообразной формы (табл. XX, 1), трапециевидной (табл. XX, 3) и овальной (табл. XX, 4). У всех этих пластин по краям имеются высверленные отверстия, указывающие на то, что они на что-то нашивались, вероятно на одежду. Первая из них дугообразной формы, возможно, нашивалась в верхней части одежды — на груди, под шеей.

Любопытно, что в этом единственном из Ноинулинских кургане №1, наряду с перечисленными выше нефритовыми вещами, были найдены также нефритовые плитки-полуфабрикаты с отполированной только одной стороной (табл. XXIX). Если в этой могиле был погребён не мастер, выделяющий такие драгоценные нефритовые вещи, то персональный владелец этих ценностей.

Оригинальны деревянные лопаточки (рис. 27, р, с), из которых одна сохранилась полностью, а у другой передний конец обломан. Обе они, хотя и плоские, но их ручки оформлены так, что их очень удобно держать в руке. Назначение их не установлено, но по аналогии с известными нам угрскими и ненецкими можно думать, что они предназначались для очистки от снега преимущественно меховой одежды и других подобных вещей.

Описывая одежду и украшения хуннов, нельзя не упомянуть о зонтах, которыми пользовалась хуннская знать по примеру китайской аристократии. В кургане №6 найден верхний конец ручки большого зонта с 24 вертикальными прорезами для деревянных его спиц (рис. 42, а). Такие зонты в Китае были широко распространены в ханьское время. Аналогичные бронзовые верхушки ручек зонтов известны из раскопок древних могил в Китае.

Это предположение подтверждается наличием в ряде Ноинулинских курганов бронзовых наконечников спиц зонта (рис. 42, б), подобных найденным при раскопках в Шигнащанцзун [так в тексте], в провинции Хэбэй времени Чжань го. На китайское происхождение хуннских зонтов указывает также покрытие лаком спиц зонтов.

[1] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 40 (Шицзи).

[2] Н.Я. Бичурин, 1953, ч. III, стр. 202 (Цяньханьшу).

[3] А.В. Давыдова, 1956, рис. 19, 2.

[4] С. Умэхара и Р. Фудзита, 1959, табл. LXXXIII, №№335-357.

[5] С.И. Руденко, 1962, табл. III, 4.

[6] А.П. Окладников, 1955, табл. VI.

Таблица XX

1 CM

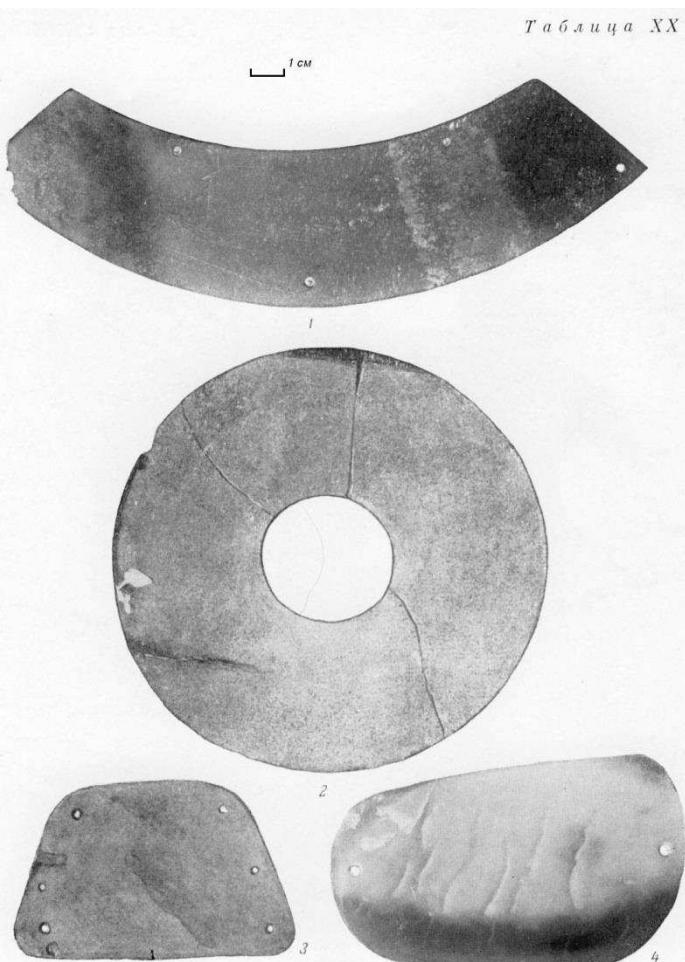
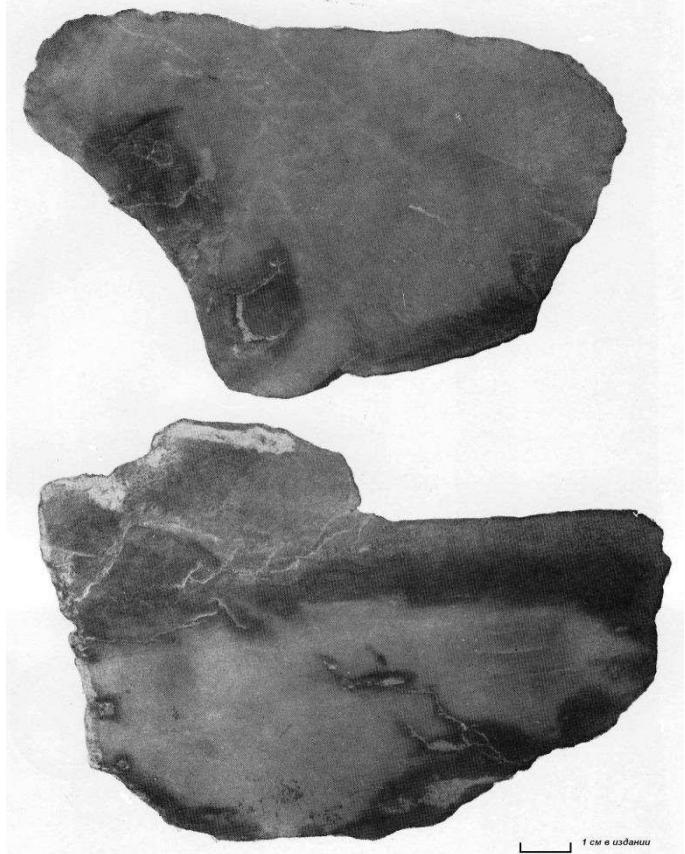

Таблица XXIX

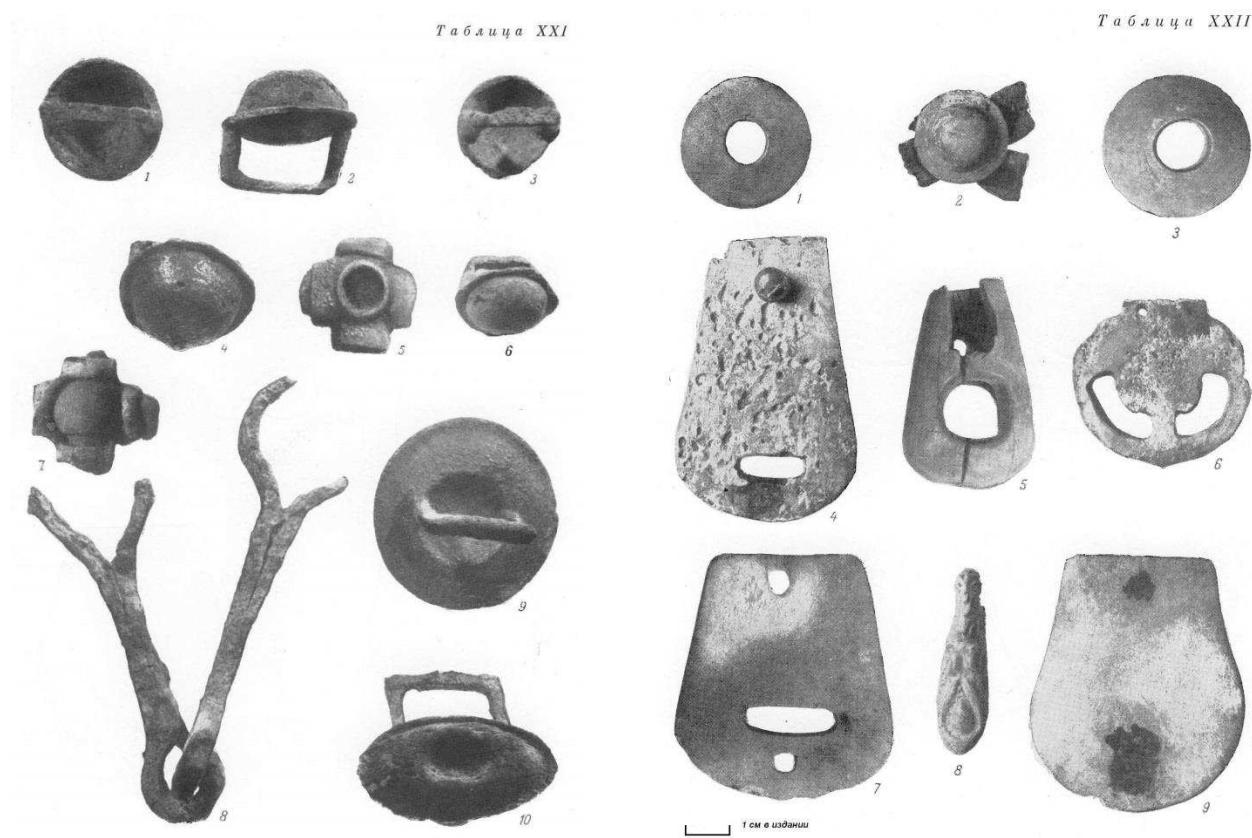
1 CM в издании

Глава V.

Средства передвижения.

Основным средством передвижения хуннов в рассматриваемую эпоху была верховая лошадь. По имеющимся находкам устройство конской узды было вполне определено. Узды были ременные и состояли из оголовья, ремня переносья, вероятно, налобного и подшейного. В местах перекрестия ремней они скреплялись бронзовыми обоймами с отверстиями для прикрытия ременных скрещений (табл. XXI, 5, 7).

Удила были железные двусоставные с большими кольцами (табл. XXI, 8; рис. 27, и). Роговые, как и железные, псалии имели пары отверстий для продевания в них развилок нащёчных ремней (рис. 43, а, б). Уздечные ремни нередко украшались бронзовыми круглыми бляхами (табл. XXI, 1-4, 6, 9 и 10; XXII, 2). К кольцам удил с одной стороны привязывался конец ременного повода, а с другой стороны конец ремня чумбура. Другой конец повода при помощи прикреплённого к нему рогового блока (табл. XXII, 5) свободно передвигался по ремню чумбура между кольцом удил и узлом, завязанным на чумбуру на некотором расстоянии от удил.

Рис. 43. Уздечные псалии из курганов Ноин-Ула (2/3 нат.вел.).
 а — псалия роговая. Дэрестуйский могильник; б — псалия железная.
 Курган №6.

Такая система точно установлена для узд у населения Алтая скифского времени, [1] а наличие рогового блока, подобного алтайским, найденного в одной из могил Ильмовой пади, указывает на ту же систему устройства и в хуннской узде. Короче говоря, конские узды хуннов, по-видимому, ничем не отличались от хорошо нам известных узд племён Алтая скифского времени.

Что представляли собой верховые сёдла хуннов, мы не знаем. Во всяком случае, они не имели ни деревянной основы, ни стремян, так как ни то, ни другое при раскопках не обнаружено. Они, по всей вероятности, были подобны алтайским, состоящим из двух кожаных подушек, набитых оленьей шерстью или травой. Седельные подпружи затягивались при помощи роговых пряжек, подобных алтайским.

Такие пряжки при одной и той же грушевидной форме были по крайней мере трёх типов: пряжки цельные с двумя железными кнопками (табл. XXII, 9), пряжки с одной бронзовой или железной кнопкой и прорезью для подпружи (табл. XXII, 4) и, наконец, пряжки с прорезью для подпружи, кнопкой у прорези (кнопка выпала и на фотографии видно только отверстие от кнопки) и круглым отверстием на узкой стороне пряжки для ремня, которым пряжка прикреплялась к седлу (табл. XXII, 7). У последней пряжки чётко видна сглаженность наружного края отверстия для продевания ремня — результат длительного пользования ею.

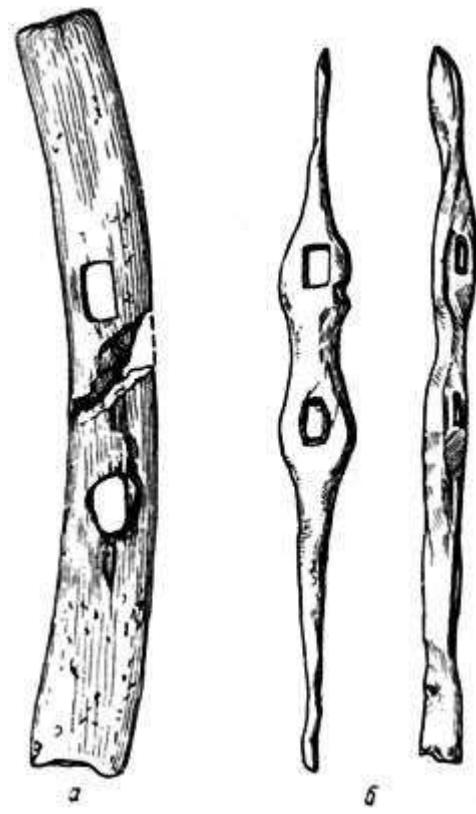
Плоские конические ворварки, изображения которых можно видеть на табл. XXII, 1, 3, характерны для алтайских сёдел. Там они прикреплялись к передним и задним лукам седельных подушек. В отверстия таких ворварок продевался ремень.

Подпружных седельных ремней при раскопках не обнаружено. У хуннов могли быть и плетёные шерстяные подпружи, подобные плетёному шерстяному «поясу», изображённому на табл. XII, 2.

Деревянные конструкции, которые, на мой взгляд, правильно определены исследователями Ноинулинских курганов как основы седла, являются основами выючных, а не верховых сёдел. Они состоят из двух пар связанных между собой передних и задних лук, соединённых между собой тремя или четырьмя квадратными в разрезе деревянными палочками (табл. XXIV, 3). Каждая лука, как сказано, состоит из двух дощечек толщиной около одного сантиметра, связанных между собой кручёными сухожильными шнурями. В этих дощечках на месте скрепления их между собой сделан вырез с таким расчётом, чтобы после соединения их общая толщина не превышала толщину дощечки. В целом луки представляют собой дугу с закруглёнными концами, отстоящими один от другого на 50 см. Для соединения передней и задней лук продольными палочками в них сделаны круглые или квадратные отверстия по паре в каждой половине луки или в одной половине два отверстия, а в другой — одно.

Рис. 44. Часть деревянного обода колеса телеги. Баллодовский курган (2/5 нат.вел.).

Поверхность деревянной основы выючных сёдел покрывалась своеобразным толстым «протобархатом» на кожаной основе с длинным шерстяным ворсом, который

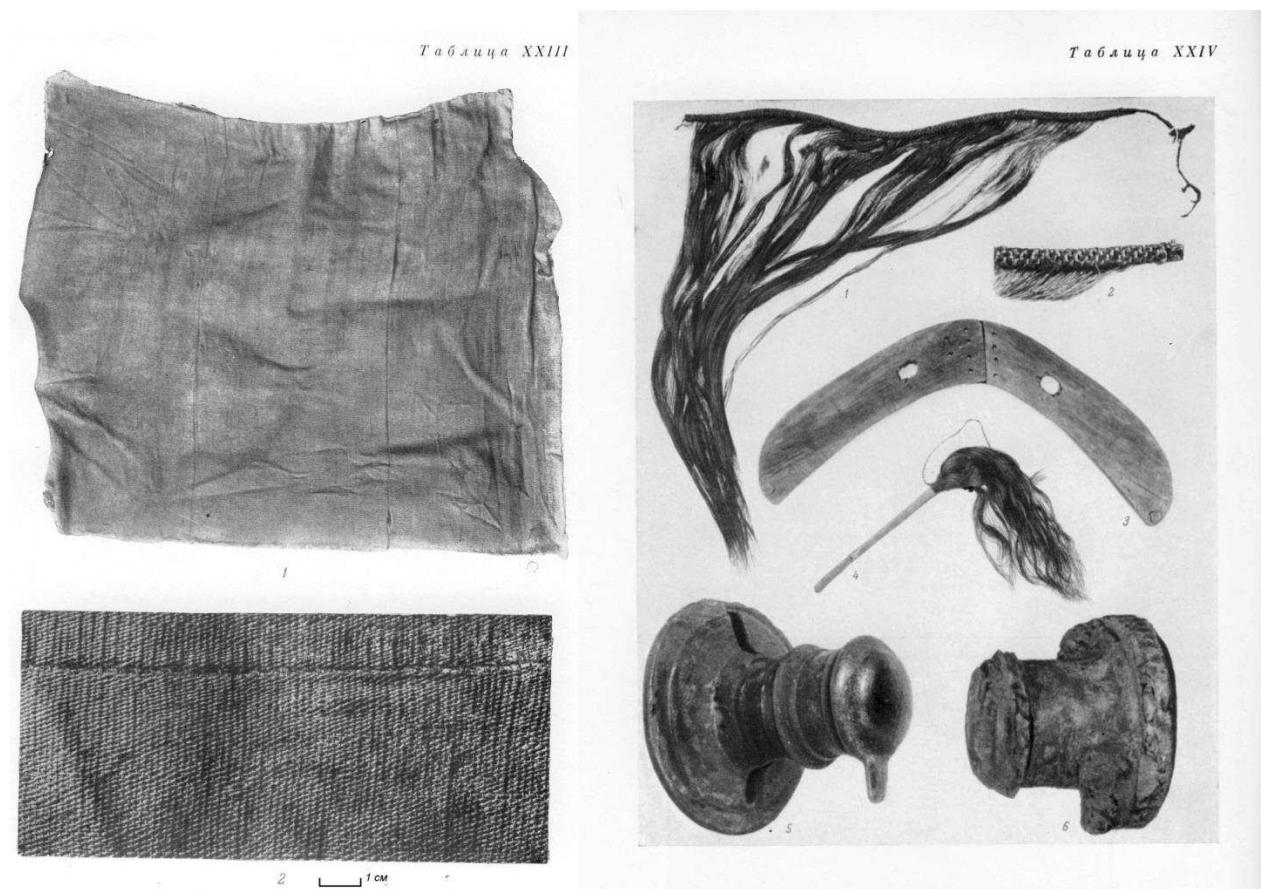

подробно будет описан в следующей главе.

Под вьючные сёдла несомненно подкладывались толстые войлочные потники или шкуры, поверх которых лежал чепрак. Такие войлочный потник и чепрак найдены в Ноинулинском кургане №6, в том, в котором были обнаружены и деревянные основы вьючных сёдел.

Войлочный потник состоит из двух совершенно одинаковых полотнищ размером 57×65 см. Войлок гладкий белый (пожелтевший от пребывания в могиле), катаный, но не простёганный. По краям потник обшит полоской грубой шерстяной ткани гроденаплевого переплетения. Цвет ткани — выцветшая марена. Ширина полоски с лицевой стороны потника 5 см, с обратной 1.5 см.

Чепрак размером 65×65 см изготовлен из толстой кожи (табл. XXIII, 1) на подкладке из грубой шерстяной ткани. Ткань эта киперного переплетения со счётом нитей 8×18 в 1 см² (табл. XXIII, 2), причём нити основы много тоньше нитей утка. Кожаная поверхность данного чепрака была покрыта чёрным лаком с расписанными на нём узорами.

Выучился, по всей вероятности, преимущественно, если не исключительно, крупный рогатый скот.

Весьма оригинален сохранившийся в Ноинулинском кургане №6, по-видимому, нагрудник от конского седла. Нагрудник (табл. XXIV, 1) этот представляет собой очень прочный и тую сплетённый из конского волоса шнур, квадратный сантиметр в сечении (табл. XXIV, 2), от которого вниз спускается бахрома длинных конских волос. К седлу этот нагрудник привязывался особым шнуром, также сплетённым (50/51)

из конского волоса. Бахрома этого нагрудника служила не только его украшением, но и защищала грудь лошади от укуса слепней и других насекомых.

Ту же цель — защиту от укусов комаров и мух имела и мухогонка, найденная в Ноинулинском кургане №1 (табл. XXIV, 4). Это деревянный стержень, вроде кнутовища нагайки, с конским

хвостом на конце.

Был у хуннов и колёсный транспорт. Китайские источники упоминают об обозе в войске хуннов, о посылаемых им китайцами четвериках упряжных лошадей и о подарках хуннов китайским императорам четвериков лошадей.

У хуннов были, по-видимому, два типа колёсных экипажей — лёгкие двухколёсные китайские повозочки и массивные, вероятно четырёхколёсные, телеги.

Рис. 45. Часть деревянного обода колеса телеги. Курган №24. Ноин-Ула (1/2 нат.вел.).

От массивных телег сохранились ничтожные части, но и они представляют большой интерес. Прежде всего обращают на себя внимание бронзовые наосьники двух типов: с язычком у наружного края и без язычка. Первые из кургана №25, больших размеров, длиною около 11 см, с диаметром части, прилегающей к колесу, 14 см, сравнительно изящно оформленные (табл. [XXIV](#), 5).

Вторые, из кургана №6, меньших размеров (с отверстиями 6.5 и 8.5 см), массивные, оформлены проще (табл. [XXIV](#), 6). Судя по втулкам этих наосьников, концы осей, на которые они одевались, были небольшого диаметра, около 4 см. Надетые на оси наосьники закреплялись железными чеками, для чего в наосьниках проделывались соответствующие отверстия. В одном из наосьников (табл. [XXIV](#), 6) сохранилась чека. Поскольку имелись чеки, колёса таких колесниц были съёмные, и вращались они на неподвижных осях. Остатки ободьев колёс настолько незначительны, что точно их размеры определить не удалось. О том, что колёса у этих повозок были большие, сомневаться не приходится. Их ободья были солидные, в поперечном разрезе 3×5 см, со сквозными отверстиями для спиц 1×3,3 см (рис. [44](#) и [45](#)). В тяжёлые повозки, по всей вероятности, впряженные быки. Об этом, между прочим, упоминают китайские источники. Ввиду отсутствия больших рек и озёр у хуннов не было нужды в плавучих средствах передвижения. К тому же они, видимо, не занимались в сколько-нибудь значительных размерах рыболовством. Поэтому у них, вероятно, не было лодок. В Хоуханьшу сообщается, что северными хуннами «для переправы отложившихся из южных поколений приготовлены были лодки из надутых воздухом лошадиных кож». [\[2\]](#) Это, по всей вероятности, были плоты с деревянным помостом на надутых воздухом лошадиных кожах.

[1] С.И. Руденко, 1953, стр. 151, рис. [89](#).

[2] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 125 (Хоуханьшу).

Глава VI. Техника обработки различных материалов.

Одним из важнейших приобретений человеческой культуры, как известно, является умение добывать огонь. Говоря вообще, чем совершеннее техника добывания огня, тем выше культура. Между тем целый ряд древних приёмов добывания огня продолжает применяться у различных народов, находящихся на доста-

(51/52)

точно высоком уровне своей культуры. В качестве пережитка у ряда народностей нашей страны примитивные приёмы добывания огня в ритуальных целях сохранились вплоть до начала XX века. Что касается хуннов рассматриваемой эпохи, то, несмотря на то, что железо не только было хорошо им известно, но они сами плавили руду и изготавливали различные железные предметы, кресала или огнива они не знали. Огонь они добывали трением, точнее сверлением, одного куска дерева другим. Во всяком случае, ни в одном из известных нам

погребений хуннов, ни на одном из городищ до сих пор не было найдено ни одного кресала или кремня, которыми высекался огонь. Напротив, нам известны многочисленные предметы, связанные с добыванием огня сверлением. В рядовых погребениях хуннов сохранились различные роговые и костяные, в частности из астрагала крупного рогатого скота, накладки на деревянный стержень при высоверливании огня. Из Ноинулинских курганов (в частности из кургана №6), вследствие хорошей сохранности дерева, мы имеем полный комплект предметов для вышеуказанной цели. Он состоит из деревянной дощечки, деревянного стержня или сверла, деревянного лучка с ременной тетивой для приведения сверла во вращательное движение. На дощечке имеются обуглившиеся луночки, а у свёрл обуглившиеся концы.

Деревянная дощечка для добывания огня (табл. XXV, 3) размером 3.4×17 см на обоих концах имеет по паре просверленных отверстий. В одном из отверстий узкого, верхнего конца дощечки продета матерчатая шёлковая петля для подвешивания дощечки и на ней висит лоскуток шёлковой материи. На одном из продольных рёбер на нижней поверхности дощечки, на её середине, сделан вырез, — вероятно, знак владельца этой дощечки. На её верхней, слегка выпуклой поверхности имеется ряд лунок с обуглившейся их поверхностью — результат неоднократного добывания на ней огня.

Круглые в разрезе стержни или свёрла, длиною от 12 до 13.2 см, диаметром 1.2-1.5 см (табл. XXV, 5), обуглены на одном или на обоих концах. В некоторых из них посередине просверлены отверстия для тетивы лучка. Лучки вырезывались из ветви дерева с отходящим от неё сучком. Размеры лучка (табл. XXV, 4) 14 см. На концах лучка прорезаны квадратные отверстия для ремешка тетивы. При работе ремешок этот продевался в отверстие в стержне-сверле и один раз вокруг него обёртывался. Если дырочки в сверле нет, оно один-два раза обертывалось тетивой лучка и движением лучка назад и вперёд приводилось во вращательное движение.

В качестве лучка хунны пользовались также плечевой костью барана [1] или ребром быка (табл. XXV, 1) с высоверленными на их концах отверстиями для тетивы.

Накладки (рис. 46, а-в) на стержень-сверло, о чём уже говорилось выше, были роговые или костяные, обязательно с луночкой на одной из сторон, размером, соответствующим размерам верхнего конца деревянного стержня-сверла. У всех накладок имеются дырочки для привязывания их, вне всякого сомнения, к дощечке для добывания огня, для чего и в ней проделано отверстие. Иногда для этой цели пользовались астрагалом быка (рис. 46, в).

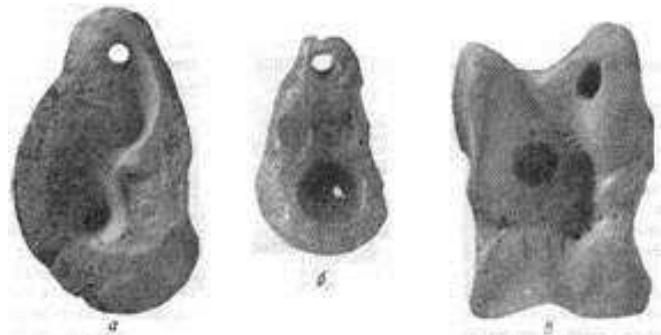

Рис. 46. Накладки-упоры на стержень при добывании огня трением (4/5 нат.вел.).
а — роговая накладка-упор. Ильмова падь; б — то же.
Суджинский могильник; в — астрагал быка. Ильмова падь.

Орудий труда или инструментов на поселениях или в могилах хуннов найдено немного и о наличии их можно заключить только по следам работы этими орудиями.

О ножах хуннов говорилось в главе второй. Какого типа были топоры, в точности неизвестно. Судя по следам работы топором, последние были, по-видимому, двух типов: с продольным лезвием и с поперечным (тёсла). О наличии коловоротов и свёрл с перками различных диаметров можно судить по многочисленным разного диаметра круглым отверстиям, просверленным как в деревянных, так и в роговых или каменных предметах. Поскольку с помощью лучков добывался огонь сверлением, то лучковыми, надо полагать, были и свёрла. Сколько высока была техника высоверливания отверстий, можно судить по миниатюрным,

диаметром около 0.3 мм, цилиндрическим отверстиям, просверленным в кристаллах пирита.

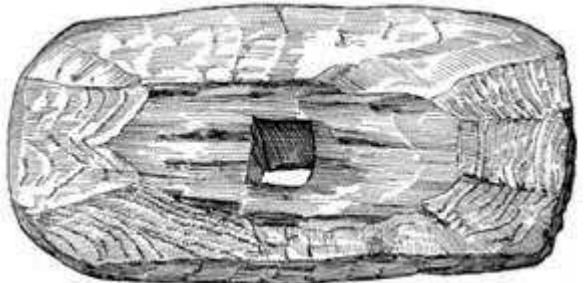
Имелись у хуннов и пилы. Верхушки капителей в Ноинулинских погребальных камерах с их гладкой поверхностью, без сомнения, были спилены пилой; имелись, по-видимому, и различного типа струги.

Сооружения могильных бревенчатых срубов и погребальных камер из тщательно выделанных плах, досок, матиц и столбов с базами и капителями указывают на незаурядное мастерство хуннов в плотничном деле. Указанные выше сооружения строились из соснового дерева. Сосновое дерево шло и на многие другие поделки: ложки и уполовники, донцы и крышки туесов, сёдла и т.п. Кроме сосны, хунны широко пользовались берёзой и иллиом. Любопытно, что из хорошо гнувшегося и крепкого иллима хунны гнули ободья для колёс, в остальном их телеги делались из берёзового дерева. Дерево иллима, кроме того, употреблялось для изготовления снаряда (дощечки и свёрла) для добывания огня.

Столики были берёзовые, причём их крышки иногда выделялись из берёзового капа. Берёзовыми также были корытца и лопаточки.

Неплохими у хуннов были столяры, если судить по хорошо выструганным и пригнанным одна к другой доскам гробов Ноинулинских курганов, к тому же досок, скреплённых между собой Х-образными шипами. С помощью тесла, ножа и долота они из целого дерева выделяли крышки столиков, сосуды и различные подставки (рис. 47). Не без резца с изогнутым лезвием вырезались ими деревянные ложки и уполовники. Совершенно круглые в сечении шесты и древки, особенно для стрел, могли изготавливаться только особыми стругами-ножами, вставленными в прорезь желобчатых пластинок различного диаметра. Специальным резцом или остролезвийным ножом вырезывались по дереву различные орнаменты и даже скульптурные фигуры животных.

Рис. 47. Массивная деревянная подставка с квадратной втулкой.
Курган №6. Ноин-Ула (1/3 нат.вел.).

С помощью ножа, резца и сверла хуннами изготавливались различные предметы из кости и рога. Роговыми, как мы видели, были накладки на луки для стрельбы. Из рога и кости выделялись наконечники стрел. Особо тщательной работы требовали костяные, бочкообразные, полые внутри и с прорезями свистунки у наконечников стрел. Для конской упряжи из отростков рога вырезывались псалии и массивные подпружные для сёдел пряжки. Из кости и рога были ручки ножей. Тонкая работа требовалась для изготовления костяных трубочек и чашечек на длинной ручке, трубочек и палочек для еды. Весьма тонкой работы, как мы видели, чашечка со сливом, выделенная из основания рога оленя, причём бугорчатости по его периферической части рядом сверлин придан ажурный характер (табл. VII, 7).

Самой замечательной ювелирной работой хуннов по кости является цилиндр с вырезанным по его поверхности изображением крылатого и рогатого мифического волка (табл. XXXVI, 1, 2).

Ничего определённого, к сожалению, нельзя сказать о технике выделки меха и кожи, хотя тщательно выделанных образцов из этих материалов много. Хорошо выделялись собольи меха, предназначенные для отделки одежды и головных уборов. Из очень тонкой кожи вырезывались трафареты для узорных аппликаций

на войлочных коврах. Довольно грубая кожа шла на изготовление чепраков. Из толстой кожи, по-видимому воловьей, вырезывались ремни для конской сбруи. Для пошивки грубых изделий, в частности кожаных, употреблялись кручёные сухожильные нитки. Самой разнообразной и тщательной обработке подвергалась шерсть овец. Прежде всего следует отметить, что шерсть и пух овец хунны не выщипывали со шкур животных, а срезали острым ножом или стригли ножницами. В изделиях из шерсти и пуха овец не обнаружено луковиц. Пряли нитки на веретенах с обычными глиняными пряслицами (табл. [XXV](#), 2). Шерстяные нитки были различной тонкости и степени крутизны, в зависимости от их назначения. Образцы войлок из тёмно-коричневой, почти чёрной овечьей шерсти, катки средней плотности. Такие войлочки служили подстилкой и заменяли шкуры и ковры. Катились также тонкие войлочки из очень тонкой шерсти с преобладанием пуха, употреблявшиеся для пошивки одежды и обуви.

Довольно разнообразны были у хуннов шерстяные ткани, преимущественно толстые и относительно грубой работы.

Часть образцов шерстяных тканей из Ноинулинских курганов была исследована А.А. Воскресенским и Н.П. Тихоновым. [\[2\]](#) Ниже сообщаются некоторые результаты этих исследований.

У наружной ткани, покрывающей один из ковров Ноинулинского кургана №6, нитки основы скручены из двух нитей. Направление крутики одной из них вправо (17.5 оборота на 1 дцм), другой — влево (5.1 оборота). Различное направление крутики в кручиной пряже применялось для того, чтобы скрученная в противоположных направлениях пряжа была прочной и не скручивалась. Нить утка показала крутизу в среднем 6.4 оборота. Номер пряжи основы, кручиной из двух нитей, около 10, а из одной нити — 20. Номер пряжи утка — 17.

Нити основы ткани, подкладка того же ковра, скручены также из двух нитей: одной — с круткой по направлению вправо в 10.3 оборота, а другой — с круткой влево в 4 оборота. Крутка пряжи утка той же ткани оказалась значительно меньше крутики утка первой ткани, всего в 2 оборота. Номера основы 13 и 25, утка — 10. Обе ткани имеют рисунок рубчиков — репса, идущий вдоль основы. Переплетение нитей основы и утка идет через одну нить, т.о. так же, как в современном полотне, в полотняном, или гроденаплевом, переплетении.

При изготовлении же рассматриваемой ткани хунны пользовались двумя утками и построили её так, что один уток налегает на другой и образует, переплетаясь с основой, восьмёрку.

Плотность основы наружной ткани, покрывающей ковёр, имеет в 1 см 8 нитей, для утка — 91 нить. Плотность основы внутренней или нижней ткани — на 1 см 8 нитей, а утка — 28 нитей. Таким образом, наружная ткань, покрывающая ковер, отличается чрезвычайной плотностью, а способ переплетения — двумя сильно прибитыми друг к другу утками, что свидетельствует о предназначении ткани для длительного пользования. Особенность утка обеих тканей — очень слабое кручение. Чтобы построить такую ткань, надо было чрезвычайно осторожно переплести основу с утком, не создавать излишнего напряжения утка (во избежание разрывов) и класть его так, чтобы везде была почти одинаковая плотность.

Так как в тканях в большинстве случаев изнашивается уток, то, как это справедливо отмечают А.А. Воскресенский и Н.П. Тихонов, надо признать, что построение этих тканей, особенно наружной, чрезвычайно хорошее, лучшее даже, чем в современных тканях. [\[3\]](#) Их исключительное качество определяется умелым использованием упругих сопротивлений материала, благодаря чему носкость этих тканей должна была быть очень большой, что и подтвердилось специальным исследованием их на изнашивание.

Исследование пряжи показало очень хорошее умение мастера готовить кручинную нить для основы, давать ровную по всей длине пряжу, делать крутизу по разным направлениям и достигать сравнительно малой тонины пряжи.

Почти полное отсутствие крутки пряжи утка и в то же время целостность такой пряжи свидетельствуют об исключительном умении располагать волокна так, чтобы они дали сплошную нить.

Интересна ткань, которой с изнанки подшит конский чепрак. Её ширина 65 см, счёт нитей 8×18 в см² с характерным киперным переплетением (табл. [XXIII](#), 2).

Характеристика тканей драпировок, украшавших стены жилищ хуннов, будет дана особо в связи с вышитыми на них узорами.

Шнуры из Ноинулинских курганов различной толщины и техники выполнения. Так, например, красный (красящее вещество корень марены — *Rubia tinctoria*) шнур ковра состоит из 13 скрученных между собой нитей. Крутка этого шнура равняется 3.5 оборота, направление крутки вправо. Крутка нитей, составляющих шнур, 9.9 оборота, направление их крутки влево.

Шнур, которым обшиты сцены на том же ковре, состоит всего из 4 скрученных между собой нитей, их крутка 4.6 оборота, направление крутки влево. Крутка шнура 5.5 оборота и направлена вправо. [\[4\]](#)

Ещё один шнур-сшивка сработан из шерсти, близкой к грубой, диаметр ости которой доходит до 100 микрон. По существу это не шнур, а толстая кручёная в два конца пряжа с круткой в 3.4 оборота на один дециметр.

Техника вышивки на ноинулинских тканях разнообразна, причём следует особо рассмотреть вышивки на тканях шерстяных и шёлковых.

Особое внимание следует уделить вышивкам на войлочных коврах из Ноинулинских курганов хуннской работы.

Орнамент на одном из войлочных ковров из Кондратьевского кургана, постилающихся на полу жилища, является результатом его простёжки сухожильными нитками, придавшей особую прочность ковру. Его борта прошиты двумя параллельными линиями с фигурами по краю, которые можно видеть на табл. [V](#), 1, 2, центральная же часть покрыта узором из взаимно-перекрещивающихся под углом линий, образующих фигуры ромбов. На подобных же коврах из курганов №№6 и 25 простёжкой центральной их части вышиты своеобразные узоры из спиралей (табл. [XXXIX](#) и [XL](#); рис. [48](#)). Спирали эти выполнены путём наложения шнура, составленного из 12 шерстяных нитей (шнурковая вязь). Шнур наложен по покрывающей ковры шерстяной и шёлковой ткани и прикреплён к войлоку ковров сухожильными нитями, скученными из 2-4 волокон. Нитью прокалывался шнур вместе с тканью и войлоком, образуя на обратной стороне войлока следы в виде правильных стежков. Кайма ковра простёгана двойной, скучённой шерстяной ниткой, причём стежки образуют правильные ромбические фигуры. Техника шва — шитьё «вперед иголку», на левой стороне нити закреплены узлом (рис. [49](#)). На этом фоне кайма покрыта узором из чередующихся сцен борьбы животных и деревьев (рис. [48](#); табл. [XLI](#)). Узор этот вышит по способу аппликации. Сцены и деревья выполнены в несколько цветов по тонкому войлоку типа фетра.

Процесс выполнения аппликаций представляется в следующем виде.

Первоначально из тончайшей кожи вырезалась подкладка под сцены и деревья. Затем из фетра различных цветов вырезались основные фигуры: срединные пятна на теле животных, идущие от задних ног вдоль спины к шее, уши и детали рогов, копыта, детали хвоста, крылья, детали деревьев. Расположенные отдельные части рисунка в определённом порядке скреплялись между собой по углам. Затем смежные фигуры с изнанки скреплялись швом, причём последний шёл в направлении от работающего — «от себя». Полученная таким путём фетровая аппликация накладывалась на кожаную подкладку, после чего основные фигуры инкрустировались мелкими частями. Затем шла обработка фигур швами. Каждая отдельная часть пришивалась по краям швом «взад иголку». Следующей стадией была прокладка шнура по краям всей фигуры, по линиям инкрустации, а также на однородных частях фигуры, там, где рисунок требовал особо подчёркнутой и резкой линии, например в обрисовке ног. Шнур свит из четырёх толстых шерстяных нитей, а там, где им оконтуриваются мелкие детали, из трёх нитей. Им резко подчёркиваются контуры фигур. Фигуры и оконтуривающий их шнур нашиты на войлок сухожильной нитью по краю кожаной подкладки.

Полоса узора между центральным полем и каймой со сценами представляет собой орнамент из чередующихся фигур креста, квадрата, щита и фигуры, являющейся фоном креста; каждая из этих фигур прошита по всей поверхности швом «взад иголку». [5]

Мотив борьбы зверей и нападения хищников на парнокопытных в искусстве хуннов генетически связан с подобными же изображениями в искусстве племён Южной Сибири и в частности Алтая в скифское время. Его мы особо рассмотрим в главе об искусстве хуннов. Здесь я хотел бы обратить внимание на одну из деталей технического выполнения этих сцен на коврах из Ноинулинских курганов. Многочисленные аппликации сцен борьбы зверей в искусстве племён Алтая скифского времени выполнены из кожи с последующей раскраской

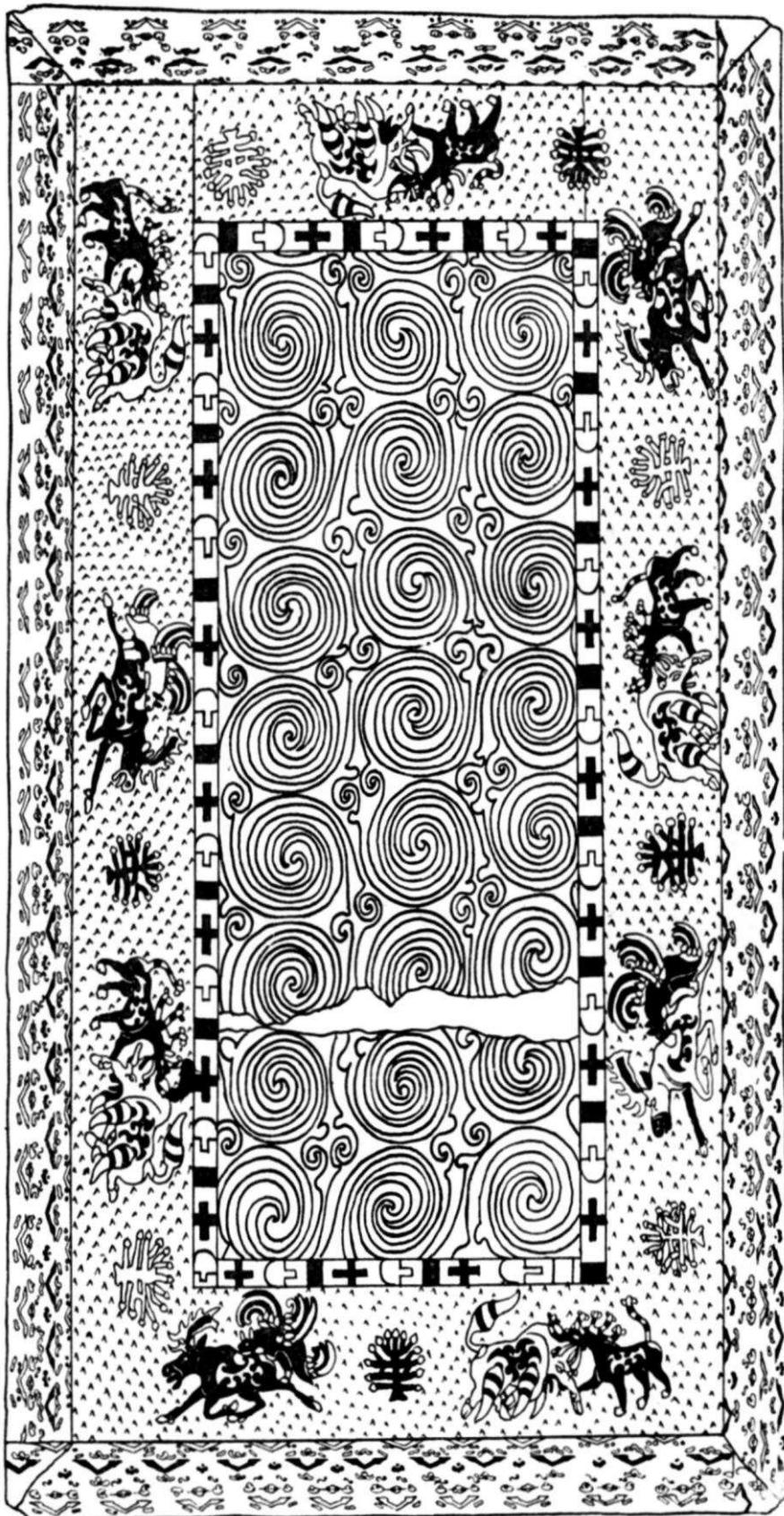

Рис. 48. Войлочный ковер. Курган № 6. Ноин-Ула.

деталей. Подобные сцены аппликаций на хуннских коврах, представляющих собой сплошную вышивку, также вырезывались из кожи, контуры рисунка выделялись нашивкой шнуром, детали выделялись разноцветной вышивкой.

Крайне интересно шерстяное узорное покрытие лук вьючных сёдел, о котором упоминалось в главе четвёртой. Первое впечатление от этого покрытия, как от коврового или толстого бархатного. При ближайшем рассмотрении оказывается, что техника его изготовления весьма оригинальная и до ноинулинских раскопок, насколько я знаю, нигде, исключая Алтая скифского времени, не была обнаружена. В данном случае мы имеем большой лоскут кожи, на который кручёной сухожильной ниткой нашиты пучки красных и чёрных шерстяных нитей, а затем тщательно подстриженных так, что получилась совершенно гладкая поверхность. Расположением красных и чёрных пучков получен узор, представленный на табл. LXXII, 1.

Рис. 49. Образец простёжки войлочного ковра с обратной стороны.
Курган №6. Ноин-Ула.

Технически это выполнялось следующим образом. Пучок из 52 нитей накладывался на поверхность кожи и накрепко прикреплялся к ней сухожильной нитью. Затем нити приподнимались сверху и срезались. Если стежок был вдвое больших размеров, то рядом накладывались два пучка в общей сложности из 104 нитей, прикреплялись к коже и затем срезались. Нити, которые лежали непосредственно на коже, после срезывания имели общую длину 14 мм, а те пучки, что лежали в верхнем слое, — всего 6-7 мм. Высота всего ворса получалась 7 мм при числе нитей на поверхности при малом стежке 104 и при большом 208. Нити скучены из очень тонкого пуха, но слабой крутки, вследствие чего плотность характеризуется мягкой поверхностью (рис. 50, А, Б). Этот приём покрытия наружной стороны уздечных ремней «бархатным узором» следует отметить по остаткам узд из ряда Ноинулинских курганов, в частности из кургана №6. Любопытно, что этот приём значительно раньше практиковался на Алтае. В Пазырыкском пятом кургане, датируемом рубежом V и IV вв. до н.э., точно таким же бархатным узором были покрыты уздечные ремни четырёх упряжных лошадей, погребённых в этом кургане.

Об ухуаньцах в Хоуханьшу сообщается, между прочим, что их женщины умеют вышивать шелками по коже. [6]

О том, что шелками по коже вышивали и хунны, мы видели на одном из образцов обуви из Ноинулинского кургана №6 (рис. 34, в).

Известные нам изделия хуннов из глины представлены почти исключительно различными сосудами. Исследователи хуннской керамики [7] различают два типа: сосуды грубой работы и простых форм и сосуды технически более совершенные и разнообразные по форме.

Рис. 50. Лицевая (А) и обратная (Б) стороны «бархата», покрывающего луки выючного седла. Курган №6. Ноин-Ула (нат.вел.).

К первой группе относятся лепные глиняные горшки плохого обжига со значительной примесью песка; их черепки в изломе чёрного цвета. В основном они представлены небольшими сосудами баночной формы, различающимися лишь заделкой края, отогнутого наружу или внутрь. Высота их от 10 до 25 см. Как правило, они покрыты густым слоем нагара и служили, по всей вероятности, для варки пищи. К этой же группе относятся большие шаровидные котлы с вертикальным или слегка отогнутым кнаружи краем. Керамика этой группы известна как из хуннских погребений Забайкалья, так и с мест поселений.

Вторая группа — сосуды, изготовленные ленточной техникой из хорошо отмученной глины, превосходного обжига, с блестящей лощёной поверхностью. На дне некоторых сосудов этой группы заметны квадратные вдавления, указывающие на закрепление горшков при их выделке на ручном гончарном диске с шипом. В этой группе А.В. Давыдова [8] выделяет

следующие типы:

Тип I. Большие горшки с отогнутым наружу утолщённым краем и небольшими отверстиями в дне (рис. 51, г-е). Такие сосуды предназначались для приготовления творога, о чём упоминалось, когда речь шла о пище хуннов.

Тип II. Большие (до 1 м высоты, 45 см диаметра, с толщиной стенок 1-1.5 см) грушевидной формы урны с массивным отогнутым кнаружи краем, типа греческого пифоса. В нижней части таких сосудов близ днища имеется сквозное отверстие диаметром около 2 см (рис. 51, к). Такие сосуды известны из Забайкалья, прекрасные образцы этого типа обнаружены в Ноинулинских курганах №№1 и 6 (табл. XXV, 4). Г.П. Сосновский, по аналогии с подобными китайскими горшками,, предполагает, что они предназначались для приготовления спиртного напитка из риса.

Тип III. Довольно большие (до 64 см высоты) грушевидные горшки вытянутых пропорций с широким, слабо выраженным горлом (рис. 51, а, ж). В таких сосудах, вероятно, содержалась жидккая пища и вода. Грушевидные сосуды отличаются от предыдущих меньшими размерами (от 25 до 50 см высоты), ясно выраженным узким горлом и поверхностью с вертикально лощёными полосками.

Узкогорлые небольшие грушевидной формы сосуды с плавно отогнутым кнаружи краем — кувшинчики без ручек — на дне имеют китайские клейма (рис. 52).

Наконец, сравнительно редко встречающиеся в Забайкалье плоскодонные миски (рис. 51, и).

Наиболее распространённые на сосудах второй группы орнаментальные мотивы следующие. Волнистые врезные линии вокруг тулов (табл. XXVII, 2, 3, 7); лощёные полоски (табл. XXVII, 7); вертикальные или пересекающиеся в виде сетки линии (табл. XXVII, 5); прямые, волнистые или S-образные налепные валики (табл. XXVII, 4, 8), иногда с защипами, наконец, волютообразные полосы (табл. XXVII, 6).

Сосуды второй группы имеют своих аналогов в современной им китайской керамике, и вполне вероятно не только заимствование хуннами от китайцев сосудов этой группы, но возможно, что в большинстве случаев китайцы и изготавливали такие сосуды для хуннов.

Были ли среди хуннов мастера, которые занимались выплавкой чугуна и изготовлением железных орудий и оружия? Думаю, что были, ибо мало вероятно, чтобы все нужды этого народа в металлических изделиях обслуживались китайцами.

На хуннском Иволгинском городище был обнаружен горн для выплавки чугуна, состоящий из двух частей: ямы, где плавилась руда, и полунадземного канала, через который продувался воздух в яму, регулировалась топка горна и откуда вычёрпывался жидкий металл. Яма представляла собой квадратное углубление, стени которого, обмазанные глиной, были сильно ошлакованы. Размер этой ямы был 37×37 см, глубиною 35 см. Канал был такой же ширины и высотою 20 см. [9]

В подобных печах выплавлялся чугун для сошников, о которых была речь в главе второй.

Из железа хунны выковывали ножи и другие орудия, удила, наконечники стрел, стержни для палиц и другие предметы первой необходимости.

Из бронзы отливались преимущественно предметы, служившие украшениями: уздечные пронизки и бляхи, поясные пряжки, всевозможные художественные изделия, в том числе изображения отдельных животных и сцен борьбы. Следует, однако, отметить, что техника литья у хуннов была далека от того совершенства, каким обладали их западные соседи, народы Южной Сибири и китайцы. Особенно грубое литьё было бронзовых палиц, лат, котлов для варки пищи.

Для решения вопроса о месте производства бронзовых изделий из хуннских могил, иначе говоря, — все ли они местного производства или среди них имеются и привозные, китайские, — был произведен химический анализ двадцати трёх предметов. Оказалось, что бронзовые вещи как из Ноинулинских курганов, так и из хуннских курганов Забайкалья весьма однородны по химическому составу. При содержании меди от 83 до 90% в них почти в равных количествах встречается примесь свинца и олова. Примесь свинца в среднем 6-7%, олова 5-6%.

Рис. 51. Образцы глиняных сосудов из Забайкалья:
а, в-ж, и, к — Иволгинское городище; б, з — Суджинский
могильник.

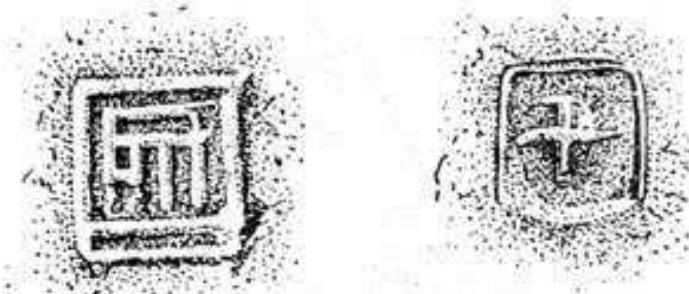
Весьма малая примесь в сплавах мышьяка и сурьмы — до 0.7%, а никеля и висмута всего до 0.1%. За редкими исключениями остальные элементы обнаружены в ещё меньшем количестве.

По химическому составу несколько выделяется большой бронзовый котёл из Ноинулинского кургана №6, в котором при 90% меди свинца оказалось 7% и только 1% олова, а также китайское зеркало, в состав которого входит 94% меди, 4% олова и всего 1% свинца.

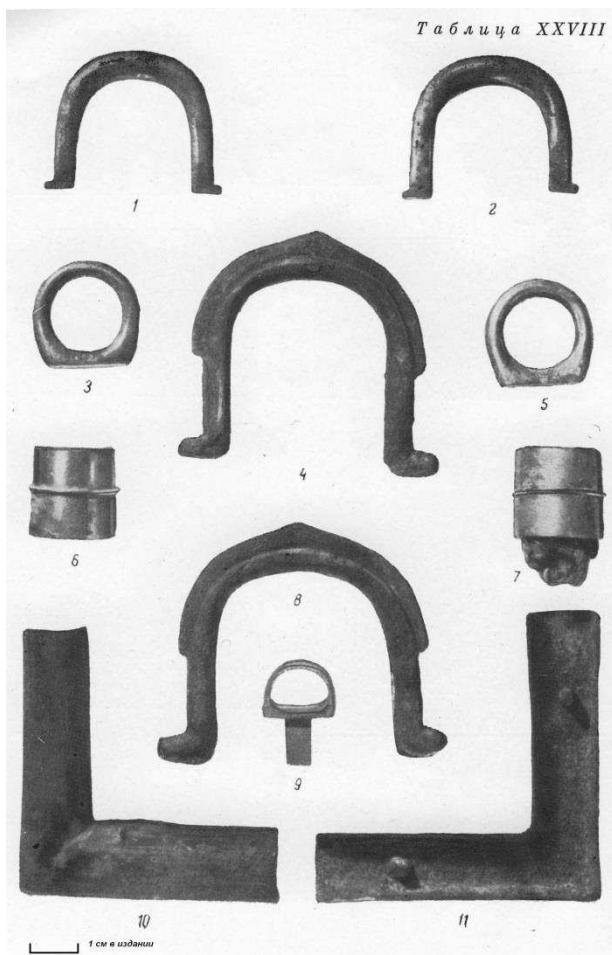
Таким образом, за исключением китайского зеркала, у нас нет пока оснований для выделения по химическому составу среди найденных в хуннских погребениях бронзовых вещей импортных китайских.

Многочисленные обнаруженные в Ноинулинских курганах бронзовые изделия, которые вероятно местной китайской работы, отличаются

Рис. 52. Отпечатки клейм на донце глиняных
сосудов. Иволгинское городище (нат.вел.).

сравнительно более совершенной техникой литья. Это небольшие бронзовые сосуды (табл. VII, 3; XXXIV, 2), наружные концы зонтичных спиц (табл. XXXIII, 3), наосьники (табл. XXIV, 5, 6), наугольники (табл. XXVIII, 10, 11), самые разнообразные скобы (табл. XXVIII, 1, 2, 4, 8). Особенno тщательной работы позолоченные бронзовые навершия (табл. XXVIII, 6, 7) и скобы (табл. XXVIII, 3, 5, 9) или пряжка и украшение пояса (рис. 40, а, б). Какие из золотых ювелирных изделий, найденных в хуннских могилах, их собственного изделия и какие привозные, не всегда можно решить. Всё же некоторые из них как, например, лежащая крылатая лошадь (табл. XXXV, 4), вероятно, местной работы.

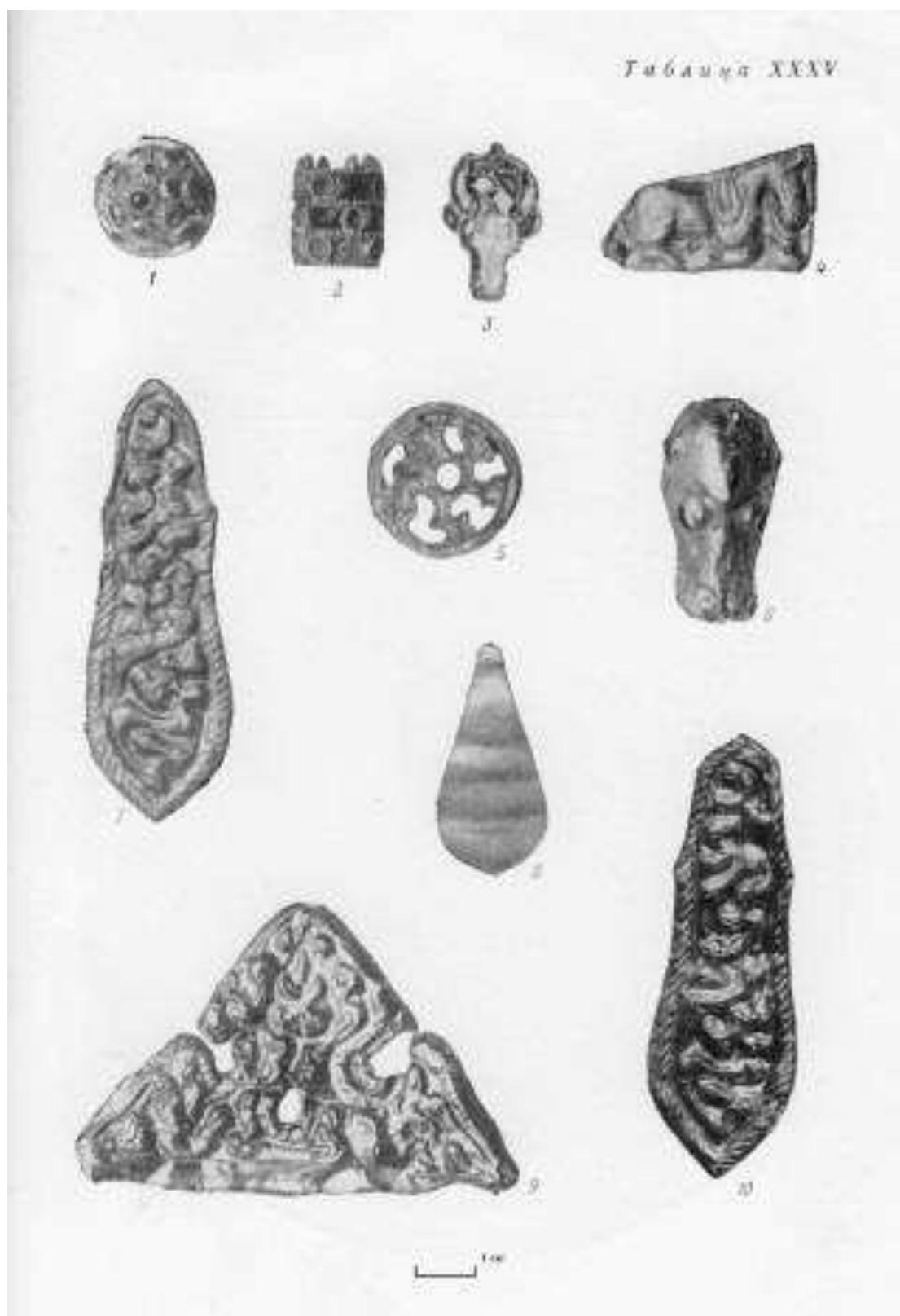

Изделий хуннов из камня нам известно немного. Тем не менее техникой шлифовки камня и резьбы по камню они владели в совершенстве. В Ноинулинских курганах сохранились прекрасно отполированные нефритовые плитки-полуфабрикаты (табл. [XXIX](#)) и ряд изделий из плиток нефрита, в частности кольца, о которых речь была в главе об одежде. Подобные кольца хуннами Забайкалья изготавливались из более мягких горных пород. Помимо колец, хунны вырезали из камня чашечки, подобные китайским, с горизонтальными ручками (рис. [28](#)), схематические человеческие фигурки (рис. [64](#)) и из янтаря фигурки животных.

Особого упоминания заслуживают бусы из кристаллов пирита. В Ноинулинских курганах были найдены различных размеров кристаллы пирита, добытые в горах Ноин-Ула, с просверленными в них отверстиями. Замечательны чрезвычайно мелкие размеры этих цилиндрических отверстий, диаметром до 0.3 мм. Принимая во внимание твёрдость пирита, равную шести баллам, отверстия в них могли быть высверлены только при помощи алмазного сверла, что указывает на высокое ювелирное мастерство.

Были ли у хуннов свои ювелиры или иноземцы при ставках шаньюев, мы не знаем, во всяком случае штампованные из листового золота и литые золотые украшения могли изготавляться на месте. Среди последних особого внимания заслуживают головка быка (табл. [XXXV](#), 3) и цилиндр с орнаментами из мельчайшей зерни (табл. [XXXV](#), 2). Золотые украшения с зернью были широко распространены среди племён Южной Сибири во второй половине первого тысячелетия до н.э., и золотых дел мастера могли быть и среди хуннов.

Таблица XXXV

[1] Ю.Д. Талько-Грынцевич, 1902, табл. I, могила 9, рис. 7.

[2] А.А. Воскресенский и Н.П. Тихонов, 1932, стр. 81-89.

[3] Там же, стр. 91.

[4] Там же, стр. 89.

[5] А.А. Воскресенский и Н.П. Тихонов, 1932, стр. 95-98.

[6] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 143 (Хоуханьшу).

[7] Подробно см.: А.В. Давыдова и В.П. Шилов, 1952, стр. 106-109.

[8] А.В. Давыдова, 1956, стр. 275-284.

[9] А.В. Давыдова, 1956, стр. 273-274.

Глава VII.

Оружие и военное дело.

В Шицзи о хуннах сообщается: «Могущие владеть луком поступают в латную конницу». [1] В том же источнике говорится, что «длинное их оружие есть лук со стрелами, короткое оружие — сабля и копьё». [2]

Устройство лука хуннов описано в главе второй; в главе пятой имеются изображения луков в наручниках (рис. 31). О типах боевых стрел сообщалось на стр. 26. Характерной особенностью боевых стрел хуннов было наличие «свистунки», изобретение коей китайская хроника приписывает хуннскому шаньюю Модэ, который «сделал свистунку и начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука». [3]

Лук с наручником и колчан с четырьмя выпусками стрел (в одном выпуске содержалось 12 стрел) были традиционным подарком китайских императоров шаньюям хуннов. [4] Среди этих подарков были и чеканы в футлярах.

При раскопках хуннских поселений и могил, в том числе в Ноинулинских, ни чеканов, ни мечей или сабель обнаружено не было, но найдены палицы и нечто вроде кастетов.

При упоминании о законах хуннов в Шицзи сказано: «Извлекшему острое оружие и фут — смерть». В примечании поясняется, что футом называется военное железное оружие, имеющее вид палки длиною около $1\frac{1}{4}$ фута и короче. [5]

В Ноинулинских курганах в погребениях мужском и женском обнаружены такие футы, или палицы, на которые обращал внимание А.Н. Бернштам. [6] Палицы эти (табл. XXX, 1, 2) оказались не железные, а бронзовые, с квадратным в сечении железным стержнем внутри. Длина этих палиц колеблется от 30 до 36 см, диаметр от 2.5 до 2.8 см с утолщением на концах до 3.3 и 6 см.

Там, где виден железный стержень, его сечение 1 см^2 . Принимая во внимание относительную хрупкость бронзы, наличие железного стержня внутри палиц свидетельствует о том, что данное орудие было рассчитано для нанесения сильных ударов.

Примечательно совпадение по длине размеров этих орудий с китайским футом, длина которого в конце династии Хань равнялась 29.5 см.

В Ноинулинском кургане № 25 найдены два бронзовых литых предмета, один из которых длиною 26 см и шириной 8 см (табл. XXXI), а другой такой же предмет меньших размеров (табл. XXX, 4). Его длина около 23 см, наибольшая ширина 7.3 см. Наружная поверхность этих

предметов слегка выпуклая с бортиком по краю, внутренняя соответственно вогнутая с двумя парами массивных скоб близ концов и парой маленьких скобок или с четырьмя зубцами по середине. Величина и массивность скоб указывает на солидное прикрепление этих

предметов, по всей вероятности ремнями, к какой-то толстой поверхности. Пара подобных же, но проще оформленных и более узких (дл. 24 см, наиб. ширина 3.5 см) предметов (рис. 53) была найдена Г.О. Боровкой в одной из могил при раскопках в долине р. Толы, в Монголии. [7]

Таблица XXXI

на обратной стороне, которые не были предназначены для прикрепления к узде. В одной из последних работ, посвященных китайским божествам, [10] в работе по древностям Кореи [11] опубликован бронзовый позолоченный «конский налобник» точно такой же формы, как и ноинулинские предметы, о которых идёт речь. Наружная его поверхность покрыта изящным орнаментом с изображением божества Сян с большими ушами и очень длинной рукой, держащей цветущее растение. Поскольку Сян является символом бессмертия, его изображение вполне уместно на латах и ничем не оправдано на конском налобнике.

Рис. 53. Бронзовые наручья-латы. Р. Тола. Монголия (1/2 нат.вел.).

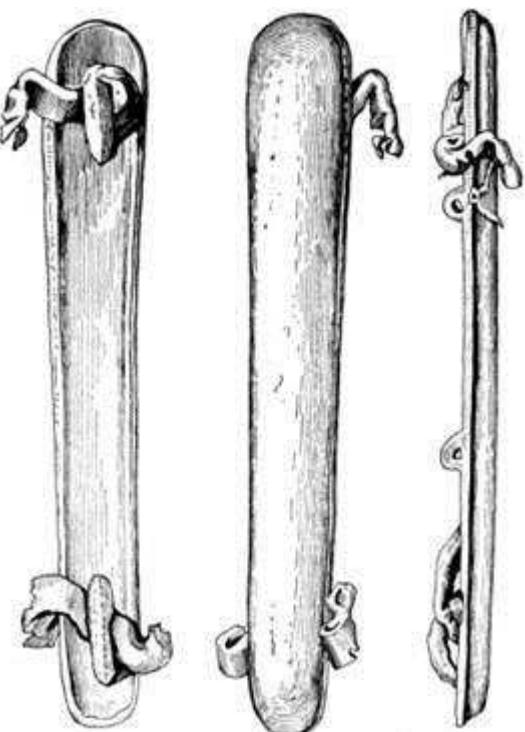
Предметами вооружения, своего рода кастетами, я считаю загадочные предметы, состоящие из пары литых бронзовых стержней, соединённых между собой обоюдоострыми железными клиньями. Стержни эти не строго цилиндричны. Их внешние концы значительно толще внутренних, в которые вставлены

В китайских источниках неоднократно упоминается о «латной» коннице хуннов. Какие же у них могли быть латы?

При раскопках на Алтае в одном из Туэттинских курганов, датируемых срединой первого тысячелетия до н.э., были найдены предметы, которые я описал как оборонительное вооружение, поножи. [8] Любопытно указание на то, что конники динлинов руки и ноги прикрывали деревянными щитиками. [9]

Весьма вероятно, что предметы, о которых шла речь выше, были оборонительным вооружением конницы хуннов. Это были латы, повязывающиеся на левую руку воина — большей длины на плечо, меньшей на предплечье. Рукав одежды, на который повязывались эти латы, должен был быть толстым, кожаным, на меху или на войлоке. Поскольку у воинов хуннов в левой руке был лук, а в правой меч или палица, естественно предположить, что латы служили защитой от ударов палиц, о которых шла речь выше, при обороне левой рукой.

Подобные предметы известны в литературе как конские налобники, что мало вероятно. Этому противоречат их большие размеры, скобы и шипы

железные клинья (табл. XXX, 5, 6). В таком виде эти предметы удобно держать в руке и наносить ими удары.

Упражнения в конной стрельбе из лука и обучение конницы военному делу у хуннов производилось поздней осенью, перед облавными охотами, которые, помимо обеспечения продовольствием, шкурами и рогами, играли, о чём уже говорилось, роль своего рода военных манёвров.

Военной дисциплине и беспрекословному повиновению командованию хунны придавали особое значение.

В Шицзи читаем, что после того как Модэ получил от своего отца шаньюя Тумания в управление 10 000 конницы «он сделал свистунку и начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука с таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, отрубят голову... Модэ сам пустил свистунку в своего аргамака. Некоторые из приближённых не смели стрелять, и Модэ немедленно нестрелявшим в аргамака отрубил головы. Спустя несколько времени Модэ опять сам пустил свистунку в любимую жену свою, некоторые из приближённых ужаснулись, и не смели стрелять. Модэ и сим отрубил голову. Ещё по прошествии некоторого времени Модэ выехал на охоту и пустил свистунку в шаньюева аргамака. Приближённые все туда же пустили стрелы. Из сего Модэ увидел, что он может употреблять своих приближённых. Следуя за отцом своим шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в Тумания; приближённые также пустили стрелы в шаньюя Тумания. Таким образом Модэ, убив Тумания... объявил себя шаньюем». [12]

Военная тактика хуннов красочно излагается в Шицзи и Цянъханьшу. Приведём несколько выдержек из этих источников.

«При превосходных силах неприятеля они притворяются побеждёнными и, отступая, заманивают преследующее их войско неприятеля». [13]

«Искусно заманивают неприятеля, чтобы обхватить его: почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью, подобно стае птиц; а когда бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеиваются». [14]

Преимущество хуннов в сражениях китайцы усматривали в их обычном приёме: «Противопоставив неприятелю лучшую конницу, в поле под тучею стрел решать победу». [15]

«При удаче идут вперёд; при неудаче отступают, и бегство не поставляют в стыд себе». [16]

Одно из сражений хуннов с китайцами под предводительством шаньюя в Шицзи описывается так:

«Модэ скрыл отборные войска, а выставил одни слабые: почему всё китайское войско, состоявшее из 320 тысяч, наиболее пехоты, устремилось за ним. Гао-ди прежде других прибыл в Пыхин-чен; а пехота ещё не вся пришла. Модэ с 400 т. отборной конницы окружил Гао-ди в Бай-дын». [17] В продолжение семи дней китайское войско не могло доставить осаждённым съестных припасов. Конница у хуннов на западной стороне имела белых, на восточной серых, на северной вороных, на южной рыжих лошадей. После дипломатических переговоров, в которых деятельное участие приняла янчжы (жена шаньюя), Модэ «открыл в одном углу проход: Гао-ди отдал своим войскам приказ — с натянутыми в стороны луками идти прямо через открытый угол, и сим образом соединился с главными силами». [18]

В вышеприведённом сообщении заслуживает внимания однолистность лошадей в различных подразделениях войска хуннов, что было важно в проведении согласованных операций различными частями войска.

При подвижном образе жизни хуннов вполне естественно было семьям в военное время

удаляться возможно дальше от мест военных действий. Так, в 72 году до н.э., «когда хунны получили известие о великом походе китайцев, то старые и малолетние бежали, собрали всё имущество и скот и далеко уклонились». [19]

Состояло ли войско хуннов только из мужчин или в военных предприятиях участвовали и женщины? Как и следовало ожидать, в военных предприятиях хуннов иногда участвовали и женщины. Об этом имеются прямые указания в китайских источниках. [20] О том же свидетельствует наличие предметов вооружения — луков и стрел, которые могли быть орудиями и охоты, а главное боевых палиц в женских погребениях Ноин-Улы. Не случайно в предыдущей цитате при сообщении о том, что далеко уклонялись старые и малолетние, ничего не говорится о женщинах.

Стремление к наживе было одним из стимулов, воодушевлявших хуннов в их военных предприятиях. «Где видят корысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают», [21] а обычаем было установлено: «Кто на сражении отрубит голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина, нему же предоставляется всё полученное в добычу». [22]

«Кто убитого привезёт из сражения, тот получает всё имущество его». Мало этого, «пленные — и мужчины, и женщины поступают в неволю; и посему на сражении каждый воодушевляется корыстью». [23]

[1] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 40 (Шицзи).

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 46.

[4] Там же, стр. 89 (Цянъханьшу).

[5] Там же, стр. 50 (Шицзи).

[6] А.Н. Бернштам, 1951.

[7] Г.О. Боровка, 1925.

[8] С.И. Руденко, 1960, табл. LIX, 1, 2, стр. 123 и 124; табл. LX.

[9] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 352 (Таншу).

[10] F. Waterbury, 1952.

[11] С. Умэхара и Р. Фудзита, 1959, стр. 46, рис. 29.

[12] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 46-47 (Шицзи).

[13] Там же, стр. 51.

[14] Там же, стр. 50.

[15] Там же, стр. 135 (Хоуханьшу).

[16] Там же, стр. 40 (Шицзи).

[17] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, 54 (Шицзи).

[18] Там же.

[19] Там же, стр. 81 (Цянъханьшу).

[20] Л.Н. Гумилёв, 1960, стр. 172.

[21] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 40 (Шицзи).

[22] Там же, стр. 50.

[23] Там же.

Глава VIII.

Общественная организация хуннов.

Об организации хуннского общества мы можем составить достаточно полное представление благодаря китайским историческим запискам. В них сообщается, что первоначально Хунну и Дунху составляли один Дом, но впоследствии они разделились. После этого общественное развитие этих двух народов пошло своими самостоятельными путями. В конце первого тысячелетия до н.э. различия в общественной организации этих народов при одном и том же патриархальном родовом строе ясно выражены китайскими источниками.

О потомках дунху, после отделения их от хуннов, об ухуаньцах, китайские источники сообщают, что их общины состоят от 100 до 1000 юрт, каждое стойбище имело своего низшего начальника. «Кто храбр, силён и способен разбирать спорные дела, тех поставляют

старейшинами, наследственного преемства нет у них». [1] Их общины и роды не имели постоянных прозваний, а именовались именами сильнейшего старейшины. При патриархальном строе общества ухуаньцев у них при совершении браков сохранялся ещё обычай свободного выбора невесты и отработки женихом в семье будущей жены.

О них мы читаем: «Кто хочет жениться, старается сойтись с девушкой за три месяца и даже за полгода до брака; потом посыпают говорные дары, состоящие из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, а после сего переселяются в женин дом. В семействе женина дома ежедневно всем по утру кланяется, но не делает поклонения перед отцом и матерью. Когда он проработает в женином доме год или два, то тёстъ щедро отпускает его и отдает все вещи, находившиеся в жилище его дочери. В обычай введено жениться на мачехах, брать жён после братьев». [2]

У хуннов порядок заключения браков, по-видимому, был иной. Иначе китайские источники не подчёркивали бы вышеприведённые сведения о порядке заключения браков у ухуаньцев. Во всяком случае, и у хуннов браки заключались путём выкупа невест, следствием которого существовал обычай левирата, отмеченный у ухуаньцев. При парной семье у хуннов, как и у ухуаньцев, практиковалось многожёнство. У них брак был экзогамным, причём, как увидим ниже, шаньюй мог брать себе жён только из ограниченного числа знатных родов.

Обычай левирата настолько строго соблюдался у хуннов, что с ним должен был считаться и китайский двор.

Характерен следующий сообщаемый в Хоуханьшу случай. Вторая жена шаньюя Хуханье китайская княжна «Чжао-гюнь в доме хуннов родила двух сыновей. По смерти Хуханье на престол вступил сын старшей яньчжи и хотел жениться на Чжао-гюнь. Княгиня просила у государя дозволения возвратиться в Китай, но Чен-ди предписал ей сообразоваться с обычаями народа, почему сделалась яньчжи следующего хана». [3]

Хунну и дунху, или ухуаньцы, подразделялись на роды. Во главе их родов стояли старейшины, но, в то время как ухуаньцы в общественном отношении представляли собой союз отдельных общин и родов, хунны, по крайней мере с конца III века до н.э., были объединены в одну «державу». Держава эта представляла собой консолидацию 24 родов со старейшиной во главе каждого рода, причем «каждый из 24 старейшин для исправления дел поставляет у себя тысячников, сотников и десятников». [4]

Все эти роды подчинялись Великому верховному вождю — шаньюю.

Организация хуннской державы была довольно сложной и детально описана в Шицзи и в Хоуханьшу. [5]

Из старейших почтеннейшими считались Чжуки-князь и Лули-князь восточные; за ними Чжуки-князь и Лули-князь западные. Они назывались четырьмя рогами. Далее следовали восточный и западный Жичжо-князья, далее восточный и западный Выньйоди-князья, затем восточный и западный Чжань-гян-князья. Они назывались шестью рогами. Это все были шаньюевые сыновья и младшие братья, которые по порядку имели право на шаньюев «престол». Вельможи из посторонних родов были восточный и западный Гуду-хэу, затем восточный и западный Шычжо — Гуду-хэу. Прочие под названием Дуюй, Данху и Жычжа — Цзюйкой «различались в степенях по преимуществу власти и числу своих людей». Всего двадцать четыре старейшины.

«Самыми сильными владетелями считались восточные и западные Чжуки и Лули-князья». Самыми знаменитыми родами считались Хуань, Хэйбу, Лань и Циолинь (при Модэ Циолинь не считался знатнейшим родом). Род Хуань считался старшим, роды Лань и Хэйбу — младшими. Шаньюй брал себе в жёны девиц только из четырёх вышеназванных родов.

При патриархально-родовом строе общества хуннов их территория находилась ещё в общем

пользовании, причём каждый владетель имел определённую полосу земли, в пределах которой вместе с подведомственными ему людьми перекочёвывал с места на место, смотря «по приволью в траве и воде». [6] Хуннский шаньюев «царствующий Дом» не имел родовых, т.е. отделенных в потомственное владение, уделов, а уделы давались каждому с должностью, соответствующей степени его родства с «царствующим Домом»: по смерти же удел переходил к тому, кому по степени родства получить должность следовало. [7]

Такое общее владение территорией было, по-видимому, характерным в данную эпоху всем центральноазиатским скотоводческим народам. Весьма показательно в этой связи сообщение китайских источников, как о явлении необычном, что старший усуньский гуньмо Цилими обнародовал, чтобы никто не смел пасти скот на его пастбищах. [8]

Власть хуннского шаньюя, судя по китайским источникам, не была строго регламентированной и определялась рядом обстоятельств в зависимости от общей политической обстановки в державе. По одним сведениям шаньюй пользовался неограниченной властью: «Государь с чинами просто обращается и управляет целым государством как один человек». [9] Источники передают о неоднократных случаях, когда шаньюй самовластно казнил несогласных с его мнением советников, не говоря уже об изменниках. С другой стороны, немаловажную роль в управлении играли советы старейшин.

«У хуннов было обыкновение три раза в году собираться в Лун-цы (по-китайски — Храм дракону, — С.Р.), где в первой, пятой и девятой луне в день под названием сюй приносили жертву духу неба... На сих собраниях начальники поколений рассуждали о государственных делах, забавлялись конскою скачкою и бегом верблюдов». [10]

Одним из вопросов, в решении которого принимали участие старейшины, было назначение преемника умершему шаньюю. Хотя шаньюю обычно наследовал его сын, родной брат или племянник от родного брата, правило это, по-видимому, не всегда соблюдалось, что нередко имело следствием распри между владельцами. Приведём несколько примеров.

В Шицзи сообщается: «У покойного шаньюя (Хулугу, — С.Р.) был младший брат от другой матери. Он имел достоинство Великого Дуюй и был добром души; почему старейшины обратили внимание на него. Мать яньчжи опасалась, что шаньюй не поставит её сына, а поставит Восточного В. [Великого] Дуюй, и потому самовольно велела убить его. Старший единоутробный брат Восточного В. [Великого] Дуюй оскорбился, и перестал ездить в шаньюеву орду (ставку, — С.Р.). Сверх сего заболевший шаньюй перед самою смертью в завещании вельможам сказал: Сын мой по малолетству не может управлять государством, постановить моего младшего брата Западного Лули-князя. Но по смерти шаньюя Вэй Люй (полководец, приближённый Хулугу шаньюя, — С.Р.) с прочими и яньчжи Чжуанькой утаили смерть шаньюя, ложно именем его заключили клятву со старейшинами, и на престол возвели сына Восточного Лули-князя под наименованием Хуанди шаньюя». [11]

Второй пример.

Хуанди шаньюю унаследовал Хюйлюй — Цюанькой шаньюй. Последний «дочь западного великого предводителя поставил первою яньчжи, а любимую покойным шаньюем яньчжи Чжуанькой отставил». [12] Отставленная Чжуанькой вступила в связь с западным Чжуки-князем. «Западный Чжуки-князь хотел ехать в Лун-чен на собрание. Чжуанькой-яньчжи сказала ему, что шаньюй опасно болен, и советовала не удаляться. Через несколько дней шаньюй умер. Хэсу-князь Синвэйян разоспал нарочных для приглашения старших князей; но князья ещё не собрались, как Чжуанькой-яньчжи с младшим своим братом восточным великим Цзюйюем Дулунки западного Чжуки-князя Туцитана возвела на престол». [13]

Из сказанного следует, что в назначении шаньюев хуннов нередко не последнюю роль играли их старшие жёны и «придворные» интриги.

В ответственные моменты шаньюи обращались за советами к старейшинам, но не считали

себя обязанными следовать их советам. Так, например, в результате междуусобицы внутри хуннской державы 57-53 гг. до н.э. Чжуки-князь Хутуус (объявивший себя Чжичжы-гудуху шаньюем) напал на Хуханье шаньюю. Последний был разбит, и войско его обратилось в бегство. После поражения Хуханье шаньюю восточный Ичжицзы-князь подал совет «поддаться китайскому двору, просить у него вспоможения». Хуханье передал это дело на усмотрение старейшин. «Это невозможно, говорили старейшины. Сражаться на коне есть наше господство: и потому мы страшны перед всеми народами. Мы ещё не оскудили в отважных воинах. Теперь два родные брата спорят о престоле и если не старший, то младший получит его. В сих обстоятельствах и умереть составляет славу. Наши потомки всегда будут царствовать над народами. Китай как не могуществен, не в состоянии поглотить все владения хуннов; для чего же нарушать уложения предков? Сделаться вассалами дома Хань, значит унизить и постыдить покойных шаньюев и подвергнуть себя посмеянию соседственных владений. Правда, что подобный совет доставит спокойствие, но мы более не будем владычествовать над народами». Ичжицзы-князь настаивал на своём совете, и Хуханье шаньюй склонился к его предложению. [14]

Как верховный вождь племён шаньюй предводительствовал на войне и крайне ревностно оберегал территорию хуннской державы. Это следует из двух сообщаемых в Шицзи случаев.

В первые годы правления шаньюя Модэ дунху отправили к нему посланца с пожеланием получить от него тысячелетнего коня, оставшегося после смерти отца Модэ шаньюя Туманя. «Модэ потребовал совета у своих вельмож. Вельможи сказали ему: тысячелетний конь есть сокровище у хуннов. Не должно отдавать, К чему, сказал им Модэ, живучи с людьми по соседству, жалеть одной лошади для них? И так отдали тысячелетнего коня. По прошествии некоторого времени дунху, полагая, что Модэ боится его, ещё отправил посланца сказать, что он желает получить от Модэ одну из его яньчжы. Модэ опять спросил у своих приближённых. Приближённые с негодованием сказали ему: дунху есть бессовестный человек; требует яньчжы. Объявить ему войну. Модэ сказал на это: к чему, живучи с людьми по соседству, жалеть одной женщины для них? И так взял свою любимую яньчжу и отправил к дунху. Владетель в дунху ещё более возгордился. В хуннских владениях от дунху на запад есть полоса земли на 1000 ли необитаемая. На ней только по границе с обеих сторон были караульные посты. Дунху отправил посланца сказать Модэ, что лежащая за цепью обоюдных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам, не удобна для них, а он желает иметь её. Модэ спросил совета у своих чинов, и они сказали: это неудобная земля; можно отдать и не отдавать. Модэ в чрезвычайном гневе сказал: земля есть основание государства, как можно отдавать её? Всем, советовавшим отдать землю, отрубить головы». [15]

Значительно позднее, на рубеже н.э., когда хунны находились уже в некоторой зависимости от Китая, последний заинтересовался клином хуннской земли, вдавшимся в пределы Китая, против области Чжан-ье. «На этом клине, как сказано в Цянъханыпу, растёт очень хороший лес, годный на древки для стрел, и водятся орлы, коих перья употребляются на опушку стрел». На требование послов передать Китаю этот участок земли шаньюй (Учжулю-жоди) сказал: «Отцы и братья уже пять раз передали престол, и двор не требовал этой земли, а ныне, узнав о ней, начал требовать. По сведениям, доставленным мне от караульного Вынкнязя, удельные владетели западных хуннуских земель единственно с сих гор пользуются лесом для юрт и телег. Сверх сего я не смею отдавать земель, оставленных мне предками». [16]

Решение спорных дел, поступавшие жалобы и приговоры к наказанию представлялись были шаньюю словесно.

По Шицзи законы хуннов были следующие: «Извлёкшему острое оружие и фут — смерть, за похищение конфискуется имущество, за лёгкие преступления надрезывается лицо, а за важные — смерть. Суд более десяти дней не продолжается. В целом государстве узников бывает несколько десятков человек». [17]

Частная собственность отдельных семей на основное средство производства хуннов, на скот, установилась, как и у других евразийских скотоводческих племён, не позднее середины первого тысячелетия до н.э. Это особенно наглядно подтвердились раскопками на Алтае. К охране частной собственности были приспособлены, как мы видели выше, и законы хуннов.

Наличие частной собственности и военно-демократический строй общества хуннов обусловили выделение той привилегированной верхушки, о которой говорилось выше, отличавшейся своим богатством, влиянием и властью. О резкой имущественной дифференциации среди хуннов ярко свидетельствуют богатые захоронения знати, резко отличающиеся от рядовых погребений основной массы населения.

Обогащению хуннской знати, стоявшей во главе хуннских родов и подчинённых ей племён, помимо её собственного хозяйства, способствовали не только военные грабежи, но и обложение населения налогами, взимание ясака с подчинённых племён, развитая в то время торговля и подарки от китайского двора, о которых речь будет в последней главе.

Мы не знаем, в какой мере население облагалось податью, но несомненно, что она существовала. В Шицзи сообщается, что находившийся при ставке Лаошан шаньюя китаец Чжунхин Юе «научил шаньюевых приближённых завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество». [18]

Учёт населения и скота у хуннов производился ежегодно осенью во время общенародных съездов старейшин и вождей хуннов. [19]

Не вполне ясен вопрос о роли рабов в экономике хуннского общества. Рабский труд в условиях кочевого скотоводства имел ограниченное применение и притом преимущественно в домашних работах. Шире он мог применяться при облавных охотах. Между тем рабы у хуннов были, но не в таком количестве, как предполагают некоторые авторы. Ма Чан-шоу, например, рассматривая хуннскую державу как классический пример рабовладельческого общества в Азии, насчитывает у хуннов в период наибольшего их процветания около 760 тысяч рабов, в то время как самих хуннов было до 1500 тысяч. [20]

Конфискация семейств в качестве меры наказания практиковалась при похищениях. Неуплата своевременно ясака с данника также влекла за собой обращение его семьи в рабство. В неволю попадали и захваченные в сражении мужчины и женщины. Между тем покорённые народы или взятых хуннами в плен, как бы много их не было, нельзя рассматривать в целом как рабов. Зависимость одних из них ограничивалась выплатой определённого ясака, другие, как, например, китайцы, становились осёдлыми подданными шаньюя и занимались земледелием и ремёслами. Среди зависимых от хуннов немало было и перебежчиков из Китая, находившихся на особом вольготном положении. Показательно сообщение Цяньханьшу, в котором говорится, что китайцы «завели пограничные укрепления, поставили гарнизоны, но не для хуннов только, а и для жителей зависимых владений, бывших подданных хуннуских, чтоб они, соскучась по родине, не вздумали бежать... Невольники и невольницы у пограничных жителей без исключения помышляют о бегстве. Они вообще говорят, что у хуннов весело жить». И далее: «Срединное государство со всех четырёх сторон имеет крепости и заставы не для предосторожности только со вне, но и для обуздания неблагомыслящих и своеобразных жителей Срединного государства». [21]

Параметризуя хуннское общество в целом, Гарматта [22] считает его классовым, с устойчивыми пережитками родового строя обществом, патриархальные формы которого шли по пути разложения, а зачатки феодализма только что появлялись.

Как уже говорилось, хуннская держава состояла из консолидации родов одного и того же племени во главе с верховным вождём — шаньюем. Налоги, поступившие с населения, непосредственно шаньюю и его приближённым (сородичам), выдвинули шаньюев род и его самого на первое место, вследствие чего главой державы и был принят титул «Рождённый небом и землёй, поставлен солнцем и луной хуннский Великий шаньюй».

-
- [1] [Там же](#), стр. 142 (Хоуханьшу).
 - [2] [Там же](#), стр. 143.
 - [3] [Там же](#), стр. 116.
 - [4] [Там же](#), стр. 49 (Шицзи).
 - [5] [Там же](#), стр. 48-49 (Шицзи); стр. 119-120 (Хоуханьшу).
 - [6] [Н.Я. Бичурин](#), 1950, ч. I, стр. 49 (Шицзи).
 - [7] [Там же](#) (см. прим. 4-е).
 - [8] [Там же](#), ч. II, стр. 197 (Цяньханьшу).
 - [9] [Там же](#), ч. I, стр. 58 (Шицзи).
 - [10] [Там же](#), стр. 119 (Хоуханьшу).
 - [11] [Там же](#), стр. 77 (Цяньханьшу).
 - [12] [Там же](#), стр. 82.
 - [13] [Там же](#), стр. 84.
 - [14] [Там же](#), стр. 88 (Цяньханьшу).
 - [15] [Н.Я. Бичурин](#), 1950, ч. I, стр. 47-48 (Шицзи).
 - [16] [Там же](#), стр. 98-99 (Цяньханьшу).
 - [17] [Там же](#), стр. 50 (Шицзи).
 - [18] [Там же](#), стр. 58.
 - [19] [Там же](#), стр. 50.
 - [20] [Ма Чан-шоу](#), 1954, стр. 99-119.
 - [21] [Н.Я. Бичурин](#), 1950, ч. I, стр. 95-96 (Цяньханьшу).
 - [22] [J. Harmatta](#), 1952.

Глава IX. Изобразительное искусство.

Как и всякое народное искусство, искусство хуннов воплощалось в самых разнообразных материалах. Конструкция Ноинулинских курганов и суровые климатические условия, равно как и высота над уровнем моря гор Ноин-Ула, обеспечили хорошую сохранность погребального инвентаря, в том числе и произведений искусства. Поэтому мы располагаем произведениями искусства хуннов, выполненными не только из стойких материалов, таких, как камень или металл, но и в дереве, войлоке, тканях. Чрезвычайно разнообразна и техника этих произведений: резьба по дереву, изделия в рельефе и круглой скульптуре, аппликация, вышивка и отлитые из металлов вещи.

Мы знаем, что жизнь хуннов не протекала изолированно. Она находилась в непосредственных и тесных сношениях не только с Китаем, но и с соседними, близкими им по культуре народами на востоке и западе. При посредстве этих последних к хуннам могли поступать и поступали произведения искусства Средней, возможно, и Передней Азии. Пристрастие хуннской знати к роскоши, отмеченное китайскими историками, могло удовлетворяться не только сбором ясака с подвластных племён, но и брачными её связями с более или менее удалёнными народами. Отсюда понятно то исключительное разнообразие предметов искусства, сохранившихся в Ноинулинских курганах. Кроме того, при ставках хуннских шаньюев, как впоследствии монгольских ханов, могли быть мастера различных национальностей, которые в своих произведениях могли сочетать привычную им технику и мотивы с мотивами собственно хуннского искусства, в частности, в тех произведениях, которые обнаружены в Ноинулинских курганах.

Изобразительное искусство хуннов получило широкую известность по литым бронзовым художественным изделиям, происходящим с довольно большой территории Монголии и пограничной части Северного Китая. Центром их распространения считается пустыня Ордос, откуда они и получили название ордосских.

К сожалению, все эти вещи происходят из хаотически разграбленных могильников, особенно Северного Китая, а также представляют собой случайные находки, в массе появлявшиеся на китайском и отчасти европейском и американском рынках. Вещи эти находятся во многих частных коллекциях, и лучшая из них — антиквара Лу (C.T. Loo) — опубликована

Сальмони. [1] Небольшими группами они разбросаны по всем большим музеям, а в Стокгольмском музее дальневосточных древностей их свыше двух тысяч. Чрезвычайное разнообразие этих вещей бросается в глаза уже при первом взгляде на вещи, опубликованные Сальмони (свыше 300) и Андерсоном [2] (около 250) — собрание Стокгольмского музея.

Среди опубликованных ордосских вещей немало произведений китайского искусства, те же, которые можно считать хуннскими, разновременны. Миннз [3] ордосские вещи в массе датировал скифо-сарматским временем. Андерсон датирует их последними веками до династии Хань в Китае и ханьским временем. Ростовцев, исходя из аналогий с рядом вещей Сибирской коллекции Петра I, инкрустированных бирюзой, кораллами и цветной пастой, а этих последних с предметами из Новочеркасского клада, датировал их последними веками до н.э. и первыми веками н.э. [4] Сарматским временем ордосские вещи датировал Сальмони. Андерсоном была развита точка зрения о принадлежности ордосских вещей хуннам.

В изучении ордосских художественных изделий и при определении их времени все упомянутые выше авторы исходили из сопоставления их с произведениями искусства преимущественно причерноморских скифов и сарматов с их так называемым звериным стилем.

Теперь, когда нам стало известным искусство племён Горного Алтая скифского времени, можно с уверенностью говорить о непосредственном влиянии западносибирского и горноалтайского, но не западноскифского искусства на искусство хуннов, на что я уже обращал внимание в одной из своих последних работ. [5]

Чтобы яснее представить себе особенности хуннского изобразительного искусства, рассмотрим его совместно с немногими, к сожалению, вещами из хуннских погребений в Забайкалье и в Ноин-Уле и частью наиболее, как мне кажется, характерными ордосскими предметами.

Точной копии отлитой из бронзы схематической фигурки лошади из Ильмовой пади (табл. XXXII, 1) среди ордосских вещей я не знаю. Технически более совершенная, реалистически выполненная бронзовая фигурка лошади была найдена

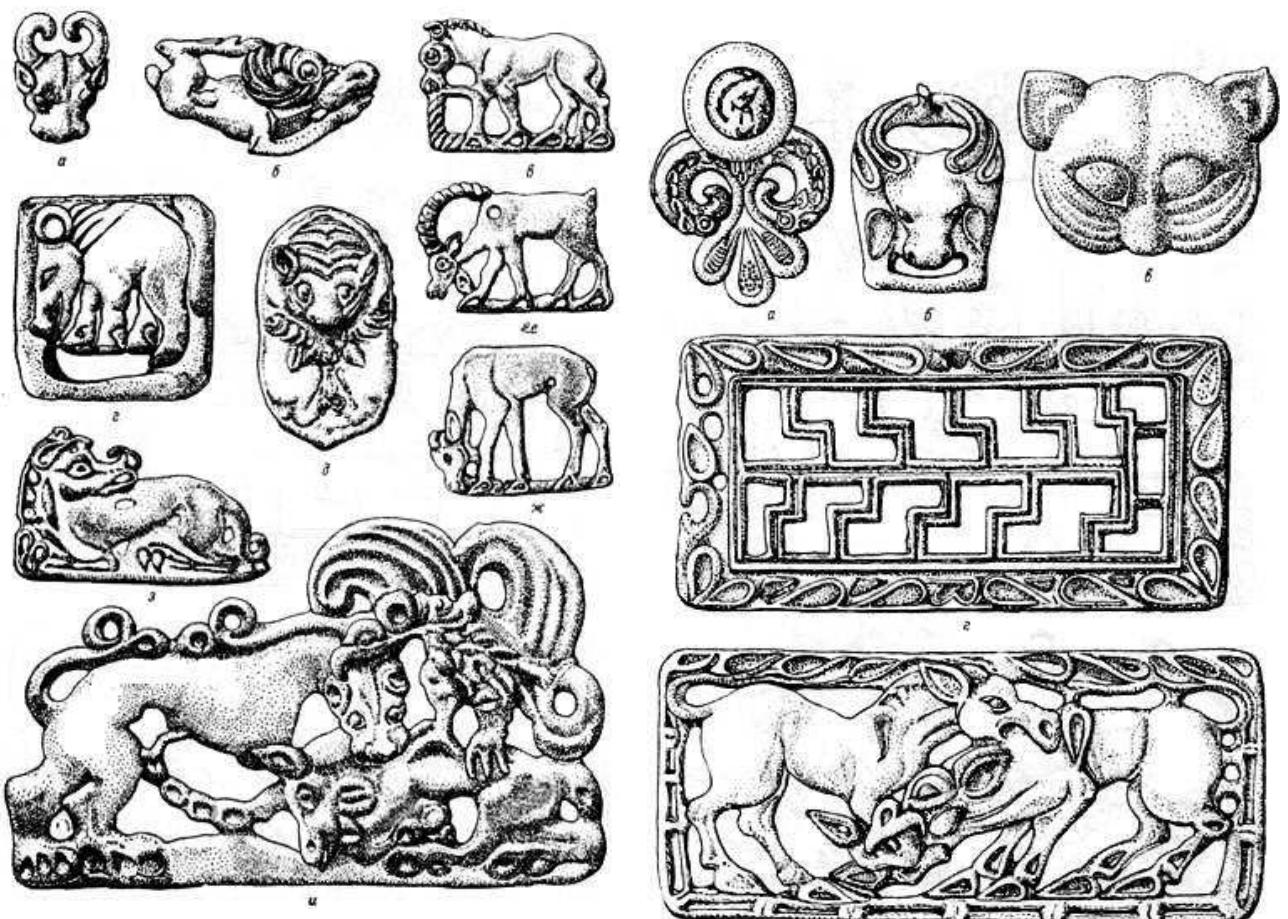

Рис. 54. Ордосские бронзовые художественные вещи (нат.вел.):

а — головка быка (Сал., табл. XI, 7); б — горный баран с вывернутой задней половиной тела (Сал., табл. XXI, 1); в — лошадь (Анд., табл. XI, 1); г — кабан (Сал., табл. XI, 5); д — кошка в распластанном виде (Сал., табл. XVII, 7); е — горный козёл (Анд., табл. XXII, 7); ж — пасущаяся лань (Анд., табл. XXI, 6); з — волк (Сал., X, 3); и — сцена борьбы из-за добычи (Анд., табл. XXXIII).

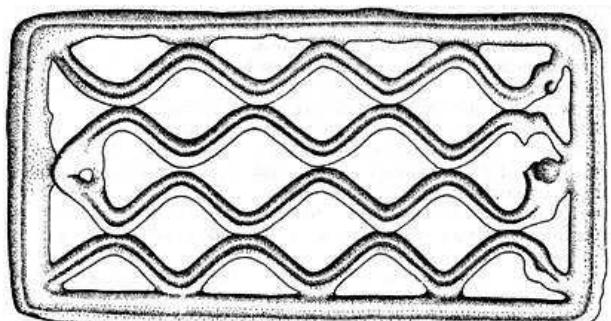
Рис. 55. Ордосские бронзовые художественные вещи (нат.вел.):

а — головы кошки и двух грифов (Сал., табл. XVII, 5); б — голова быка — пряжка (Анд., табл. XXIV, 2); в — голова кошки (Сал., табл. XV, 3); г — ажурная пластина с геометрическим орнаментом (Анд., табл. XXXIV, 2); д — грызущиеся лошади (Анд., табл. XXXI, 1).

на стоянке у д. Дурёны (рис. 41, а). В ней подчёркнута коренастость лошади с массивной головой и подстриженной гривой. В точности такие же изображения лошади имеются в Стокгольмском собрании (рис. 54, в) и коллекции Лу. [6] Поза лежащей с поджатыми ногами крылатой лошади — золотая пластинка из Баллодовского кургана (табл. XXXV, 4) — такая же, как у горного козла [7] и других ордосских лежащих животных. И у этой лошади грива подстрижена, как это было принято у всех евразийских коневодческих племён данной эпохи. В Дэрестуйском могильнике найдена пара превосходных пряжек с изображением головы быка (табл. XXXII, 4). Точно такая же пряжка обнаружена и во

Рис. 56. Бронзовая ажурная пластина с изображением змей. Иволгинское городище (2/3 нат.вел.).

Внутренней Монголии (рис. 55, б). Иной формы и стиля бронзовые бляшки в виде головы быка были найдены на стоянке у с. Дурёны (рис. 41, б).

Золотой головке быка из Ноинулинского кургана №23 (табл. XXXV, 3) аналогию можно видеть в более грубо выполненной бронзовой головке быка из коллекции Лу (рис. 54, а). Подобные

бронзовым кошачьим головкам из Дэрестуйского могильника (рис. 41, в) и тем, что служили ручками небольшого бронзового котла из Ноинулинского кургана №25 (табл. XXXIV, 1, 2), имеются и среди ордосских изображений кошачьей головы (рис. 55, в).

Особенно показательно тождество бронзовых блях, обнаруженных в хуннских памятниках Забайкалья и известных среди ордосских вещей. Это прямоугольная ажурная бронзовая пластина с Иволгинского городища и две пары бронзовых же пластин со сценами борьбы животных из Дэрестуйского могильника.

Пластина с Иволгинского городища (рис. 56) представляет собой прямоугольную рамку, внутри сетка из перевившихся змей. Аналогичная пластишка, но с несколько иной сеткой внутри прямоугольной рамки имеется в коллекции Эриксона (рис. 55, г).

В одной паре пластин из Дэрестуйского могильника изображена сцена борьбы двух «лошадей», в другой — сцена борьбы из-за добычи. Пластины эти пострадали от коррозии и известны мне только по фотографиям. Тем не менее сюжет их достаточно ясен. В одной паре пластин (табл. XXXVIII, 1) изображён горный козёл, в шею которого впился тигр. Добычу эту у тигра оспаривает ушастый гриф, схвативший лапами тело козла, а клювом впившийся в голову тигра. Характерны козлиный рог, когтистые лапы титра и грифовы головки, изображённые на кончике его хвоста и на загривке, распростёртые и загнутые концами вперёд крылья грифа.

Таблица XXXVIII

заключёнными в подобные же прямоугольные рамки. [10] Рамки эти оформлены как непрерывный ряд веток с листьями в форме лаврового листа. На ордосских бляхах такие листки имеются по верхней стороне рамки, на всех же остальных сторонах рамки вместо листков отлиты продольные желобки. На пластине из Дэрестуйского могильника на всех

точно такую же сцену, но лучше сохранившуюся, можно видеть в одной из ордосских бронзовых пластин (рис. 54, и).

Трактовка крыльев и хвоста грифа в указанных пластинах повторяет хорошо известную их трактовку в изображениях грифов в золотых пластинах Сибирской коллекции Петра I в сценах борьбы из-за добычи. [8] Для этих последних характерно также изображение грифовых головок на кончике хвоста и на загривке тигра. [9]

В другой паре пластин в сцене борьбы двух «лошадей» одна из них схватила зубами загривок второй, а эта последняя одну из передних ног первой лошади (табл. XXXVIII, 2). Такая же сцена имеется и среди ордосских бронзовых пластин (рис. 55, д). Следует обратить внимание на оформление прямоугольной рамки, в которой заключена эта сцена. В Сибирской коллекции Петра I имеются золотые пластины со сценами борьбы животных,

сторонах рамки имеются только продольные желобки.

Этих сопоставлений, мне кажется, достаточно, чтобы убедиться в действительно хуннском происхождении значительного большинства вещей так называемой ордосской бронзы.

Хуннское изобразительное искусство, представленное только что рассмотренными вещами, по-видимому, теснейшим образом было связано с изобразительным искусством других евразийских коневодческих племён данной эпохи и в первую очередь со «сако-юечжайскими» и другими южносибирскими племенами, искусство которых нам хорошо известно по Сибирской коллекции Петра I и раскопкам на Алтае.

В самом деле, замечательное бронзовое навершие в виде головы волка из Ноинулинского кургана №1 (табл. [XXXII](#), 2) может быть сопоставлено с изображениями волчьих голов в искусстве племён Горного Алтая скифского времени, в частности с вырезанной из дерева волчьей головой из Большого Катандинского кургана. [\[11\]](#) Бронзовая, покрытая листовым золотом скульптурная головка зверя (табл. [XXXV](#), 6) из Ноинулинского кургана №23 подобна вырезанной из рога головке из второго Башадарского кургана. [\[12\]](#) Великолепная вырезанная из дерева половина скульптурной фигурки оленя из Ноинулинского кургана №6 (табл. [XXIV](#), 4) столь же реалистична, как вырезанная из дерева фигурка оленя из второго Пазырыкского кургана. [\[13\]](#)

Убедительные аналогии южносибирским и алтайским произведениям изобразительного искусства имеются и в ряде других хуннских, ордосских вещей. Изыщной золотой фигурке лани из Сибирской коллекции Петра I [\[14\]](#) подобны козел (рис. 54, е) и пасущаяся лань (рис. 54, ж) среди ордосских вещей. Несколько схематически, с преувеличенной головой, выполненная фигурка кабана в бронзовой бляхе из коллекции Лу (рис. 54, г) воспроизведена в профиль, в той же позе с опущенной головой, как и кабан, вырезанный на крышке саркофага-колоды из второго Башадарского кургана. [\[15\]](#) Бронзовое изображение волка из коллекции Лу (рис. 54, з) имеет во всех деталях, включая и посаженную на кончике носа «перевернутую запятую», много общего с подобными же изображениями волков в Сибирской коллекции Петра I. [\[16\]](#)

Чрезвычайно характерный для искусства племён Алтая приём воспроизведения животных с вывернутой задней половиной тела известен был и хуннам. В качестве примера приводится изображение горного барана с вывернутой задней половиной тела из коллекции Лу (рис. 54, б), аналогичное вырезанному из дерева барану из третьего Пазырыкского кургана. [\[17\]](#) Еще более поразительные аналогии представляют собой изображения горных баранов с телом в профиль и головой впрямь, [\[18\]](#) вырезанные из дерева, из первого Пазырыкского кургана и в бронзовой пластине из коллекции Карлбека (рис. 57, а). Весьма показательны также фигуры животных с головой впрямь и телом, разделённым пополам, как бы распластанным, при этом изображённым в профиль. Приём этот известен как в скифском, [\[19\]](#) так и в искусстве племён Алтая. [\[20\]](#) В коллекции Лу имеется такое же изображение кошки (рис. 54, д).

Даже такой сложный мотив, как вырезанная из дерева подвеска в виде кошачьей головы и под ней пара геральдически сопоставленных голов грифов с лепестком между ними из первого Туэтинского кургана, [\[21\]](#) получил своё отражение в подобной же бронзовой подвеске из коллекции Лу (рис. 55, а). В данном случае как в алтайском экземпляре, так и в ордосском грифовы головы изображены без хохолка, столь характерного в изображениях грифовых голов на Алтае. Однако такой хохолок, причём ярко выраженный, мы видим в ряде ордосских изображений грифовых головок. В качестве примера приводим изображение одного из ордосских украшений (рис. 57, г).

Указанными примерами сходства мотивов, поз и композиций не исчерпываются связи хуннского изобразительного искусства с алтайским и южносибирским. Они особенно ярко проявляются в сценах борьбы и нападения одних животных на других, в сценах борьбы из-за добычи как по сходству мотивов, так и в стилистическом их оформлении.

В специальной работе, посвящённой Сибирской коллекции Петра I, [22] происходящей из Южной Сибири, я пытался доказать, что большие золотые пластины прямоугольной формы или с дугою на одной из сторон их верхнего края служили застёжками кафтанов. Наличие крючка или петли на подобных же ордосских бронзовых пластинах свидетельствует о таком же их назначении. Хотя такие парные бляхи в Дэрестуйском могильнике, о которых была речь выше, были найдены прибитыми к стенкам гроба, но это не исключает первоначального их назначения. Что касается сцен борьбы животных, то, как показали раскопки на Алтае, они воспроизвелись не только в пряжках и застёжках одежды, но и на других бытовых предметах. То же наблюдалось и у хуннов.

В Дэрестуйском могильнике была найдена золотая пластинка, покрывавшая, вероятно, вырезанную из дерева рельефную бляху с изображением сцены нападения грифа на горного барана (рис. 58). Пластинка эта не более как рельефный оттиск этой сцены, и поэтому её рисунок не так чёток. Тем не менее, не только самый сюжет, но и стиль этого произведения искусства вполне ясен. Горный баран изображён на бегу с подкосившимися под натиском грифа передними ногами. Гриф с крыльями и хвостом, воспроизведёнными в том же стиле, как и гриф в бронзовой пластине из того же могильника и в золотых пластинах Сибирской коллекции Петра I, о которых была речь выше. Гриф лапами вцепился в круп барана, а клювом в его загривок.

Рис. 57. Ордосские бронзовые художественные вещи (нат.вел.):
а — баран в прямь (Анд., табл. XXIII, 2); б — лань в ромбе (Анд., табл. XX, 2); в — тигр с бараном в пасти (Анд., табл. XXXIV, 1); г — пара грифовых головок (Анд., табл. XXV, 10); д — наплечная бляха (Анд., табл. XV, 2); е — борьба тигра с грифоном (Сал., табл. XXII, 1).

Весьма показательно также сопоставление изображений тигров в произведениях ордосских и южносибирских. Выше была отмечена одна деталь воспроизведения грифовых головок на кончике хвоста и на загривке у тигра в сцене борьбы из-за добычи в Дэрестуйской пластине и тигра в подобной же сцене из коллекции Петра I. Среди ордосских вещей имеются ажурные бронзовые пластины с изображением тигров — одного в его борьбе с грифом (рис. 57, е), а другого с добычей в пасти (рис. 57, в). Для первого изображения весьма характерно воспроизведение лап тигра с помощью своеобразного орнаментального мотива — осложнённого «турьего рога», который можно видеть на кожаном лоскуте из второго Башадарского кургана [23] и в изображении тигра на седельной войлочной подвеске [24] из того же кургана. Для тигра с телом горного барана в пасти характерно изображение полосатости его шкуры системой вырезанных зигзагообразных фигур, подобных тем, какие можно видеть на теле тигров, вырезанных на саркофаге-колоде и на его крышке [25] из второго Башадарского кургана.

Подмеченную нами позу горного барана в золотой пластине из Дэрестуйского могильника с подкосившимися ногами можно видеть также на одной из ордосских блях у козла, в одну из задних ног которого впилась змея. [26] Такая поза часто встречается в изображениях парнокопытных в алтайском искусстве, особенно в сценах нападения хищных на парнокопытных. Достаточно указать на вырезанного на крышке саркофага-колоды из второго Башадарского кургана горного барана; [27] на лося в сцене нападения на него барса — седельная покрышка из первого Пазырыкского кургана; [28] на горного козла в сцене нападения на него львиного грифона — седельная покрышка из того же кургана. [29]

Рис. 58. Золотая пластинка с изображением сцены нападения грифа на горного барана. Дэрестуйский могильник (3/4 нат.вел.).

Особо следует остановиться на сценах борьбы рогатым «львом» и нападения грифа на оленя изображениях на войлочных коврах из Ноинулинских курганов.

Сцены нападения хищных животных на парнокопытных в искусстве народов Передней известны со времён глубокой древности, по крайней мере с третьего тысячелетия до н.э. В первом тысячелетии до н.э. мотив этот получил широкое распространение в Месопотамии и оттуда проник как в Малую Азию и Грецию, так и через сакский этнос в Южную Сибирь и Алтай, а также, как мы видели, далее на восток в страну хуннов.

В сцене борьбы яка с рогатым львом на Ноинулинских коврах (табл. XLII и XLIII) в условной манере, но с явно подчёркнутыми видовыми особенностями передана фигура яка. Весьма характерна поза нападающего быка с опущенной вниз, преувеличенных размеров головой и высунутым языком. Подчёркнуты волосатость приподнятого кверху хвоста, высокий горб и подбрюшная волосатость. Фантастическое животное, которое я называю рогатым львом, может считаться таким только по аналогии с известными нам изображениями алтайских фантастических животных. На отдалённое сходство со львом указывает грифова головка вместо кисточки на конце хвоста. Рога с грифовыми головками на концах их ветвей также имеют многочисленные аналогии в изображении фантастических животных на Алтае.

яка с
—
Азии

Таблица XLII

Таблица XLIII

Эти грифовы головки на аппликациях ковров из Ноинулинского кургана №6 переданы весьма условно и, естественно, могут вызвать сомнение в такой их трактовке, несмотря на

многочисленные аналогии из Южной Сибири и Алтая. Между тем из Ноинулинского кургана №25 сохранился фрагмент аппликации на войлочном ковре с той же сценой борьбы яка с рогатым львом или тигром, где грифовы головки переданы в таких деталях, которые не вызывают никаких сомнений (табл. LXXII, 2). Такая манера изображения рогатых хищников с грифовыми головками на концах рогов хорошо известна в изображениях фантастических зверей племенами не только Алтая, но и Южной Сибири скифского времени. Другая сцена — нападение ушастого грифа на оленя (табл. XLIV и XLV) — композиционно и стилистически чрезвычайно близка к подобным сценам в искусстве племён Алтая и особенно Южной Сибири. [30] Это сходство подчёркивается не только позами животных, но и деталями в изображении крыльев и хвоста грифа, в частности наличием ячеек у основания крыльев и хвоста, имитирующих бирюзовые вставки на золотых изображениях подобных грифов на сибирских застёжках скифского времени. Весьма характерна также на ноинулинских коврах передача оперения грифов налегающими одна на другую чешуйками.

Т а б л и ц а LXXII

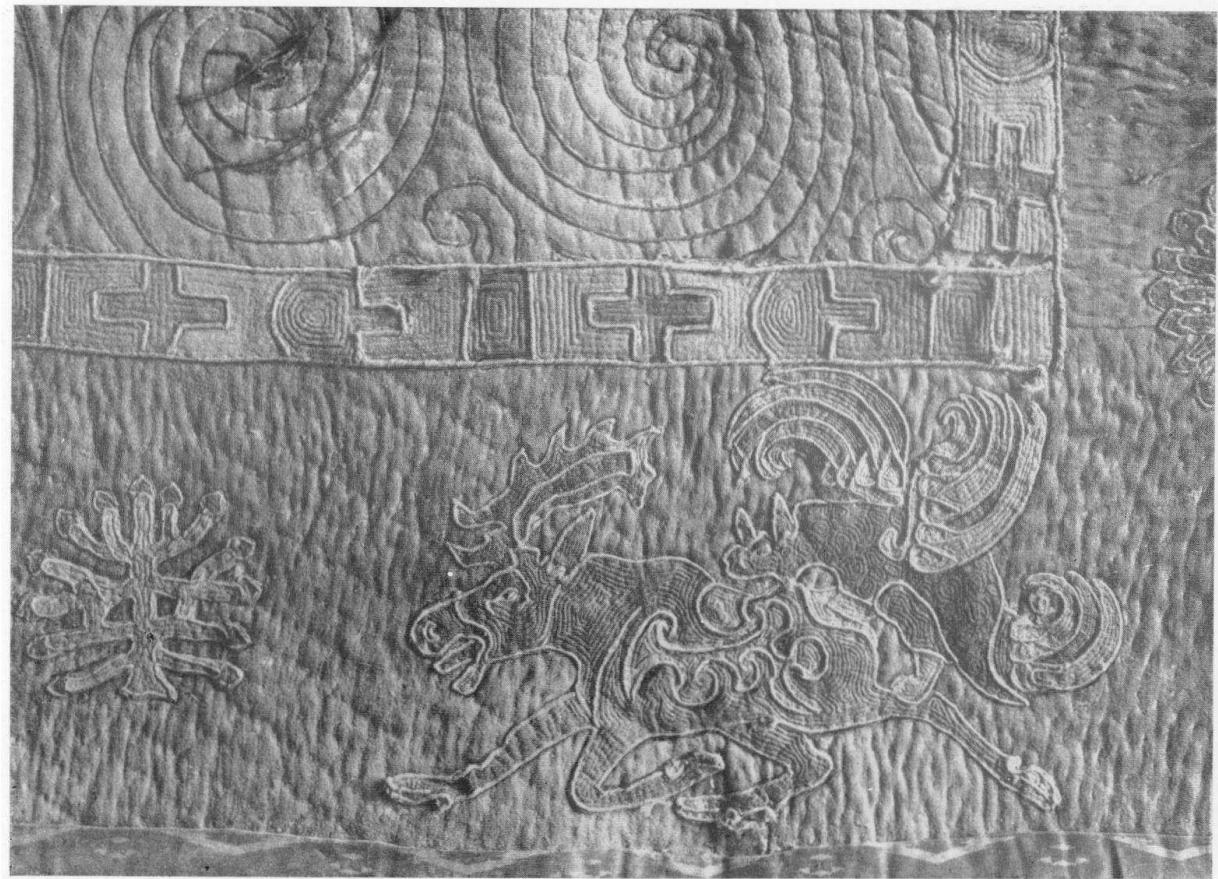

Таблица XLV

Показательна и следующая деталь. В искусстве евразийских кочевнических племён и в частности хуннов мотивы, заимствованные из мира растений, крайне редки. Тем более интересны условные изображения деревьев на ноинулинских коврах в промежутках между сценами борьбы животных. Столь же условно выполненное дерево можно видеть на одной из ажурных золотых пластин из Сибирской коллекции Петра I, где оно помещено между двумя противопоставленными фигурами козлов. [31] В обоих случаях мы имеем реплику

«священного дерева», столь характерного для ассирийского искусства.

Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что рассмотренные нами сцены и изображение священного дерева проникли в Южную Сибирь и на Алтай из Передней Азии. Там они подверглись переработке в стиле, присущем евразийским коневодческим племенам, и дальнейшее изменение претерпели у хуннов. Показательна замена у хуннов условных обозначений, подчёркивающих формы тела животного «точками, запятыми, полуподковками» и расположенных в западных образцах на определённых частях тела, своеобразными трафаретными фигурами. Любопытно, что одно очертание такой фигуры имеется на теле яка и льва, а другое — на теле оленя.

Из сопоставления только что рассмотренных произведений искусства хуннов с аналогичными произведениями алтайскими и западносибирскими получается впечатление, что произведения хуннов в целом технически менее совершенны и в значительной части являются подражанием более совершенным западным образцам. Между тем среди хуннских мастеров были, несомненно, талантливые художники, оригинальные и смелые композиции которых не уступают алтайским и южносибирским образцам. Прекрасны, например, фигурка козла (рис. 54, е) или композиционно замечательное, изящно выполненное, вписанное в фигуру ромба изображение лани с выкинутыми кверху задними ногами (рис. 57, б).

Изобразительное искусство хуннов не ограничивалось изображениями только животных. В Дэрестуйском могильнике была найдена однажды уже упоминавшаяся круглая ажурная бляха (рис. 41, л) с листовидным орнаментом по наружному краю и с рядом фигур в виде «запятой» в прорези — мотив, аналогичный узору на круглой роговой пластинке из третьего Пазырьского кургана [32] и в полуширном золотом украшении (табл. XXXV, 5) из Балладовского кургана.

В Ноинулинском кургане №6 найдены щитовидные деревянные пластинки (рис. 27, л), подобные такой же формы пластинкам из первого Башадарского кургана, [33] и изящно оформленные четырёхлепестковые деревянные пластинки (рис. 27, о, п), часть которых была покрыта красным лаком. Подобные же, но отлитые из бронзы, пластинки были обнаружены в Суджинском могильнике (табл. XXXII, 3) и на Иволгинском городище (табл. XXXII, 5). Среди ордосских бронзовых вещей имеется каплевидная подвеска с полуширной выпуклостью на расширенной её части (рис. 57, д), вероятно, налобная подвеска конской узды. Совершенно такой же формы налобные подвески были обнаружены во втором Башадарском кургане. [34]

Бордюрами из квадратов, крестов, «боевых топоров» и других фигур украшались войлочные ковры (табл. XLI). При простёжке войлочных ковров наиболее распространёнными были фигуры ромбов или системы спиралей в двух вариантах, о которых уже говорилось выше. Замечательно, что этот мотив в его хуннской трактовке позднее получил широкое распространение среди монгольских и тюркских народов и в настоящее время его можно видеть на войлочных коврах и чехлах для сундуков у бурят, киргизов и казаков. [35] Сплошными спиральями украшались головные уборы (табл. XVII, 1), а непрерывные спирали мы видим на одной из подушечных наволочек (табл. IX).

Особое положение занимают найденные в Ноинулинском кургане №6 три штампованные из тонкого листового серебра пластины с изображениями стоящих яков и оленя.

В большой круглой серебряной пластине (табл. XXXVI, 3) изображён як в горной лесистой местности. Двумя рядами конусообразных вершин показаны горные цепи, на одной из которых и стоит як. Два дерева — сосна или кедр изображены по обе стороны этого животного. По контуру пластины орнамент в виде скрученного шнура. Горы и деревья представлены в условной манере. То же до известной степени следует сказать и об изображении яка. Это животное воспроизведено в 3/4 с головой, неестественно закинутой назад и показанной впрямь. Вследствие этого голова оказалась почти посередине всей композиции. Подбрюшные волосы и на конце хвоста показаны особыми завитками. В той же условной манере в виде «ёлочки» показана и шерсть шеи. Хорошо переданы форма рогов

яка и парнокопытные ноги.

На серебряной пластине грушевидной формы с перехватом посередине представлено изображение другого яка также в горной и лесистой местности (табл. XXXVII, 3). Горный ландшафт на ней представлен группой конических вершин, лес — одним большим деревом (кедром) на заднем плане. У яка та же поза, что и на круглой бляхе, с головой посередине пластины. Манера воспроизведения животного и ландшафта та же, но значительно грубее.

На третьей малой пластине такой же формы с перехватом посередине дано рельефное изображение оленя в той же позе, что и яков на двух предыдущих. Олень (табл. XXXVII, 1) воспроизведен также в 3/4 с высоко приподнятой головой, закинутой назад и представленной впрямь. Хорошо переданы формы тела, характерные для благородного оленя рога и большие уши.

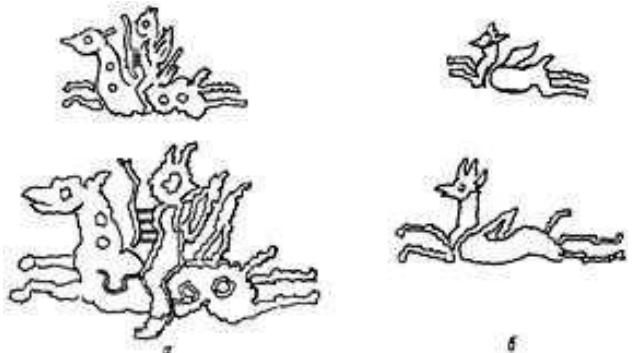
Стиль, в котором выполнены эти пластины, отличается от подлинно хуннских произведений изобразительного искусства. Необычна и поза животных на всех (81/82)

этих пластинах. Обращает на себя внимание трафаретность, характерная как для формы предмета, в которую вложен данный сюжет, так и для манеры его воспроизведения.

С другой стороны, нельзя не обратить внимания на контур всех серебряных пластин в виде скрученного шнура. Таким шнуром хунны оконтуривали вышитые на их коврах различные фигуры, в том числе и изображения животных.

При взгляде на приём воспроизведения горного ландшафта в пластинах с изображениями яков (табл. XXXVI, 3 и XXXVII, 3) невольно напрашивается сопоставление их с парой пластин-застёжек из Сибирской коллекции Петра I. Я имею в виду золотые пластины со сценой охоты на кабана, [36] которая происходит в горной и лесистой местности. Горы представлены там в той же условной

Рис. 59. Крылатые конные стрелки из лука (а) и козлы (б).
Орнамент на китайской шёлковой ткани. Курган №6. Ноин-Ула (нат.вел.).

манере, хотя основной мотив — стреляющий из лука всадник и кабан — поражает подлинным реализмом и художественным мастерством передачи обоих образов.

Если влияние китайского изобразительного искусства на искусство хуннов сколько-нибудь существенно не отразилось на предметах, обнаруженных в рядовых погребениях хуннов, то в погребениях знати в Ноинулинских курганах оно хорошо прослеживается. Прослеживается и обратное влияние хуннского искусства на китайское.

Одним из интереснейших произведений искусства, обнаруженным в Дэрестуйском могильнике, является изображение рогатого и крылатого волка, вырезанное на поверхности отрезка костяной трубочки (табл. XXXVI, 1), представленное в развернутом виде оттиском этого изображения (табл. XXXVI, 2).

Этот фантастический зверь воспроизведен на бегу с подкосившимися передними лапами и заданным кверху хвостом. Его преувеличенных размеров голова дана в профиль, но так, что виден и второй глаз и второе ухо, равно как и оба прямые рога. Рот с оскаленными зубами приоткрыт, рог изображен на кончике носа, крылья одно за другим посажены над лопатками и

над крупом.

Изображения волков с рогом на кончике носа обычны в древнем искусстве азиатских коневодческих народов, о чём мною написана специальная статья. [37] Однако волк, о котором идёт речь, единственный в своём роде. Необычно примитивное воспроизведение головы в неестественном ракурсе, когда при профильном (82/83)

её изображении видна часть скрытой от взоров её половины, а также изображение крыльев одно за другим на плече и краузе.

Крылатые стрелки из лука на крылатых лошадях и крылатые козлы имеются на одной из шёлковых китайских тканей из Ноинулинского кургана №6 (рис. 59, а, б). Крылатую лошадь, более чем вероятно хуннской работы, мы видели на золотой пластинке из Баллодовского кургана.

Крылатый волк несомненно китайской работы (табл. XLVI, 2) вышит также на одной из шёлковых тканей, найденных в Ноинулинском кургане №6. По-

Таблица XLVI

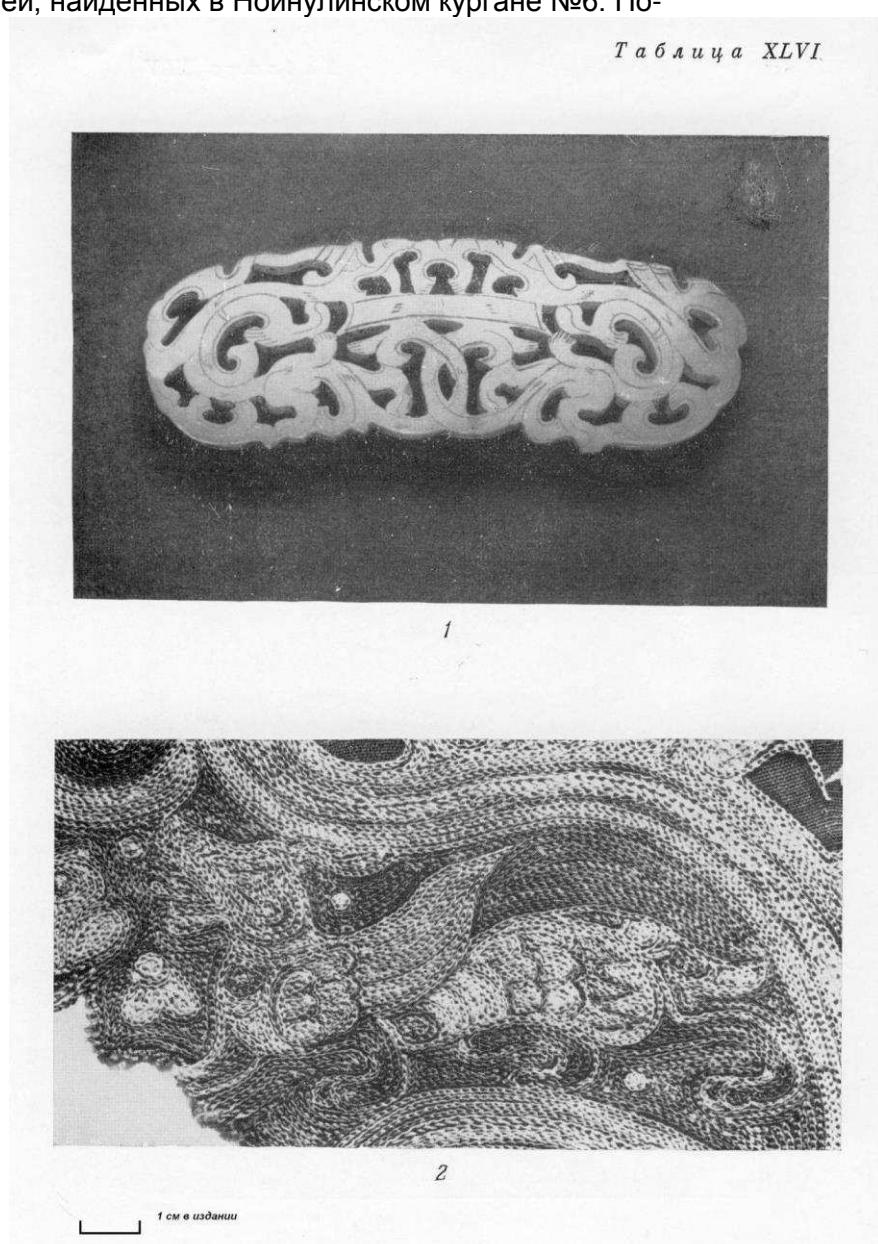
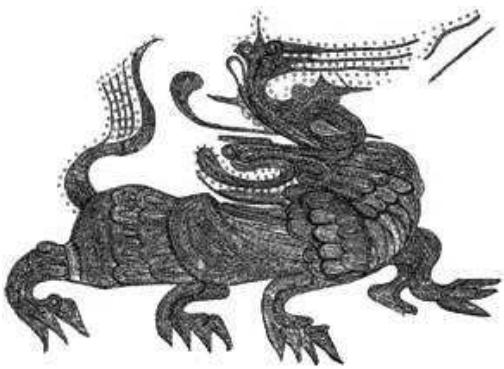

Рис. 60. «Птичий грифон».
Вышивка на китайской шёлковой ткани. Курган №24. Ноин-Ула.

этому решить, кто у кого, китайцы у хуннов или хунны у китайцев заимствовали мотив крылатого зверя, не так просто.

В этой связи чрезвычайно интересна композиция из пары противопоставленных фигур волков в ажурной нефритовой пластинке из Ноинулинского кургана №24, без сомнения китайской работы. В этой пластинке (табл. XLVI, 1) противопоставлены причудливо изогнутые с перевившимися хвостами рогатые волки с открытой пастью, огромными клыками и кончиком носа, вздёрнутым кверху. Кончики хвостов этих зверей оформлены в виде стилизованных грифовых головок. Воспроизведение рогатых волчьих голов, изогнутость тела с вывернутой задней его половиной имеют прямые аналогии с изображениями волков скифского времени в Южной Сибири. [38] Следовательно, мотив этот западный, характерный для искусства евразийских коневодческих племён, но интерпретация китайская.

Не менее интересно другое китайское произведение искусства — вышивка фантастического животного на шёлковой ткани из Ноинулинского кургана №24. Тело этого животного львиное с приподнятым хвостом и гипертрофированной кисточкой на кончике хвоста. Лапы переданы так же, как и лапы тигров в искусстве племён Алтая и Южной Сибири скифского времени. Оперение на груди показано налегающими одна на другую чешуйками, а крыло так, как это было принято в Персии ахеменидского времени. Птичья голова с открытым клювом и высунутым языком напоминает головы китайских феников, с той только отличительной особенностью, что на кончике клюва посажен рог (табл. XLVII; рис. 60).

Изображение рога на клюве птицы мы знаем также в произведениях искусства населения Алтая в скифское время. [39]

Деталь, на которую было обращено внимание при рассмотрении изображения волка из Дэрестуйского могильника (табл. XXXVI, 2), а именно: показ обоих глаз при голове, воспроизведённой в профиль, имеется и на этом изображении «китайского грифона». В данном случае голова эта дана не в чистом профиле, а как бы в 3/4. Такое совпадение в изображениях Дэрестуйского волка и ноинулинского грифона не случайно.

Из Ноинулинского кургана №23 имеется значительное количество украшений из листового золота листовидной с перехватом и треугольной форм (табл. XXXV, 9). Те, что я называю листовидной с перехватом формы, имеют рельефный орнамент, оконтуренный «скрученным шнуром», подобно тому, как это мы видели на серебряных пластинах с изображением яка и оленя (табл. XXXVII, 1 и 3). Рельефный орнамент и на ажурных треугольных пластинах. Эти золотые пластины, по всей вероятности, покрывали бронзовые предметы соответствующей формы и с рельефным рисунком. Из Ильмовой пади имеется бронзовая литая пластинка с рельефным орнаментом в виде грифовых головок (табл. XXXVII, 2). Подобные предметы, видимо, и покрывались золотыми пластинами, о которых была речь выше.

В Ноинулинском кургане №6 найдено деревянное навершие с выпуклой четырёхгранной поверхностью (табл. XXXIV, 3), с квадратным отверстием в центре. Несмотря на разные размеры трапециевидных граней этого навершия, все они покрыты одним и тем же резным орнаментом. Мотив этого орнамента имеет много общего с «облаками», какими они нередко изображались на китайских шёлковых тканях ханьского времени, и это навершие может считаться китайской работы. По всей вероятности, китайской работы и деревянные стержни с лепестковым ажурным орнаментом на обоих концах (рис. 27, н), назначение которых мне неизвестно.

Китайской работы и многочисленные бронзовые навершия, художественно выполненные и найденные в Ноинулинских курганах. Одни из них представлены шестилепестковыми розетками с круглыми отверстиями у основания лепестков, розетками на насадах-втулках (табл. [XXXIII](#), 1, 2). Имеются различной величины навершия с розетками четырёхлепестковыми на цилиндрических и прямоугольных насадах-втулках (табл. [XXXIII](#), 4-6). Для всех наверший характерно наличие острых шипов на насаде навершия под его шляпкой-розеткой. Навершия прикреплялись к древкам двумя гвоздями, забитыми в круглые отверстия, проделанные у основания навершия — одно под зубцом, другое на противоположной ему стороне навершия. Я считаю, нет оснований к предположению, что такие навершия служили для поддержания какого-то балдахина, тем более, что число их довольно велико. Наверший из Ноинулинского кургана №25, представленных на табл. [XXXIII](#), 1 и 2, оказалось 35 штук. Вероятнее всего, что эти навершия служили для подвешивания флагов на высоких древках. Такие навершия хорошо известны по многочисленным находкам в китайских и корейских погребениях.

Китайской же работы бронзовые наконечники деревянных зонтичных спиц, найденных в Андреевском и №25 Ноинулинских курганах (табл. [XXXIII](#), 3; рис. [42](#), б).
(84/85)

Единственное живописное, не считая китайских лаковых чашечек, лаковое изображение летящего гуся было обнаружено на дне гроба из Ноинулинского кургана №1 (табл. [XLVIII](#), 2; [LXXI](#), 3). Техника и стиль этого изображения бесспорно китайские.

Особое положение среди вещей, обнаруженных в Ноинулинских курганах, занимают стенные занавески типа ковров. Большинство из них будет рассмотрено в последней главе, поскольку нет уверенности в том, что они хуннской работы. С занавесью же предположительно хуннской работы мы сейчас познакомимся.

Такими занавесями из шерстяной материи с различными вышитыми на них узорами были частично задрапированы стены ноинулинских погребальных камер. Первоначально ими, без сомнения, драпировались стены хуннских жилищ, а, возможно, отделялась одна половина жилища от другой. Например, правая от входа — хозяйственная женская половина юрты, тогда как левая от входа была мужской.

Потолок наружной камеры Ноинулинского кургана №6, до засыпки его землёю, был покрыт огромным полотнищем, сшитым из нескольких таких занавесок и одной из них с изображением тигров. Драпировка эта была сшита из сравнительно широких полос ткани с узором «шкура тигра» и узких полос гладкой ткани с геометрическим орнаментом. Эта занавеска была, по-видимому, больших размеров. Сохранившаяся её часть имеет размер 152×175 см (табл. [XLIX](#)).

Шерстяная ткань с изображением тигровых шкур гроденаплевого переплетения с числом нитей 10×32 в 1 см². Уток слабой крутки. Ширина этой ткани, окрашенной, по-видимому, ольховой краской, всего 19 см. Вышивка односторонняя, на обратной стороне только узелки.

Центральная часть сохранившейся занавески (82×96 см) оконтурена полоской грубой двухцветной ткани шириной 6 см, с узором из девяти расположенных по диагонали в шахматном порядке квадратов. Далее пришиты полосы ткани с тигровыми шкурами шириной в поперечном направлении 34 см и в продольном 17 см. Затем идёт второй бордюр из полосок ткани шириной 8 см с геометрическим узором в виде пирамидки. Далее опять пришиты полосы ткани с тигровыми шкурами в поперечном направлении шириной 36 см и в продольном 19 см. Наконец, последняя контурная полоса узорной ткани шириной 8-9 см с изображением сдвоенной буквы П с загнутыми концами и девятью квадратами.

Вышивка представляет собой как бы распластанную шкуру тигра, вышитую белыми и чёрными шерстяными нитками. По середине шкуры, по хребту, идёт прямая чёрная полоска, от которой вправо и влево вышиты чёрные же волнистые полоски, изображающие

полосатость тигра. На обоих концах шкуры вышиты тигровые головы с парой передних лап.

Тигровые головы представлены впрямь, в двух близких один к другому вариантах: с подбородком и без него. В первом варианте при открытой пасти нижняя челюсть изображена с подбородком и непрерывным рядом зубов, в верхней же челюсти вышита только пара клыков. Во втором варианте вышиты только три пары зубов: две пары в нижней челюсти и одна пара в верхней, помещённой между парой зубов нижней челюсти. Передние лапы представлены также в двух вариантах. В одном воспроизведена голень с тремя когтями лапы, в другом только лапа с тремя когтями, нога же передана условно чёрной полоской вышивки (рис. 61; табл. L).

Все головы, как и лапы, поданы в условной манере, ставшей в известной мере традиционной для подобных изображений. У одних голов ясно переданы уши, у других их воспроизведение весьма условно. Различна постановка глаз и манера изображения кончика носа с подчёркнутыми ноздрями и без них. Между мордами и лапами в условной манере стежками вышивки показан подшёрстный мех. При общепринятой манере нет и пары совершенно одинаково вышитых голов, что, по-видимому, указывает на выполнение их различными вышивальщицами, в ряде случаев мало опытными, допустившими погрешности, искажающие натуру, например, в изображении кончика носа.

Техника вышивки разнообразна. Наряду с тамбурными стежками контурные линии выполнены простым стежком в виде верёвочки, а пространство между ними гладевым швом.

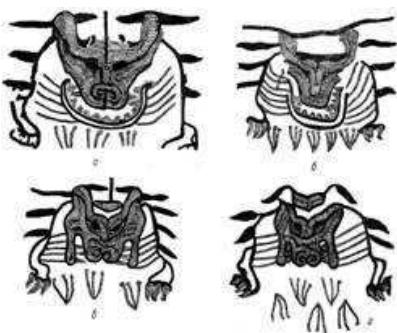

Рис. 61. Тигровые головы (а-г).
Вышивка на настенной
драпировке.
Курган №6. Ноин-Ула.

Рис. 62. Тигровая голова (тАО-ТЬЕ).
Ручка китайского бронзового сосуда
ханьского времени.

Рис. 63. Тигровая голова (тАО-ТЬЕ).
Узор на шёлковой ткани из Лу-ланы.

Трактовка тигровой шкуры и особенно голов, выполненных в условной и не вполне ещё установившейся манере, является результатом творчества хуннских мастерниц, несмотря на некоторое их сходство с изображениями тао-тье в китайском искусстве.

О происхождении ханьского тао-тье писалось много. Высказывались различные мнения, в частности, о западном происхождении этого мотива. Сопоставлялся он с греческим Горгоном, алтайскими изображениями голов тигра скифского времени. Однако ближайшей аналогией наиболее реалистическим китайским изображениям тао-тье являются, на мой взгляд, рассмотренные выше тигровые головы из Ноин-Улы. Чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить бронзовое изображение ханьского тао-тье, представленного на рис. 62, с ноинулинской головой тигра впрямь, особенно в том её варианте, где она представлена с открытой пастью. Следует обратить внимание на трактовку носа, бровей, слившихся с ушами, ряд зубчатых зубов на нижней челюсти, трактовку передних лап тао-тье и тигровых голов в целом.

Последующее развитие мотива тигровой головы в ноинулинском её варианте можно видеть на шёлковой ткани ханьского времени из Лу-ланы (рис. 63). [40]

В свете этих сопоставлений наиболее вероятным будет происхождение мотива тао-тье в китайском искусстве из более знакомого им искусства центральноазиатских охотников-скотоводов, какими были и хунны.

- [1] A. Salmony, 1933.
- [2] I.G. Andersson, 1932.
- [3] E.H. Minns, 1948.
- [4] M. Rostovtzeff, 1929, стр. 95.
- [5] С.И. Руденко, 1960, стр. 317-322.
- [6] А. Salmony, 1933, табл. X, 2. На рисунках №№54, 55 и 57 принятые следующие сокращения фамилий авторов: Сальмони — Сал., Андерсон — Анд.
- [7] I.G. Andersson, 1932, табл. XXII, 1.
- [8] С.И. Руденко, 1962, табл. I, 4; III, 5; IV, 3; V, 5.
- [9] Там же, табл. III, 5 и V, 5.
- [10] Там же, табл. II, 9 и IX, 6.
- [11] С.И. Руденко, 1953, табл. LXXXII, 5.
- [12] С.И. Руденко, 1960, табл. XXIV, 13.
- [13] С.И. Руденко, 1953, табл. LXXIX, 1.
- [14] С.И. Руденко, 1962, табл. XXII, 1.
- [15] С.И. Руденко, 1960, рис. 27, б.
- [16] С.И. Руденко, 1962, табл. VI, 3, 4.
- [17] С.И. Руденко, 1953, табл. I, 4, и II, 3 [опечатка, д.б.: табл. L, 4, и LI, 3].
- [18] Там же, табл. XXXV, 5.
- [19] Елизаветинские курганы быв. Кубанской области.
- [20] С.И. Руденко, 1953, табл. XII, 2 [опечатка, д.б.: табл. XLI, 2].
- [21] С.И. Руденко, 1960, табл. XLIV, 3 и XCIV, 2, 3.
- [22] С.И. Руденко, 1962.
- [23] С.И. Руденко, 1960, рис. 59, а.
- [24] Там же, рис. 48.
- [25] Там же, рис. 21.
- [26] М.И. Ростовцев. 1929, табл. V, 2.
- [27] С.И. Руденко, 1960, рис. 26.
- [28] С.И. Руденко, 1953, рис. 156.
- [29] Там же, табл. CX, 1.
- [30] С.И. Руденко, 1962, табл. I, 4; IV, 3.
- [31] Там же, табл. II, 9; IX, 6.
- [32] С.И. Руденко, 1953, табл. XLVIII, 3, 4.
- [33] С.И. Руденко, 1960, рис. 20, а, б.
- [34] Там же, табл. XLIX, 1-3.
- [35] Е.Р. Шнейдер, 1927, табл. XVIII, 1.
- [36] С.И. Руденко, 1962, табл. I, 5 и IV, 5.
- [37] S.I. Roudenko, 1958.
- [38] S.I. Roudenko, 1958, рис. 10, а, б; С.И. Руденко, 1962, рис. 7 и 23; табл. III, 2 и IV, 1.
- [39] С.И. Руденко, 1953, табл. XXII, 2 [видимо, надо: 3].
- [40] W. Willetts, 1958, fig. 48, а.

Глава X. Верования и культ.

О верованиях хуннов мы знаем очень мало. Известно только, что они поклонялись светилам и приносили жертвы предкам, небу, земле и духам. Отсюда и титул шаньюя «Рождённый небом и землёю, поставленный солнцем и луною». В Шицзи говорится: «Шаньюй утром выходит из лагеря поклониться восходящему солнцу, в вечеру поклониться луне». [1]

В Хоуханьшу сообщается: «У хуннов было обыкновение собираться в Лунцы, где в первой, пятой и девятой луне в день, под названием сюй, приносили жертву духу неба». [2]

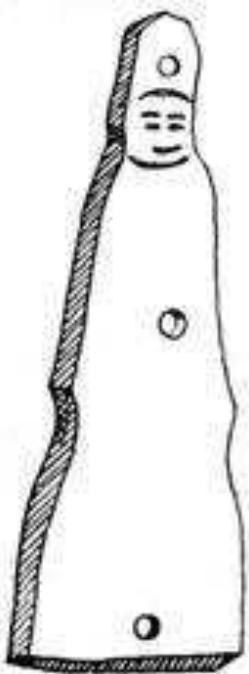
У хуннов имелись волхвы и гадатели. В Шицзи говорится, что они «предпринимают дела, смотря по положению звёзд и луны. К полнолунию идут на войну; при ущербе луны отступают». [3]

Были ли у хуннов шаманы и какова была их роль как служителей культа, достаточных сведений мы не имеем. Только в одном манифесте китайского императора (около 90 г. до н.э.) говорится: «По слухам доносили, что хунны перед походом на китайское войско, на всех дорогах и при реках, где надлежало проходить ему, велели шаманам зарыть баранов и волов с заклинанием на китайское войско. Шаньюй прислал сыну неба (императору, — С.Р.) ергак (одежду из конских шкур, — С.Р.), всегда велел шаманам производить заклинания над связанный лошадью. Это есть заклинание на войско». [4] Словом «шамана» Н.Я. Бичурин перевел китайское выражение *ху* (*вү*), что скорее означает волхв. Поэтому приведённая выше цитата не может служить доказательством наличия у хуннов шаманов с теми функциями, которые они позднее получили в культе тюркских и монгольских народов. Те, кто в китайских источниках обозначаются иероглифом *ху*, были, по всей вероятности, гадатели или волхвы, хорошо известные из других источников среди скотоводческих племён Евразии, в частности у скифов.

У хуннов был развит культ предков, старейшин и прославившихся своими подвигами. Последнее следует из повествования, изложенного в Шицзи и в Цяньханьшу. Во время похода против хуннов китайский полководец Гуан-ли (Эршийский) получил известие, что семейство его обличено в волховстве и род его предан казни: почему, собрав свои войска, покорился хуннам. [5] «Шаньюй давно

Рис. 64. Пластина из полупрозрачного камня с нанесённым на неё изображением человеческого лица.
Курган №23. Ноин-Ула (7/8 нат.вел.).

уже знал, что Эршийский был из лучших китайских полководцев, и притом вельможа; почему женил его на своей дочери, и благоволил к нему более, нежели к Вэй Люй... [6] Эршийский прожил у хуннов не более года, как Вэй Люй подорвал шаньюеву благосклонность к нему. Случилось, что занемогла мать янчжы (Шы-гу пишет: Шаньюева мать, — С.Р.). Вэй Люй приказал волхву по вдохновению покойных шаньюев сказать, что хунны прежде, принося жертвы воинам, всегда говорили, что, получив Эршийского, должно принести ему жертву. Ныне для чего же не исполняете?... После сего закололи Эршийского, чтобы принести жертву ему. Случилось, что сряду несколько месяцев шёл снег, и это произвело падёж на скот, заразительные болезни между людьми, и хлеб на полях не созревал. Шаньюй пришёл в страх, и построил храм для жертвоприношения Эршийскому». [7]

Неизвестно, были ли у хуннов изображения предков или духов. В китайских хрониках имеется только одно упоминание об изображении божества, которому поклонялись хунны.

Там речь идёт о золотом истукане, перед которым хуннский Хючжуй-князь приносил жертву Небесному жителю. [8] В другом источнике говорится, что китайский наместник Лянь Бао подарил усуньскому старейшине Гумония с прочими золотого идола в 20 лан весом. [9] Отсюда является вопрос, не от китайцев ли был получен и упомянутый выше хуннский золотой истукан? Тем больший интерес представляет найденное в Ноинулинском кургане №23 вырезанное из полупрозрачного камня весьма схематичное изображение человеческой фигуры (рис. 64) — пластина толщиной около 5 мм с процаррапанным изображением человеческого лица. Три просверленные в этой фигуре отверстия указывают на то, что она к чему-то привязывалась. Возможно, что это был какой-то антропоморфный амулет.

В связи с культом предков и пережитками родового строя у хуннов может явиться вопрос, не было ли у них культа тотемов — родоначальников родов? Никаких данных по этому вопросу в китайских источниках мы не находим.

Этот вопрос я бы и не ставил, если бы не оригинальная интерпретация изображений яков на серебряных пластинах из Ноинулинского кургана №6 (табл. XXXVI, 3; XXXVII, 3) как тотемов-гербов хуннского рода Хуянь, данная этим изображениям А.Н. Бернштамом. Исходя из предположения, вполне правдоподобного, что в кургане №6 был погребён шаньюй Учжулюжоди, принадлежащий к знатному роду Хуянь, А.Н. Бернштам пытается доказать, что найденные в этом кургане серебряные пластины с изображением яка можно считать тотемами этого «рода быка». Это положение А.Н. Бернштам сравнивает, с одной стороны, с отмеченным Альфолди преданием об уйгурском Огуз-кагане, дожившем в образе быка, и, с другой стороны, с сопоставлением Н.Я. Бичуриным Огуз-кагана с хуннским шаньюем Модэ. [10]

Прежде всего нам не известны случаи, когда прародители родов — тотемы изображались бы как «эмблемы-гербы» родов не только у хуннов, но и у других евразийских скотоводческих племён данной эпохи. Затем, на серебряных бляхах, о которых идёт речь, изображены не быки, а яки. [вернее, овцевьи, — прим. автора сайта] Изображения яков в их борьбе (88/89)

с фантастическими рогатыми зверями мы имеем на войлочных коврах из тех же Ноинулинских курганов №6 и 25, где совсем не место для изображения тотемов. Если тотемом был не як, а бык, то непонятно, каким образом его изображения (голова быка) могли служить поясной пряжкой, найденной в Дэрестуйском могильнике. Наконец, в том же Ноинулинском кургане №6, как мы знаем, была найдена третья серебряная пластина с изображением оленя (табл. XXXVII, 1). Если эти «эмблемы-гербы» были родовыми тотемами, то какого рода тотемом был олень?

Я допускаю, что в мировоззрении хуннов в качестве пережитка сохранились представления о зооморфных прародителях тех или иных родов, но не думаю, чтобы их изображения можно было бы видеть в дошедших до нас произведениях искусства.

В связи с верой в загробную жизнь хунны покойников своих снабжали всем необходимым в потустороннем мире. К сожалению, так как почти все погребения, а знатных лиц все без исключения, были раскопаны задолго до их исследования в наше время, нам не известен полностью погребальный их инвентарь. Несомненно только, что умершие снабжались вещами, которыми они пользовались при жизни. Это была их одежда и украшения, предметы вооружения, пища, предметы домашнего обихода, такие, как посуда, снаряды для добывания огня, столики для принятия пищи и ковры, покрывавшие пол жилищ и служившие, вероятно, постелью. Чем богаче и знатнее был умерший, тем богаче и разнообразнее был погребальный инвентарь.

Среди предметов, найденных в Ноинулинских курганах, обращали на себя внимание косы, а в рядовых хуннских захоронениях обрезки кос или пучки человеческих волос. Наличие в могилах кос и волос объясняется различно.

С.А. Теплоухов высказал предположение, что косы, обнаруженные в Ноинулинских курганах, являлись знаками траура. [11] Иного мнения придерживался А.Н. Бернштам. Исходя из сообщений китайских источников о том, что племена тоба явились «поколением сянбийских косоплётов» и в Китае только в IV в. н.э. основателем китайской династии Тоба было дано распоряжение «в столице и за её пределами связывать волосы на голове», А.Н. Бернштам приходит к следующему выводу. Поскольку на рубеже н.э. сянби находились в подчинении у хуннов, то, несомненно, им и могли принадлежать косы, положенные в могилу, в частности, шаньюю, погребённого в кургане №6. Итак, обнаруженные в Ноинулинских курганах срезанные с головы косы А.Н. Бернштам объясняет своеобразным приношением со стороны подчинённых племён их владыке — хуннскому шаньюю. [12]

Мне думается, что в тех случаях, когда в могиле встречаются пучки волос, возможно, что это были волосы погребённого. Широко известен обычай, во избежание колдовства, хранения вычесанных или срезанных волос при жизни и положения их в могилу вместе с умершим. Что касается срезанных кос, а косы несомненно были женскими, так как хунны мужчины кос не

носили, то здесь возможно другое толкование их наличия в погребениях знатных хуннов.

В Шицзи сообщается, будто бы вместе с хуннскими шаньююми по их смерти на тот свет насильственно отправлялись их приближённые и наложницы. «Из приближённых вельмож и наложниц соумирающих бывает от ста до нескольких сот человек». [13] Археологическими раскопками это сообщение не подтверждается. Если такой обычай у хуннов когда-то и существовал, то в интересующее нас время фактическое направление в потусторонний мир вместе с вельможей их прибли-

(89/90)

женных и наложниц мог быть замещён чем-то символическим, в частности срезанием волос и положением их в могилу.

Всего из Ноинулинских курганов после их раскопок экспедицией было извлечено свыше 120 кос, при этом 21 коса из кургана №1, 85 кос из кургана №6, 14 из Кондратьевского, из кургана №24 только один чехол от косы.

Показательно, что из самого богатого кургана №6, где предполагается погребение шаньюя Учжулю-жоди, мы имеем огромное количество (85) кос. Из погребения более скромного, но всё же знатного хунна в кургане №1 обнаружена 21 коса. Любопытно, что в заведомо женском погребении, в кургане №24, не было найдено ни одной косы. Отсюда можно предположить, что мужчины были погребены только в курганах №№1, 6 и Кондратьевском.

Косы эти все интенсивно черноволосые, свитые в жгут из двух прядей или заплетённые в три пряди, туго перевязанные у верхнего конца. Почему часть кос завита жгутом, а часть заплетена в три пряди, не ясно. Возможно, что здесь мы имеем дело с косами женщин из разных племён, с различными приёмами оформления своих кос.

Хотя несколько кос в ноинулинской коллекции без футляров, вероятно, все они были заключены в футляры или накосники из шёлковой ткани, обшитые снаружи горизонтальными рядами шёлковых же треугольных фестонов. Все футляры однотипны. Это узкий и длинный чехол, обычно соответствующий размерам косы, из шёлковой ткани песочного цвета. Только в одном случае он из чёрной шёлковой ткани. По окружности чехлы эти обшиты из такого же или иных цветов шёлковой ткани рядами поясков с треугольными фестонами.

Нижний конец кос свободно свисает в футлярах; только в одном случае он был завязан узлом. Напротив, оформление ее верхней части довольно разнообразно. Нередко срезанная вместе с футляром коса перевязывалась шнурком так, что её волосы выдавались из футляра. Иногда волосы в верхней части косы на значительном участке обвязывались шнуром. В большинстве случаев верхний край косы был закрыт футляром и тщательно перевязан. Встречались косы, у которых верхний конец волос простегивался ниткой. У верхнего конца некоторых кос имелась специальная петля для подвешивания из витого шёлкового шнура или полоски материи. В двух случаях сохранились обломки лучинок с зарубками, к которым были привязаны косы.

Возникает вопрос, не являются ли фестончатые накосники траурными или они были обычным убором? Учитывая сообщение в Шицзи, что хунны «траурного одеяния не имеют», [14] вероятнее предположить об обычном ношении накосников хуннскими женщинами. Кроме того, вряд ли имело смысл шить траурный накосник, если коса клалась в могилу. Уместно отметить, что в одном из горноалтайских курганов скифского времени была найдена женская коса в кружевном накоснике. [15] Ношение накосников, таким образом, было в древности обычаем женщин не только хуннов, но и других скотоводческих племён, в частности юечжей.

Особого внимания заслуживают миниатюрные шёлковые кошельки, привязанные у верхних концов кос. Все они абсолютно одинаковы, одного и того же размера и покроя. Таких кос с кошельками в кургане №6 оказалось десять. В некоторых из них были обнаружены срезанные ногти, но были и пустые. В двух из захоронений скифского времени в Горном Алтае были обнаружены пучки волос, зашитые в кожаные и войлочные лоскуты. В одном из этих курганов

в маленьком кожаном кошельке такого же типа, как и ноинулинские, оказались и срезанные ногти. [16] Наличие в могиле срезанных при жизни волос и ногтей вскрывает вполне определённые анимистические представления. С ранних стадий культурного развития известно повсеместное представление не только о теле, заключающем

(90/91)

в себе жизненный элемент (душу), но и об отдельных его частях, в том числе о волосах и ногтях, как имеющих свою частную, парциальную душу: волосы и ногти непрерывно растут и не умирают, не гниют, не разрушаются после смерти. Достаточно овладеть волосами или ногтями данного человека, чтобы получить власть над его душою, чтобы влиять на жизнь этого человека. Отсюда чрезвычайно распространён древний обычай хранить вычесанные или остриженные волосы и остриженные ногти, чтобы избежать опасности через их посредство быть околдованным или подвергнуться воздействию злых духов.

С другой стороны, из веры в бессмертие, в продолжение жизни в загробном мире вытекает обычай сохранять не только тело, но и части его — волосы и ногти. Этим, надо полагать, объясняется наличие прядей волос и ногтей в хуннских захоронениях.

Таким образом, можно согласиться с предположением С.А. Теплоухова, что хуннские женщины после смерти своего повелителя в знак траура срезали свои косы. Косы эти клались в могилу умершего, что символизировало следование этих женщин в потусторонний мир за своим повелителем. Женщина со срезанной косой уже, естественно, не могла принадлежать другому мужчине. Столь же символическое значение имело и положение в могилу вместе с волосами и срезанных ногтей (*pars pro toto*), которые женщины при жизни хранили в особых кошельках, привязанных к косам.

Объяснять, следуя за А.Н. Бернштамом, наличие кос в хуннских могилах своеобразным приношением со стороны подчиненных племён, в частности сянбийцев, их владыке — хуннскому шаньюю нет никаких оснований.

В Ноинулинских курганах найдены шёлковые флагги, подобные тем, которые можно видеть и ныне в буддийских храмах и молельнях Монголии, и известные под названием «джалсан». Особенно много таких флаггов из кургана №6. Флагги эти двух типов: цилиндрические на деревянном обруче со шнурками для подвешивания, сшитые наподобие накосников, и плоские. Цилиндрические флагги (табл. LII, 2, 3) в зависимости от их размеров снаружи поверхности обшиты рядами треугольных от одного-двух до девяти фестонов, обязательно с двумя треугольными «хвостами» на нижнем конце. Таких большинство. Плоские флагги в двух вариантах: либо подобные цилиндрическим, но только с нашитыми по одной стороне полосками треугольных фестонов, либо в виде прямоугольных полотнищ (табл. LI, 1). Для таких флаггов характерно наличие завязок не только у верхнего края, но и посередине.

Назначение этих флаггов для меня неясно. Во всяком случае, их наличие связано с погребальным ритуалом. Цилиндрические подвешивались, вероятно, на тех шипах, которые мы видели в бронзовых навершиях древок (табл. XXXIII, 1, 2, 4-6).

В Ноинулинских курганах сохранилось несколько бронзовых втулок различных размеров (рис. 27, г-е), которые, по всей вероятности, одевались на нижние концы таких древок.

Особо следует отметить наличие китайских зеркал в хуннских могилах. Два из них из Суджинского могильника (рис. 65, а, в), одно из Ильмовой пади (рис. 65, б) и одно из Ноинулинского кургана №25 (рис. 65, г).

Примечательно отсутствие целых зеркал. Все они представлены половинами, а одно из них даже обломком зеркала. Единственное китайское зеркало типа цинь, найденное в одном из Пазырыкских курганов на Алтае, также оказалось поломанным.

Зеркало в жизни китайцев играло роль не только обычной туалетной вещи, оно в их представлении имело магическую силу и наделялось известным символическим значением.

Так, «разбитое зеркало» было символом расставания супругов. Не этим ли объясняется отсутствие в могилах хуннов целых китайских зеркал, ибо вместе с китайскими зеркалами хунны воспринимали и особое отношение китайцев к зеркалам.

Рис. 65. Фрагменты китайских бронзовых зеркал (2/3 нат.вел.):
а, в — Суджинский могильник; б — Ильмова падь; г — Курган №25. Ноин-Ула.

Весьма интересны обряды, которыми сопровождались клятвенные договоры хуннов. В Цяньханьшу описывается клятвенный договор, заключенный Хуханье шаньюем с представителями китайского двора Чаном и Мыном. Договор заключался словами: «Кто из них прежде нарушит договор, да воспримет кару от Неба, и потомство его из рода в род да постраждет под сею клятвою. Чан, Мын, шаньюй и его старейшины взошли на Хуннскую гору по восточную сторону реки Но-Шуй и закололи белую лошадь. Шаньюй взял дорожный меч (драгоценный у хуннов меч, — С.Р.), и конец его омочил в вино; это клятвенное вино пили из головного черепа юечжынского государя, убитого Лаошан шаньюем». [17]

В этом обряде обращает на себя внимание культ меча, напоминающий ещё более ярко выраженный культ меча у западных скифов. По словам Геродота, во время человеческих жертвоприношений мечу (Арею) на него лили кровь принесённых в жертву. [18]

[1] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 50 (Шицзи).

[2] Там же, стр. 119 (Хоуханьшу).

[3] Там же, стр. 50 (Шицзи).

[4] Н.Я. Бичурин, 1953, ч. III, стр. 202 (Цяньханьшу).

[5] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 74 (Шицзи).

[6] Вэй Люй — хунн, воспитанный в Китае, приближённый Цзюйдихэу шаньюю и пользовавшийся исключительным его доверием.

[7] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 76 (Цяньханьшу).

[8] Там же, стр. 65 (Шицзи).

[9] Н.Я. Бичурин, 1953, ч. III, стр. 197 (Цяньханьшу).

[10] А.Н. Бернштам, 1951, стр. 40, 224, 225.

[11] С.А. Теплоухов, 1925, стр. 20.

[12] А.Н. Бернштам, 1951, стр. 46-47. Пряди срезанных человеческих волос были найдены в ряде хуннских могил в Забайкалье. В Ноинулинском кургане №25 обнаружены пучки волос нижней части косы длиною 20-25 см. То же отмечено в курганах №№6 и 24.

[13] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 50 (Шицзи).

[14] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 50 (Шицзи).

[15] С.И. Руденко, 1953, стр. 129, табл. XXV [надо: LXXV], 5, 6.

[16] Там же, стр. 335-336, табл. XXXVI [надо: LXXXVI], 5.

[17] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 92 (Цяньханьшу).

[18] Геродот, IV, 62.

Глава XI. Международные отношения и связи хуннов.

В течение первого тысячелетия до н.э., по сведениям китайских источников, «Дом хуннов то возвышался, то упадал, то делился, то рассеивался». [1]

В зависимости от этого те или иные взаимоотношения у них складывались с соседними племенами и народами.

Наибольшего политического могущества хунны, как уже сложившаяся самостоятельная держава, достигли на рубеже III и II столетия до н.э., когда верховный их вождь шаньюй Модэ «одержал совершенную победу, уничтожил Дом Дун-ху, овладел подданными его, скотом и имуществом. По возвращении он ударил на западе на юечжи и прогнал его, на юге покорил Ордосских владетелей... и вступил с Домом Хань в границы в Ордосе». [2]

При Модэ, по словам Шицзи, «Дом Хуннов чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена на севере, на юге он сделался равным Срединному Двору». [3]

Более слабые, например ухуаньцы, при Модэ находились в подчинении у хуннов и платили «им ясак воловыми и лошадиными кожами и овчинами». [4] С другими они заключали договор «о мире и родстве». Так, например, имеются сведения, что хунны послали свою княжну усуньскому гуньмо, который поставил её «старшею супругою». [5] В качестве гарантии от внезапного нападения они давали соседним народам заложников. Так, шаньюй Тумань послал своего старшего сына в заложники к юечжи, что не помешало ему самому сделать нападение на юечжей.

В интересующее нас время особенно подробные сведения имеются о взаимоотношениях между хуннами и китайцами, о взаимоотношениях, которые были и довольно сложными и многократно меняющимися в зависимости от военной их мощи в данный момент.

Ко времени покорения хуннами при Модэ различных кочевых народов Китай переживал смутные времена Ле-го — разноцарствие (междоусобие князей 722-480 гг. до н.э.) и Чжань-го — брань царств (междоусобные войны между сильными удельными князьями 480-223 гг. до н.э.), что не могло не отразиться на его военной силе. Между тем, поскольку хунны при Модэ чрезвычайно усилились и сделались равными Срединному царству, соотношение сил оказалось таким, что Модэ осмелился даже обратиться к китайской императрице с письмом дерзкого содержания, с предложением брака.

«Сирый и дряхлый государь, рождённый посреди болот, возросший в степях между лошадьми и волами, несколько раз приходил к вашим пределам, желая прогуляться по Срединному царству. Государыня одинока на престоле; сирый и дряхлый также живёт в одиночестве. Оба государя живут в скуке, не имея ни в чем утешения для себя. Желаю то, что имею, променять на то, чего не имею», [6] т.е. по монгольскому обычанию взять её за себя со всем китайским государством. Гао-хэу (императрица) сильно разгневалась — хотела казнить посланца и объявить войну хуннам. Советники её отговорили: «...Кочевые иноземцы подобны птицам и зверям (т.е. бесмысленные, — С.Р.); их добрыми словами не следует восхищаться; их обидными словами не следует огорчаться». [7]

Ответ гласил: «Шаньюй не забыл ветхой столицы (т.е. меня, — Н.Б.) и удостоил её письмом. Ветхая столица пришла в страх, и, вычисляя дни, заботится (93/94)

о себе. Она состарилась, силы ослабели; волосы линяют, зубы выпадают; в ходу теряет размер в шагах, Шаньюй ослышался, а этим нельзя запятнать себя. Ветхая столица не сделала преступления; надлежит оказать ей снисхождение. Имею представить тебе две царские колесницы и две четверни лошадей». [8]

Ранее заключённый договор «о мире и родстве» с хуннами Гао-хэу был подтверждён.

Во взаимоотношениях хуннов с Китаем красной нитью проходит стремление Китая привлечь на свою сторону правящую верхушку хуннской державы не только для обеспечения своих пограничных областей от вторжения хуннов, но и от перехода порабощённых Китаем на территорию хуннов. Общепринятым был дипломатический приём заключения договора «о

мире и родстве», при котором китайский двор выдавал одну из своих княгинь замуж за шаньюю, происходил обмен подарками, и китайский двор обязывался ежегодно поставлять хуннам определенное количество продовольствия и товаров.

Выдачей своих княгинь замуж за шаньюев китайский двор преследовал и особую цель. Княгини эти со своими свитами информировали китайский двор о всём происходящем в земле хуннов.

Такие договоры Китай заключал не только с хуннами, но и с другими народами, причём инициатором таких договоров не всегда был Китай. Так, в Цяньханьшу сообщается, что усуньский государь прислал 1000 лошадей, чтобы получить супругу из Дома Хань, и, получив, «поставил её младшею супругою». [9]

К подобным сношениям Китая с другими соседними народами хунны относились довольно ревниво. При Хуанди шаньюе хунны «отправили в Усунь посланника с требованием выдать им китайскую царевну». [10] Не получив удовлетворения, они напали на усуней. Усуньская царевна представила донесение, и китайский двор оказал помочь усуням.

Другой пример. Когда хунны узнали, что китайский двор направил своего посланника к юечжам, они заявили протест. «Юечжи от нас на севере; по какому же праву (по ту сторону нашей земли, — С.Р.) Дом Хань отправляет туда посланника?» [11]

Размер «приношений» китайским двором шаньюям хуннов по договору «о мире и родстве» (сопровождающимся выдачей одной из китайских княгинь замуж за шаньюю) был не постоянен и по своим размерам существенно менялся в зависимости от политической обстановки. Бывали времена, когда китайцы предлагали хуннам договор «о мире и родстве» и, наоборот, с предложением этого договора обращались к ним хунны.

В 174 г. до н.э. шаньюй Модэ получил в дар от китайского императора «надеваемый (лично носимый императором) вышитый кафтан на подкладке, длинный парчевый кафтан, золотой венчик для волос, пояс, золотом оправленный, и носороговую пряжку к поясу, золотом оправленную, 10 кусков вышитых шёлковых тканей, 30 кусков камки и 40 кусков шёлковых тканей тёмно-малинового и зелёного цвета». [12]

В 89 г. до н.э. шаньюй Хулугу требует, чтобы «Дом Хань — на основании прежнего договора — ежегодно доставлял мне десять даней лучшего вина, 50 000 ху риса и 10 000 кусков разных шёлковых тканей». [13]

В 52 г. до н.э. Хуханье, помимо 20 гинов золота и 200 000 медной монеты, от китайского двора получил: шляпу, пояс, верхнее и нижнее одеяние, золотую печать с жёлтыми шнурями, меч, осыпанный драгоценными камнями, поясной (94/95)

нож, лук и четыре выпуска стрел, десять чеканов с чехлами, колесницу, узду, пятнадцать лошадей, семьдесят семь перемен одежды, 8000 кусков разных шёлковых тканей, 6000 гинов (гин, современное цзинь, соответствует 596.3 грамма) шёлковой ваты. Кроме того, на содержание отправлено 34 000 ху проса, риса и высущенного риса. В 49 г. прибавлено 110 перемен одеяния, 9000 кусков шёлковых тканей и 8000 гинов ваты, а в 33 г. всего вдвое больше. [14]

Рис. 66. Курган №6. Ноин-Ула (1/3 нат.вел.). а — шёлковый кисет; б — шёлковый кошелёк для монет.

В 25 г. до н.э. шаньюй Фучжулей-жоди получает 20 000 кусков разных шёлковых тканей и 20 000 гинов ваты. [15]
В 10 г. н.э. шаньюй Учжулю-жоди получает 1000 лан

золота и 1000 кусков шёлковых тканей, помимо других подарков [16] и т.д. Приношения (замаскированная дань) китайским двором хуннским шаньюям состояли из подарков лично шаньюю (одежды, предметы роскоши и вооружения, колесницы и т.п.) и из продовольствия, материалов для одежды и денег в таком количестве, какое значительно превышало личные потребности шаньюя и его семьи. Приношения эти распределялись между служилой аристократией хуннской державы, частью среди населения, но полностью они, конечно, не могли удовлетворить всех потребностей народа в иноземных товарах. Последние в значительной степени получались путём торговли.

Торговлю хунны вели не только с Китаем, но и с другими соседними народами, в том числе и с подчинёнными им. В Цянъханьшу сообщается, что в первых годах н.э. «хунны отправили, как прежде водилось, комиссара требовать ясак с ухуаньцев»; [17] за ним поехало множество людей обоего пола для торговли. Сообщение это
(95/96)

особенно интересно в том отношении, что домашние ремёсла хуннов и ухуаньцев были, по-видимому, различны. Хотя хунны, о чём свидетельствуют находки в Ноинулинских курганах, сами изготавливали шерстяные ткани, это ремесло не было для них характерным. Во всяком случае, китайские источники об изготовлении хуннами тканей ничего не сообщают. Напротив, в Хоуханьшу об ухуаньских женщинах особо подчёркивается, что они «умеют вышивать шелками по коже и ткать шерстяные материи». [18]

Несравненно оживленнее и важнее для хуннов была торговля с китайцами. Меновой единицей был скот, но в ходу были и китайские деньги. Так, под 52 г. до н.э., о чём уже упоминалось выше, вместе с направленными хуннам китайским двором продовольствием и тканями упоминается о 20 гинах золота и о 200 000 медной монеты. [19]

В этой связи чрезвычайно интересен большой шёлковый кошелёк для монет, найденный в Ноинулинском кургане №6 (рис. 66, б). Кошелёк этот выкроен из цельного куска шёлковой ткани, сложенной вдвое, открытый с одной расширенной его стороны и обшитый по краям полоской шёлковой ткани. В суженной его части проделано отверстие для монет, закрывающееся клапаном с завязкой.

Пограничные рынки имелись как на хуннской, так и на китайской территориях. Хунны пригоняли быков и лошадей для торга с Китаем, сами же «много брали китайских произведений». Насколько значительны были торговые операции, можно судить по тому, что в 84 г. н.э., например, шанью распорядился пригнать до 10 000 штук быков и лошадей и открыть меновый торг с китайскими купцами. [20]

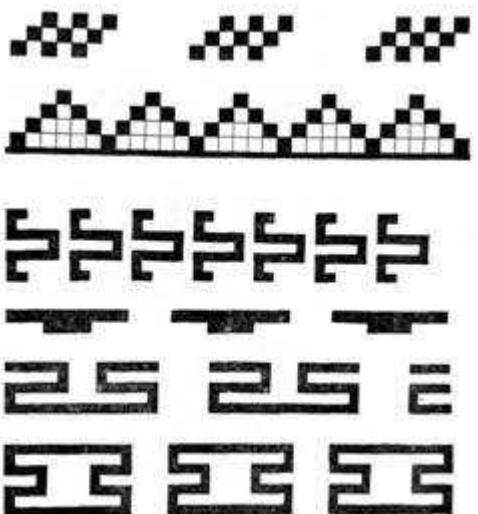
Торг этот, между тем, не был регулярным и осуществлялся в зависимости от политической обстановки, причём торга этого, как правило, добивались хунны как более заинтересованная сторона. Китайский двор более предпочитал направлять необходимые хуннам товары непосредственно шаньюям с целью держать их в некоторой экономической зависимости, чем поощрять свободный обмен между хуннами и китайцами. Мало того, с той же целью он всемерно стремился ограничить торговлю хуннов с другими соседними народами. Так, в Цянъханьшу имеется сообщение о том, что в первых годах н.э. «китайский пристав в ухуаньском аймаке объявил ухуаньскому народу не давать хуннам ясак холстами и кожами». [21] Между тем, о чём упоминалось выше, во время сбора с ухуаньцев хуннами ясака производился с ними и свободный обмен товарами.

Как бы то ни было к хуннам всё более и более тем или иным путём проникали предметы китайского производства, которые в огромном количестве были обнаружены в Ноинулинских курганах. Влияние Китая на хуннов со временем становилось настолько значительным, что стало угрожать самостоятельности их культуры. Влияние это становилось настолько очевидным, что приближенный Лаошан шаньюя китаец Чжунхин Юе давал следующий совет, чтобы сохранить независимость хуннов от Китая: «Численность хуннов не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные, и не зависят в этом от Китая. Ныне, шаньюй, ты изменяешь обычай и любишь

китайские вещи. Если Китай употребит только одну десятую своих вещей, то до единого хунна будут на стороне Дома Хань. Получив от Китая шёлковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдёт до шерстяного и кожаного одеяния. Получив от Китая съестное, не употребляйте его, тем показывайте, что вы сыр и молоко предпочитаете им». [22] (96/97)

С народами запада — с юечжами, усунями, согдийцами, парфянами и другими у хуннов также имелись более или менее тесные связи и, если о них почти ничего не упоминают китайские источники, то только потому, что они сравнительно мало интересовали китайцев. Между тем мы знаем, что между хуннами, с одной стороны, и юечжами и усунями — с другой, бывали военные столкновения с переменным успехом, при котором имущество переходило из рук в руки. Хуннская знать временами находилась в родственных отношениях со знатью упомянутых народов, что сопровождалось взаимными подарками, в том числе и предметами роскоши. Хунны ревниво относились к проникновению китайцев в Согду, которая одно время находилась под контролем хуннов, ибо китайский шёлк через согдийских купцов шёл в Бактрию, оттуда к парфянам и далее на запад. Одновременно с запада на восток тем же путём могли проникать и предметы роскоши, в частности драгоценные шерстяные ткани, о чём свидетельствуют их находки в Ноинулинских курганах.

Рис. 67. Геометрические орнаменты на иноземных шерстяных тканях.
Курган №6. Ноин-Ула.

Китайские шёлковые и вышитые ткани из Ноинулинских курганов детально изучены и опубликованы Е.О.[Е.И.] Лубо-Лесниченко. [23] Поэтому в заключение данной главы я сосредоточу внимание на находках в Ноинулинских курганах тканей западного происхождения. Среди них одна шерстяная драпировка-коврик западного происхождения, две, по всей вероятности, юечжийской или усуньской работы, серия вышивок условно «греко-бактрийских» и аналогичные им по технике выполнения два портрета, наконец, гобелененная ткань парфянская или малоазийская.

Настенная драпировка-коврик с изображением тигровых шкур, о которой говорилось в главе об искусстве, оконтурена полосами ткани с узорами из квадратов и других геометрических фигур (рис. 67). Из этих же тканей сшито и особое полотнище, которое также, по всей вероятности, служило настенной драпировкой. Ткань эта была детально исследована А.А. Воскресенским и Н.П. Тихоновым. [24] По их заключению, материалом для ткани послужила тонкая, мягкая, типа пуха шерсть диаметром от 20 до 40 микрон. Основа из крученой шерсти в две нити. Крутка основы из 20 оборотов в одном дециметре, а крутка каждой в отдельности нити от 12 до 18 оборотов. Уток — ординарная пряжа средней крутки от 5 до 10 оборотов. Ткань сработана гроденаплевым переплетением при двойном утке по типу бархатного построения. Плотность числа нитей в среднем на один сантиметр в основе 8, в утке 34. Имеется один образец плотностью по основе 3-6, а по утку 52 нити в сантиметре.

Рис. 68. Орнамент центрального поля настенной драпировки с изображением черепах и рыб. Курган №6. Ноин-Ула.

Подобная ткань, точное местонахождение и время которой неизвестно, в 1851 г. была передана в Эрмитаж из Керченского музея. Соткана она «в виде тращеного в 2 и 5 нитей атласа (левантина)». [25] На ней особого внимания заслуживают различные варианты геометрического орнамента, представляющего собой комбинации из квадратов и прямоугольных фигур, подобных отмеченным выше на ноинулинской ткани.

В той же технике выполнена и ткань, найденная на Таманском полуострове в одной из гробниц, время которой точно не установлено, но с характерным для скифов войлочным головным убором. [26] Ткань эта подобна той, какая составляла часть покрывала погребальной камеры Ноинулинского кургана №6 вместе с другими настенными драпировками-ковриками.

Две настенные драпировки-коврики отличаются одна от другой только деталями узоров вышивки, выполненной в одной и той же технике, и близки по мотивам. Драпировки эти из шерстяной ткани гроденаплевого переплетения со счётом нитей в среднем 14×26 в 1 см^2 , буро-красного, первоначально, вероятно, пурпур-

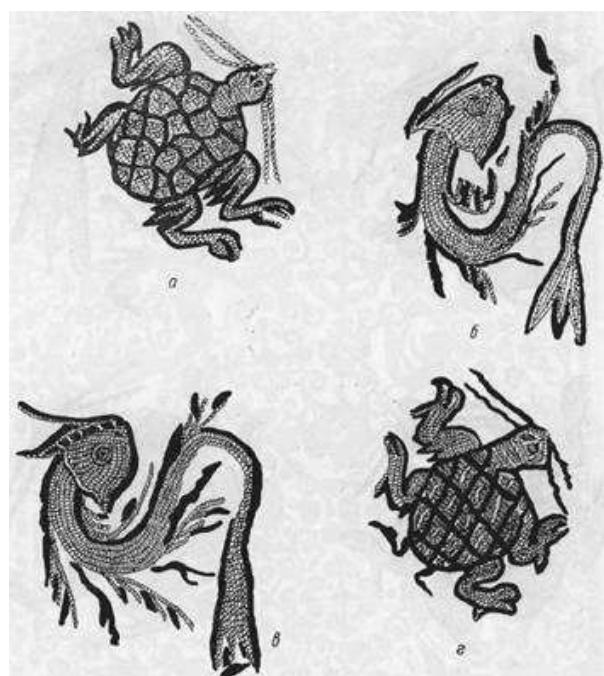

Рис. 69. Изображения черепах и рыб на настенной драпировке (а-г). Курган №6. Ноин-Ула.

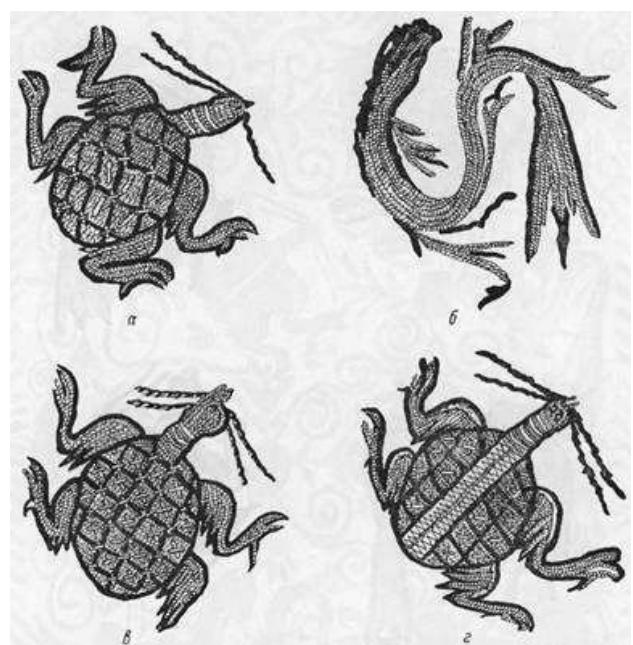

Рис. 70. Изображения черепах и рыб на настенной драпировке (а-г). Курган №6. Ноин-Ула.

рового цвета. Их размеры были одними и теми же, шириной 125 см и длиной не менее 200 см.

Центральное поле одной из них (с изображением черепах и рыб; табл. LIII и LVI; рис. 68) шириной 47 см покрыто узорами из цветков сердцевидной формы с крестиком в нижней трети и отходящими от них крестообразно расположенными трилистниками с тычинками и «виноградными усиками». Внутри квадратов, образованных этими цветками и усиками, вышиты изображения черепах и стилизованных рыб (рис. 69 и 70). Изображения эти расположены так, что в одном диагональном направлении идут непрерывные ряды черепах или рыб, а в другом направлении изображения черепах чередуются с изображениями рыб. Позы черепах одни и те же, изображённые сверху. Каждая из черепах держит во рту травинку. При одном и том же стилистическом оформлении в деталях изображения панцирей черепах наблюдается несколько различных вариантов. Вариант первый: панцирь расчленён на чешуйки и в центре каждой чешуйки помещён крестик (рис. 69, а). Вариант второй: крестики помещены в точках соприкосновения четырёх чешуек (рис. 70, а). Вариант третий: крестики внутри чешуек и в точках их соприкосновения (рис. 70, в). Вариант четвёртый:

панцирь в продольном направлении разделён на две равные половины полосою с зигзагообразным орнаментом; внутри чешуек крестики (рис. 70, г). Вариант пятый: внутри чешуек вместо крестиков личинкообразная фигура (рис. 69, г).

Таблица LIII

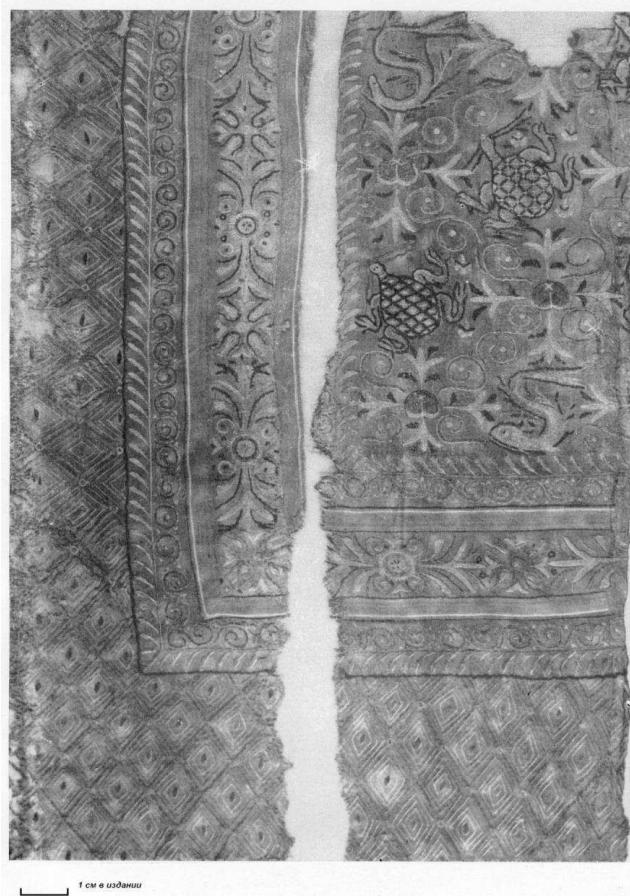

Таблица LVI

При одной и той же изогнутой позе рыб в профиль и одном и том же стилистическом их оформлении с многочисленными плавниками выделяются два варианта: с узкой и длинной головой (рис. 70, б) и с короткой головой, с «усиками» (рис. 69, б).

Рис. 71. Орнамент центрального поля настенной драпировки с изображением птиц и рыб. Курган №6. Ноин-Ула.

Центральное поле обрамлено вышивкой (шириною 5 см) из ряда каплеобразных фигур, отделённой полоской в две нити от орнамента из непрерывного ряда спиралей с крестиками вверху и внизу, встречающегося в хуннском искусстве. Бордюр окаймляет нашитая на ткань полоска шерстяной ткани шириной 2.2 см. Полоска эта соткана в киперном переплетении нитей со счётом 13×33 в 1 см^2 .

Следующий бордюр (ширина 8 см) представлен вышивкой из чередующихся лучистой розетки с крестиком в центре и крестообразными цветками. От центра

Рис. 72. Изображения птиц на настенной драпировке. Курган №6.
Ноин-Ула.

розетки отходят вытянутые в продольном направлении трёхлепестковые цветки с чашелистиками и завитками. Бордюр этот также заключён в рамку из нашитой на ткань такой же узкой шерстяной полоски, как и упомянутая выше (табл. LVI). Далее повторяется тот же бордюр (ширина 6 см) из рядов каплевидных фигур и спиралей с той лишь разницей, что ближе к центру расположен непрерывный ряд спиралей, а не каплевидных фигур.

За черным шерстяным кантом выполнена вышивка наружного бордюра (ширина 18 см), состоящая из ромбов.

Вторая, подобная первой, настенная драпировка-коврик отличается от неё в основном узором вышивки (табл. LVII и LVIII; рис. 71). При её ширине около 125 см длина была свыше 170 см. Ткань гроденаплевого переплетения со счётом нитей в среднем 15×25 в 1 см^2 , буро-красного, первоначально, вероятно, пурпурового цвета.

Таблица LVII

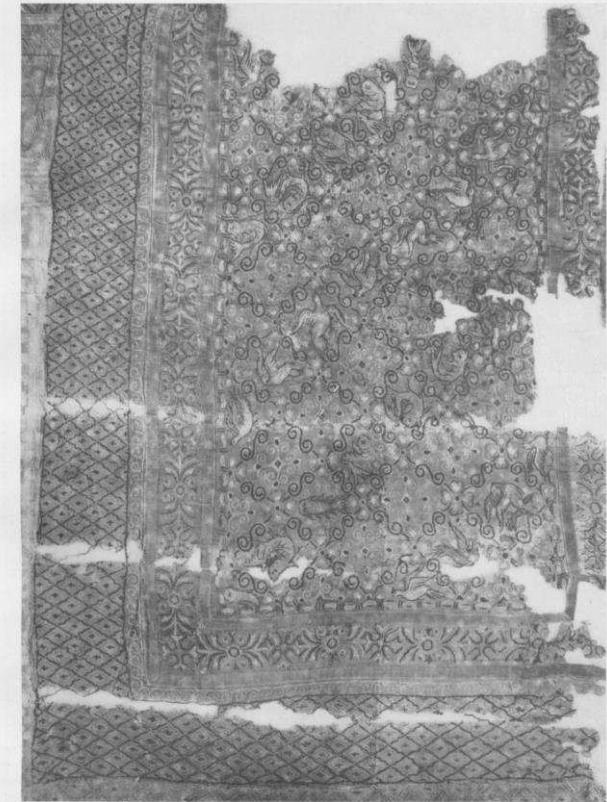
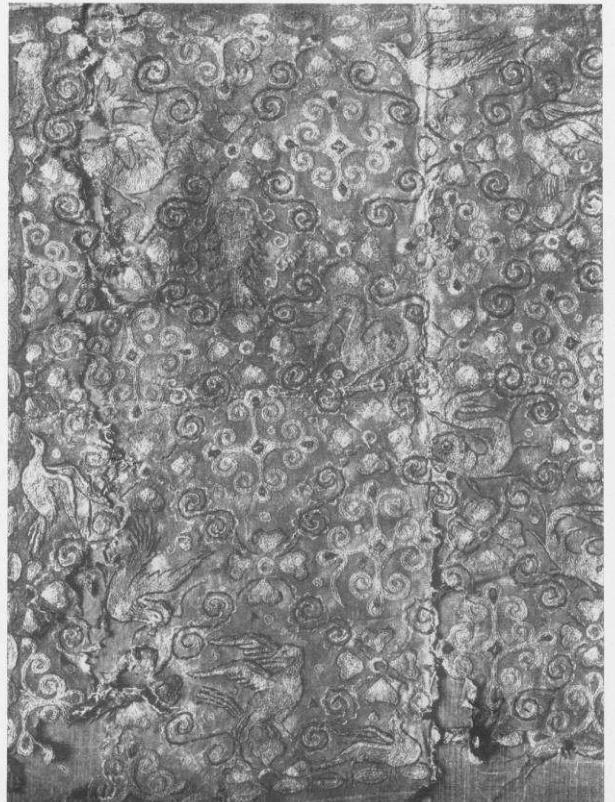

Таблица LVIII

1 см в издании

Центральное поле этого коврика шириной 55 см разбито на ромбы вышивкой перекрещивающихся рядов четырёхлепестковых цветков (пальметки сердцевидной формы), соединяющихся между собой S-образными фигурами. В ромбах, образованных цветками, вышиты крестообразные фигуры и изображения птиц и рыб. В тех случаях, когда в ромб легко вписывалась крестообразная фигура, она не только изображалась полностью, но на оставшемся свободном пространстве вышивались кружки с точками в центре. В тех же случаях, когда пространство в ромбах не позволяло полностью воспроизвести крестообразную фигуру, часть её концов, как это видно из рис. 71, утрачивала свою общепринятую форму и превращалась в более или менее сложный завиток. В одном из диагональных направлений вышиты ряды крестообразных фигур, изображений птиц или рыб, а в другом направлении крестообразные фигуры чередуются с изображениями птиц и рыб. Центральное поле оконтурено рядом чечевицеобразных фигур.

Крупные крестообразные фигуры, образованные трилистниками, имеют полную аналогию с подобными же крестообразными вырезанными из дерева украшениями из горноалтайских курганов скифского времени, а позднее они являются одним из характерных орнаментальных мотивов в изобразительном искусстве тюркских народов, в частности казахов и киргизов. Замечательны динамичные изображения петушков и курочек на лету в самых разнообразных позах не менее как в одиннадцати вариантах (рис. 72). Изображения курочек, фазанов, порхающих между деревьями, мы знаем на китайской вышивке из одного из горноалтайских курганов скифского времени, [27] но там все позы однотипны; на рассматриваемом же коврике из Ноин-Улы нет и двух одинаковых. Точность наблюдения и мастерство художников в изображении поз поразительны.

Иное впечатление производят изображения рыб (рис. 73). В то время как петушки и курочки воспроизведены в профиль и 3/4, некоторые из рыб изображены также сверху, как бы распластанными, подобно изображениям черепах, с которыми мы познакомились выше, и тигровых шкур на драпировке хуннской работы. Если о птицах мы можем сказать, что это курочки и петушки, а не голуби, настолько чётко обозначен петушиный гребешок, то вид рыб определить невозможно. Быть может, это карп, но расчленённый хвостовой плавник и многочисленные боковые плавники придают всем изображениям условный характер. Небезынтересно отметить, что изображение рыбы с многочисленными плавниками было характерным и для искусства племён Алтая в середине 1 тысячелетия до н.э. [28] Типичная особенность в изображении рыб — динамичность их извивающихся поз. Исключение составляют воспроизведённые сверху распластанные фигуры с одной характерной деталью. Рыбы извивающиеся полностью заполняют предназначенные для них квадраты, у распластанных же рыб справа и слева остаётся свободное пространство, заполненное вышивкой в одну нитку «извивающейся водоросли». В одних случаях эту водоросль рыба держит во рту, в других водоросль не касается головы.

При сопоставлении изображений рыб на данном коврике и коврике с черепахами обращают на себя внимание не только одни и те же позы, но и стилистическое оформление, хотя в основу последних изображений положен другой вид рыбы.

Рис. 73. Изображения рыб на настенной драпировке. Курган № 6. Ноин-Ула

При изображении рыб мастера не стремились не только к натуралистическому, но и к реалистическому их воспроизведению, как это было отмечено для птиц. Имеется даже одно изображение рыбы в такой мере условное, что его можно принять за изображение птицы

(табл. LIX).

разноцветных нитей слабой крутики и закрепление их на её поверхности очень тонкими нитями.

В этой технике выполнены, как мы увидим ниже, и замечательные портреты (табл. LX и LXI), найденные в Ноинулинском кургане №25, и так называемые «греко-бактрийские» ткани (табл. LXII-LXVII).

Особое место среди ноинулинских ковровых тканей занимают фрагменты настенной драпировки-коврика с изображением всадников, ребёнка-воина, мечущего копьё или трезубец в орла, львиных грифонов и гирлянд цветов, детально описанных К.В. Тревер. [29] Хотя часть фрагментов значительных размеров, всё же полностью восстановить драпировку не представляется возможным.

Центральное поле этой драпировки окаймляет бордюр из полоски шерстяной ткани шириной 2.2 см, нашитой на основную ткань. Следующий бордюр (8 см шириной) представляет собой вышивку с изображением розетки с трёхлепестковыми цветами и чашелистиками, чередующимися с изображением крестообразных цветков. Узор этот подобен такому же узору на драпировке-коврике с черепахами, но не идентичен и отличается рядом деталей. Вслед за контурной полоской ткани (104/105)

в 2.2 см, нашитой на коврик, идет узор из спиралей и, наконец, широкий (16 см) бордюр из ромбов, также несколько отличающийся от ромбов бордюра драпировки-коврика с черепахами.

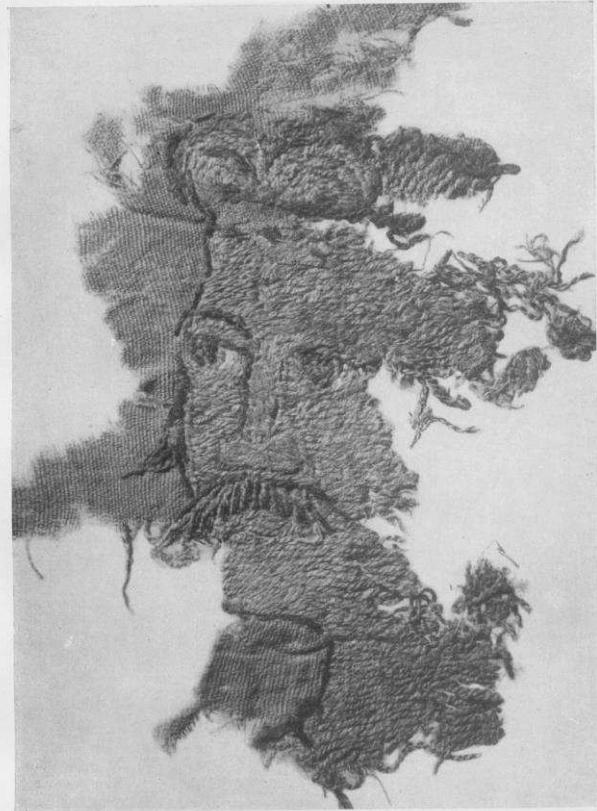
Если мы примем во внимание многокрасочность вышивки этих ковриков, мягкость тонов красок и их оттенков, то должны будем по достоинству оценить эти незаурядные произведения искусства.

Для техники вышивки драпировок-ковриков характерно наложение на ткань

Таблица LX

1 см в издании

1 см в издании

Драпировка эта была сшита из нескольких самостоятельных полотнищ или полос. При одной и той же технике изготовления ткани в полотняном переплетении и в одной и той же первоначальной окраске в пурпуровый цвет плотность её различна. Так, переплетение нитей в образце с изображением всадников в среднем 9×34 в 1 см^2 ; в полосе с изображением ребёнка-воина и орла 12×16 и в полосе с львиными грифонами 7.5×21 в 1 см^2 . При хорошей крутке нитей основы крутка нитей утка относительно слабая. Техника вышивки в основном одна и та же: наложение цветных нитей весьма слабой крутки на ткань и закрепление их на её поверхности тоненькими ниточками.

На самом большом фрагменте (44×66 см, табл. LXIII) сохранилось неполное изображение группы всадников. На нем мы видим спешившегося всадника во весь рост. Второй верховой виден только до пояса, в остальном его закрывают три лошади. У третьего, также спешившегося всадника, стоящего за крайней левой лошадью, видна только нога и незначительная часть торса. Лошадей в этой группе было не менее четырёх. Левой лошади видна вся передняя часть, двух следующих — только головы с шеей и передняя нога, четвёртой — только голова.

Спешившийся всадник изображён в $3/4$ с головой в профиль: верховой всадник с головой — в $3/4$ (табл. LXII). Оба европеоидного типа — один с узким и длинным лицом, большим лбом и прямым носом, другой с овальным, но не скуластым лицом. На головах у них одинаковые гладкие головные уборы, прикрывающие не только темя, но и затылок, из-под которых сзади виден пучок волос.

Плечевая одежда без воротника, не полностью прикрывающая грудь и оставляющая открытой шею. Штаны широкие, завязанные у стопы, обувь короткая, без голенищ, мягкая. Одежда, по всей видимости, из шерстяной ткани, расшитая характерными узорами из

трилистников внутри ромбов с точкой в центре и из крестиков внутри квадратов.

Усы и пучок волос на лбу напоминают М.И. Ростовцеву гондарские скульптуры. Одежду и головной убор всадников тот же автор считает типичными иранскими. [30]

Обращает на себя внимание породистость разномастных, с подстриженной гривой коней, с изящной головой на длинной шее, с длинными и тонкими ногами. Это вероятно те прославленные высокопородистые боевые кони, которыми славились Парфия и Бактрия, или знаменитые хуннские тысячелийные аргамаки. У левого коня, с обращённой назад головой, настороженные уши и пристальный

(105/106)

взгляд, у остальных, в частности у той, что щиплет траву, уши прижаты. Узды у всех лошадей однотипные — с ремнями оголовья, налобным, наносным и подшёйным. Удила, вероятно, кольчатые, с псалиями. На перекрестьях ремней имеются украшения. У левого коня изображена передняя, мягкая, высоко приподнятая лука седла, виден нагрудный седельный ремень и на нём круглая фалара.

По нижнему краю этой ткани между двумя широкими полосами вышита гирлянда из пальметок и в промежутках между ними цветки арацеи, соединяющиеся между собой завитками (табл. LXV, 2). Этот бордюр, по мнению М.И. Ростовцева, выполнен по греческим или греко-индийским образцам. [31]

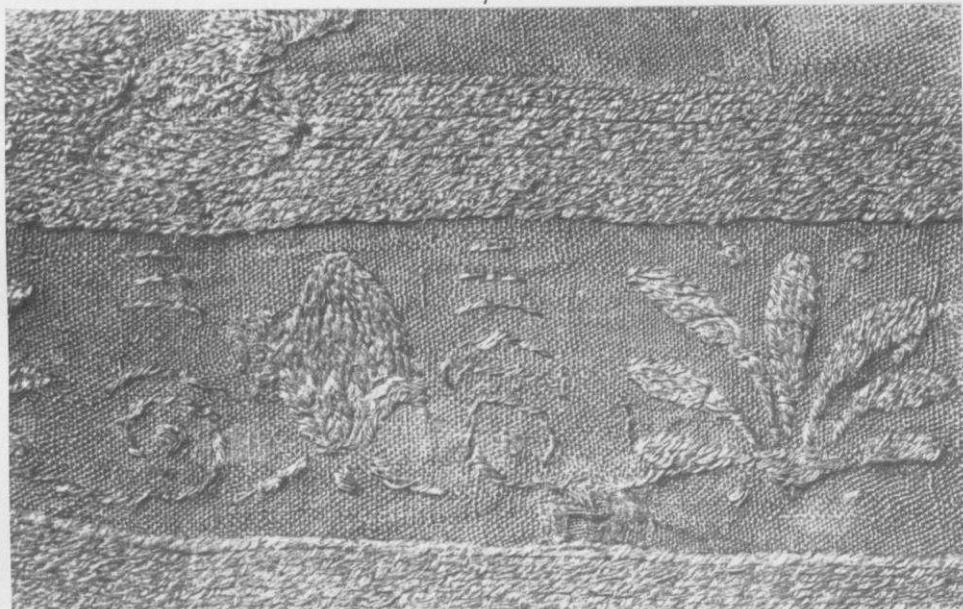
Другой фрагмент сохранил нам изображение одежды также всадника — нижней половины тела (табл. LXIV). На нём хорошо различимы такие же широкие штаны и мягкая обувь, как и на рассмотренной выше сцене. Широкие штаны, точнее шаровары, в нижней своей части украшены орнаментом в виде двух полосок «волны с опрокинутым гребнем». Мягкая обувь имеет повязку под подъёмом, как это было принято у скотов и саков. В верхней части фрагмента изображён конец спускающихся от пояса ножен кинжала. Не столько цветом, сколько направлением нитей вышивки показаны складки одежды. Внизу тот же орнамент из пальметок и цветов.

Следующие фрагменты состоят из чередующихся полос и фризов со следующими мотивами. Из четырёхлепесткового или шестилепесткового цветка подымается ребёнок-воин, повернувшись вправо или влево; в одной руке у него щит, а в другой — трезубец, который он мечет в орла (табл. LXV, LXVI и LXVII, 3). В одном варианте (табл. LXVII, 3) под цветком вышиты два кружка с точкой в центре, а рядом со щитом вышит пятилепестковый цветок. В другом варианте (табл. LXV, 1) под цветком с воином вышит трёхлистник, а с боков два плода граната (?). В обоих вариантах из-под цветка выходят завивающиеся в спираль виноградные усики с трилистниками на концах. Орлы также представлены в двух вариантах, в обоих вариантах с распростёртыми крыльями и длинным хвостом, загнутым на конце кверху, но в одном варианте орёл подался грудью вперёд, как бы перед полётом (табл. LXV, 1), а в другом он подался назад (табл. LXV), с опустившимся правым крылом, как бы приготовившийся к защите. В первом варианте спереди внизу и сзади под крылом орла вышиты четырёхлепестковые цветы, во втором — за крылом орла вышит многолепестковый цветок с длинным извивающимся стеблем.

В продолжении этого же фриза вместо цветка с юношой изображён трёхлепестковый цветок с пестиком и тычинками на трёхлистнике с двумя точками между листиками (табл. LXVII). По бокам пестика, у его вершины, вышито два симметричных треугольника, а по бокам цветка два плода. Направо и налево от цветка вышиты спирально изогнутые усики винограда. В этом же ряду замечательное изображение рогатого львиного грифона с открытой пастью и высунутым языком, правой передней лапой, приподнятой кверху, крылом с концевыми перьями, направленными вперёд, и приподнятым хвостом, заканчивающимся кисточкой. Под грудью грифона и между его задних ног вышиты все те же пятилепестковые цветы, передний со стебельком.

1

2

1 см в издании

Таблица LXVI

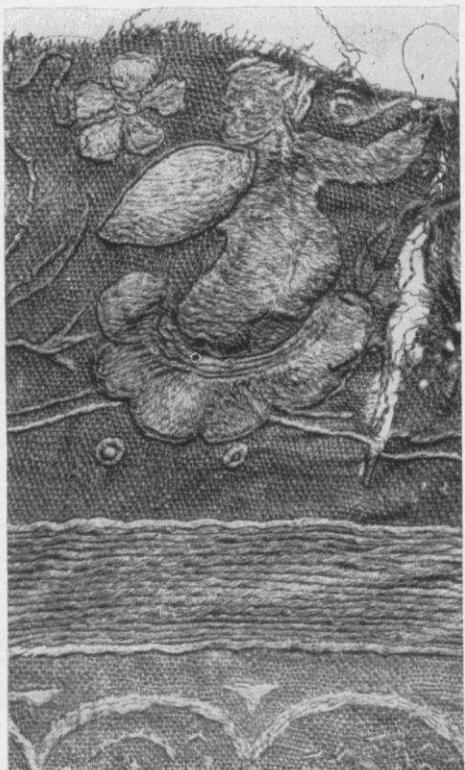
1 см в издании

1

2

3

1 см в издании

Кроме этого рогатого львиного грифона, сохранился ещё небольшой фрагмент ткани с вышитым на нём подобным же изображением грифона, но, по-видимому, не рогатого, а с ушами, направленными вперёд (табл. LXVII, 2). Грифон изображён в движении — одна из передних лап приподнята, крыло концевыми перьями направлено вперёд, кончик хвоста

загнут кверху.

Помимо горизонтальных гладких вышитых полос, отделяющих один бордюр от другого, имеются ещё две полоски-бордюра: один из горизонтально расположенных однотипных цветков с боковыми листиками в вазочках и другой с арочным орнаментом с треугольниками. Особенно изящна гирлянда из цветков в вазочках (табл. LXV, 1 и LXVI).

Всем узорам этой ткани могут быть подысканы аналогии в греческом и персидском искусстве второй половины первого тысячелетия до н.э.

От одного из портретов, о которых уже упоминалось выше (табл. LXI), сохранилось только лицо, а от другого — голова (табл. LX) и часть туловища. Оба они вышиты разноцветными слабой крутки шерстяными нитками, причём форма и детали лица переданы не столько различием цветов, сколько направлением нитей вышивки, подобно мазкам в живописи масляными красками.

Ткань, на которой вышиты портреты, выполнена в одной и той же технике в гроденаплевом переплетении со счётом нитей 9-13×33-39 в 1 см².

Первый портрет (табл. LXI) — мужская голова, представленная в 3/4, с прямым, слегка расплюснутым на конце носом, пристальным взглядом при подчёркнутых бровях, с короткими подстриженными усами. При узком лице скулы не выдаются; небольшой подбородок убегает назад, над высоким лбом пряди волос. На тёмно-пурпурном фоне ткани вышивка в три оттенка: тёмно-коричневого, зеленого и жёлто- песочного цветов.

Тип этого мужчины не имеет характерных монголоидных черт. Ближе всего он к турецкому, который нередко встречается в Средней Азии и, возможно, в Персии. Сопоставляя этот портрет с головами рельефов гандхарского крута, К.В. Тревер приходит к заключению, что здесь изображён представитель одного из народов Средней Азии, культура которого находилась во взаимодействии с эллинизированной культурой Средней Азии, т.е. культурой греко-бактрийского царства. [32]

Второй портрет (табл. LX), вероятно юноши, технически слабее первого. Лицо воспроизведено также в 3/4 с широко открытыми глазами и не столь выразительно. Нос прямой, даже, пожалуй, с горбинкой. Значительно выдаются скулы и неестественно посажены уши [*так в тексте*]. Усы и борода отсутствуют. Волосы над лбом повязаны лентой, сзади завязаны узлом.

Этот портрет вышит также на тёмно-коричневой, первоначально пурпуровой, шерстяной ткани нитями трёх оттенков — коричневого, желтоватого и зелёного.

Вопрос о происхождении портретов, как и перед ними описанной драпировки, осложняющийся их фрагментарностью, особенно труден. Все ткани выполнены из одного и того же материала, одной и той же техникой, одной и той же окраски. Сходны материал вышивки и техника её выполнения. Одна и та же манера и стиль выполнения человеческих голов.

К.В. Тревер, как уже было сказано, считает эти вещи греко-бактрийского происхождения. Г.О. Боровка изображение всадников приписывал мастерам одной из греческих колоний на берегу Чёрного моря, знавших туземные скифские племена. Иными словами, в ней он видел изображение скифских воинов греческой работы. [33]

Безусловно, в этих произведениях мы имеем дело с образцами большой художественной культуры и высокого мастерства, свойственного произведениям античности. Нас и сегодня поражает выразительность портретов. А изображения лошадей, особенно их голов, представленных в различных планах, с тонким чувством формы и подчёркнутым выражением. В сцене со всадниками имеются свои недочёты. Люди пропорционально велики

по сравнению с лошадьми, особенно их головы, принимая притом во внимание, что они воспроизведены на заднем плане, за лошадьми. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что задачей мастеров или мастерниц было изображение этих именно персонажей, а лошади отражали только особый смысл представленной на драпировке сцены.
(107/108)

Ребёнку-воину, появляющемуся из цветка, орлам, гирляндам цветов и пальметкам нетрудно подыскать некоторые аналогии в произведениях греческого искусства, в частности с берегов Черного моря. Так, мы имеем шерстяную ткань, датируемую IV-III вв. до н.э. и опубликованную Стефани. [34] Ткань эта из гробницы Павловского кургана очень тонкой работы выполнена в технике полотняного переплетения. Первоначально, как предполагает Стефани, её окраска была пурпуровая. Вышита она разноцветными шерстяными нитками плоскою стёжкою. Мотив вышивки «кустик», или пальметка, разноцветные лозы с чашечкообразными цветками и плодами в виде винограда. Узор вышивки и техника его выполнения близки к вышивке на ноинулинской ткани (табл. LXV, 2 и LXVI), но в отличие от последней вышивка двусторонняя.

Рис. 74. Фрагмент шерстяной гобеленовой ткани. Курган Кондратьевский. Ноин-Ула.

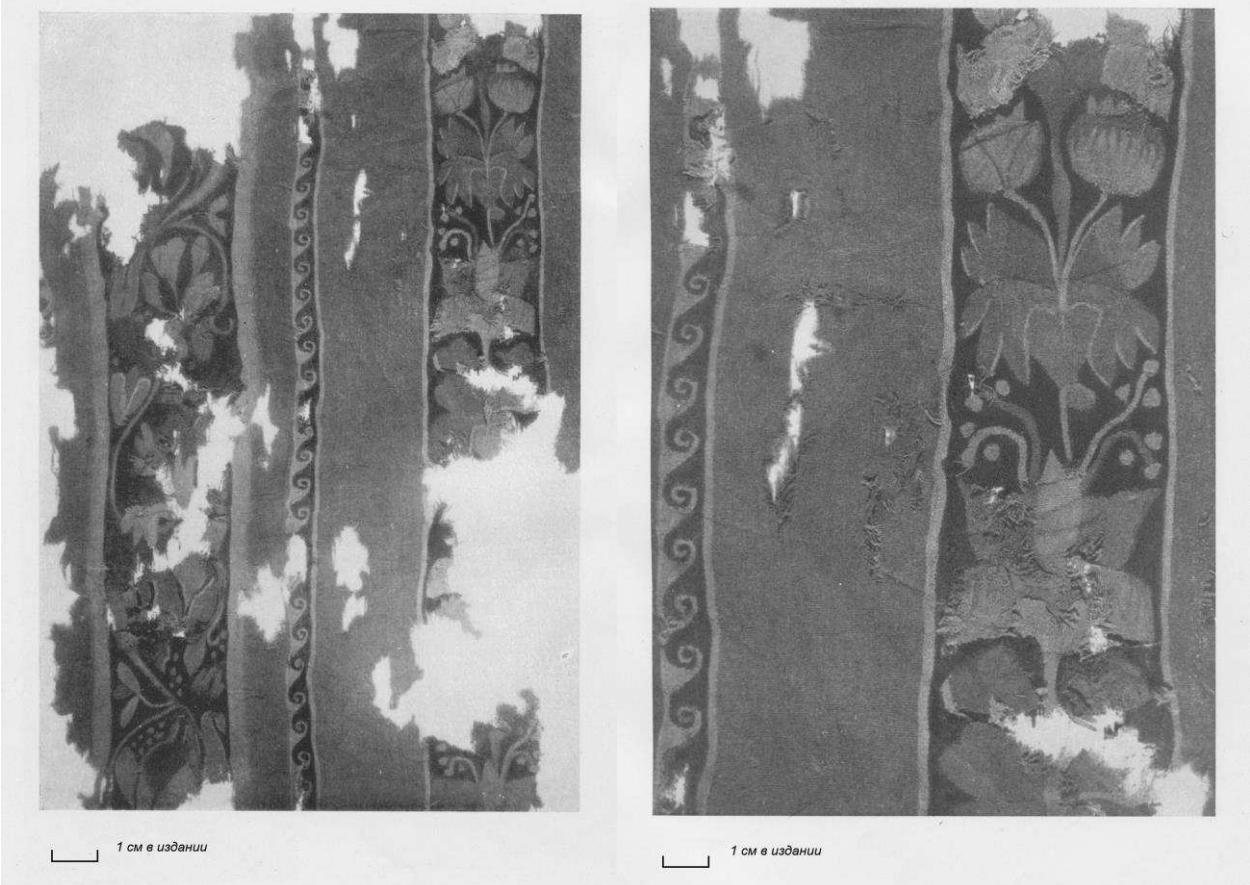

Однако в вышивках Ноинулинских курганов имеются элементы и иного происхождения и в первую очередь изображения львиных грифонов и притом рогатых, характерных для персидского, позднее парфянского искусства. Следует также обратить внимание на характерные для персидского искусства пятилепестковые розетки.

Всё это говорит не в пользу хуннского происхождения этих вышивок, но нет оснований считать их обязательно греко-бактрийскими или греческими. И портреты, и интересующая нас драпировка-коврик могли быть выполнены иноземными и бактрийскими, и парфянскими мастерами или мастерницами, находящимися среди хуннов, в ставках хуннских шаньюев. Хуннские шаньюи, как об этом уже говорилось, были связаны даже родственными узами с усуньской знатью и от усуней или через усуней к ним могли прибыть мастера, владеющие искусством, его мотивами и техникой, характерной для среднеазиатских народов с античными традициями.

Несколько фрагментов большой и богатой ткани дают представление ещё об одном замечательном произведении древнего текстильного производства. Это шерстяная ткань из Кондратьевского кургана, выполненная в гобеленовой технике шириной не менее 46 см, в основном коричневого, первоначально, вероятно, пурпурового цвета. Одноцветные полосы этой ткани чередуются с орнаментом в виде одинарных и двойных полосок «волны с опрокинутым гребнем» (рис. 74) и с широкими полосами гирлянд цветов, обрамлённых узкими или широкими светлыми полосками (табл. LXVIII и LXIX).

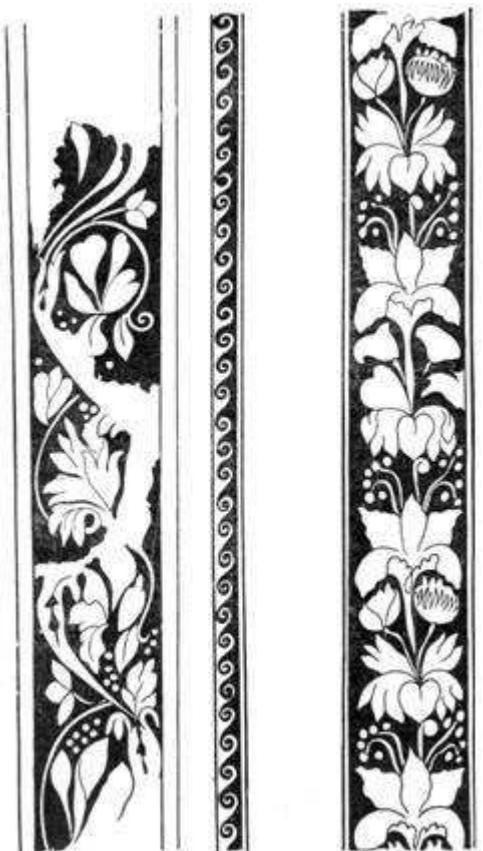
К сожалению, ткань эта настолько фрагментарна, что полностью восстановить узор гирлянд цветов (рис. 75) не представляется возможным. В одном варианте это, по-видимому, маки или тюльпаны, в другом — ветки какого-то вьющегося растения, но только не винограда. Обращает на себя внимание мягкость

очертания цветков и листьев, нежность и деликатность красок, свидетельствующие о тонком вкусе мастера этого gobelena.

Рис. 75. Узор gobеленовой шерстяной ткани. Курган Кондратьевский. Ноин-Ула.
[\(Открыть Рис. 75 в новом окне\)](#)

Чрезвычайно тонкие узорные шерстяные ткани, выполненные в gobеленовой технике, хорошо известны на западе по крайней мере со средины первого тысячелетия до н.э. Это переднеазиатские ткани, найденные в одном из курганов на Алтае и датируемые V в. до н.э. [35] Из Северного Причерноморья имеется шерстяная ткань IV в. до н.э., выполненная в технике репса и атласа с двусторонним подобным gobеленовым изображением уток. [36] Другая шерстяная ткань из гробницы на Митридатовской горе, датируемая примерно III в. до н.э., с переплетением нитей, характерным для репса, также имеет вытканный на ней, подобно gobеленам, двусторонний узор. [37] Узор лозы и листья или цветочные чашечки из разноцветных нитей выполнены так, что совершенно незаметен переход от одного цвета к другому — деталь, характерная для

многих ноинулинских тканей.

Ряд общих черт рассматриваемой нами гобеленовой ткани из Ноинулинского кургана можно отметить в более поздних (II-III в. н.э.) малоазиатских тканях, выполненных в той же технике из Пальмира. Пфистер усматривает в них элементы иранских и эллинистических мотивов, в частности в ветвевидных орнаментах. [38]

Для решения вопроса о происхождении гобеленовой ткани пока нет достаточных данных. Возможно даже малоазийское её происхождение. Мы знаем, что «шёлковый путь» в первом столетии до н.э. и в первых двух столетиях н.э. из Китая на Запад шёл севером через Хами, Турфан и Урумчи, на Иссык-Куль в Фергану, Согдиану-Бактрию, через Мевр [Мерв], Хамадан, к Дюра-Геранк, Пальмиру и далее на запад. Этим же путём в Северный Китай и к хуннам могли проникнуть и малоазийские, и античные ткани. Что касается тканей с вышивками черепах и птиц, то они, как уже отмечалось, могли быть выполнены иноземными мастерами, находящимися при ставках хуннских вождей, или получены из Средней Азии через усуней. К сожалению, современных ноинулинским тканям тканей среднеазиатских мы пока не имеем.

-
- [1] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 48 (Шицзи).
 - [2] Там же.
 - [3] Там же.
 - [4] Там же, стр. 144 (Хоуханьшу).
 - [5] Там же, стр. 192 (Цянъханьшу).
 - [6] Там же, стр. 53 (Шицзи).
 - [7] Там же.
 - [8] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 53-54. (Шицзи).
 - [9] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. II, стр. 198 (Цянъханьшу).
 - [10] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 80 (Цянъханьшу).
 - [11] Н.Я. Бичурин, 1953, ч. II, стр. 148 (Шицзи).
 - [12] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 56 (Шицзи).
 - [13] Там же, стр. 76 (Цянъханьшу).
 - [14] Там же, стр. 89 (Цянъханьшу).
 - [15] Там же, стр. 97 (Цянъханьшу).
 - [16] Там же, стр. 106 (Хоуханьшу).
 - [17] Там же, стр. 103 (Цянъханьшу).
 - [18] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 143 (Хоуханьшу).
 - [19] Там же, стр. 89 (Цянъханьшу).
 - [20] Там же, стр. 125 (Хоуханьшу).
 - [21] Там же, стр. 103 (Цянъханьшу).
 - [22] Там же, стр. 57-58 (Шицзи).
 - [23] Е.О.[Е.И.] Лубо-Лесниченко, 1958 и 1961.
 - [24] А.А. Воскресенский и Н.П. Тихонов, 1932.
 - [25] А. Стефани, 1881, стр. 136 и 137. — Атлас к отчёту Археологической комиссии за 1878-1879 гг., табл. V, рис. 5.
 - [26] А. Стефани, 1881, стр. 141-142. — Атлас к отчёту Археологической комиссии за 1878-1879 гг., табл. VI, рис. 4.
 - [27] С.И. Руденко, 1953, стр. 218, рис. 132.
 - [28] Там же, стр. 285 и 294, рис. 167 и 172.
 - [29] К.В. Тревер, 1940, стр. 141-148, табл. 39-44.
 - [30] М. Rostovtzeff, 1929, p. 87.
 - [31] М. Roslovtzeff, 1929, p. 87.
 - [32] К.В. Тревер, 1940, стр. 145.
 - [33] Г.О. Боровка, 1925, стр. 30.
 - [34] А. Стефани, 1881, стр. 112-413; Атлас к отчёту Археологической комиссии за 1878-1879 гг., табл. III, рис. 2 и 3.
 - [35] С.И. Руденко, 1953, стр. 348-351, рис. 190 и 191.
 - [36] А. Стефани, 1881, стр. 133-135; Атлас к отчёту Археологической комиссии за 1878-1879 гг., табл. V, рис. 2.
 - [37] А.Стефани, 1881, стр. 141; Атлас к отчёту Археологической комиссии за 1878-1879 гг., табл. VI, рис. 3.
 - [38] R. Pfister, 1940.

Общие выводы.

Культура каждого народа — явление сложное и определяется рядом независимых один от другого факторов. Во-первых, общим уровнем производительных сил общества, затем этническим его составом, т.е. теми этническими элементами, которые вошли в состав данного народа с их собственной культурой. Весьма важны культурные взаимосвязи данного

народа с народами иной более или менее родственной им или чуждой культуры. Наконец, большое значение имеет та конкретная историческая обстановка и до известной степени условия географической среды, в которой протекает жизнь интересующего нас народа. Все эти факторы следует учитывать и при характеристике культуры хуннов.

Первым является вопрос, на базе какой предшествующей культуры развивалась культура хуннов. Археологически установлено, что на территории, какую занимали хунны на рубеже н.э. и в середине первого тысячелетия до н.э., была распространена культура так называемых плиточных могил. Надо, впрочем, заметить, что культура эта недостаточно изучена, точно не установлен её ареал и отсутствуют данные для достаточно точной датировки памятников этой культуры.

Плиточные могилы обычно сопровождают так называемые «оленные камни», встречающиеся на обширной территории всей Монголии и прилегающей части Северного Китая. Имея внешнее сходство с синхронными им погребениями Минусинской котловины, они существенно отличаются от современных им погребений Алтая и от позднейших хуннских. От алтайских они отличаются отсутствием курганной насыпи и совместного захоронения с людьми лошадей, от хуннских — иной ориентацией покойников в могилах. При своеобразии керамики комплекс металлических изделий и предметов искусства, найденный в плиточных могилах, сближает их культуру отчасти с культурой населения Алтая в скифское время, в большей же степени с современной им культурой Минусинской котловины.

Существенно отличаясь от культуры хуннов, культура плиточных могил вместе с современной ей культурой Минусинской котловины входит в круг широкого распространения в данную эпоху, от Восточной Европы до Центральной Азии, культуры скотоводческих народов.

Судя по довольно скучному антропологическому материалу, физический тип народа, оставившего плиточные могилы, настолько существенно отличается от хуннского, что генетическая связь между этими двумя народами не может быть установлена. [1]

Одним из важных диагностических расовых признаков является волосяной покров. Ноинулинские курганы, как мы видели, дали большой материал для изучения волос хуннов. В своё время по моему поручению Н.В. Теребинской были приготовлены гистологические препараты поперечных разрезов этих волос. Исследование этих препаратов показало однородность ноинулинских волос при незначительных индивидуальных колебаниях. Сравнительное изучение этих волос и волос монголов-халхасцев, бурят, корейцев, алтайцев, финно-угров и славян [2] привело к следующим результатам. [3]

Наибольшая толщина волос оказалась у корейцев, близки им по толщине волосы бурят, монголов-халхасцев, алтайцев и ноинулинцев. Значительно более тонкими оказались волосы финно-угров и самыми тонкими у славян (великорусов, белорусов и украинцев). Что касается формы волос, то наиболее прямыми оказались волосы ноинулинцев и самыми волнистыми у славян. Указатели формы волос получились: ноинулинцы — 79.7; монголы-халхасцы — 77.7; корейцы — 76.4; буряты — 75.8; алтайцы — 75.0; финно-угры — 70.6; славяне — 64.1.

Таким образом, волосы хуннов не только по окраске, но и по форме оказались типичными для монгольской расы, резко отличаясь как от финно-угорских, так и от славянских народов. Любопытно, что волосы из Ноин-Улы обнаружили существенное отличие от волос населения Алтая в скифское время. Волосы последнего, в отличие от чёрных ноинулинских, тёмно-каштанового или каштанового цвета, волнистые и тонкие с указателем формы 64. [4] Подобные волосы, вероятно, были и у части населения Минусинской котловины: у динлинов, которых китайские источники называют рыжеволосыми. [5] Волос народа плиточных могил в моем распоряжении, к сожалению, нет.

По сообщению китайских источников, как мы знаем, первоначально хунну и дунху составляли один дом. Окончательное разделение их произошло незадолго до рубежа третьего и второго веков до н.э., когда шаньюй Модэ разбил дунху и прогнал их в Ухуаньские горы, после чего

они стали называться ухуаньцами. Однако самостоятельный путь развития этих двух народов начался значительно раньше, ибо общественная их организация в названное время была уже значительно различной. В то время как ухуаньцы представляли собой типичное патриархально-родовое общество с пережитками матриархата, у хуннов мы уже имеем конфедерацию родов внутри племени с образованием мощной державы, с выделением аристократических родов и сложной системой управления.

Характеристика общественной организации ухуаньцев и хуннов, как она изложена в китайских источниках эпохи Хань, представляет собой интерес по следующим соображениям. Общественная организация ухуаньцев с пережитками матриархата, по-видимому, была присуща хуннам в середине первого тысячелетия до н.э. Подобная организация в это же время была отмечена Геродотом у массагетов. Скифы уже в VI в. до н.э., при резкой имущественной дифференциации, были объединены в союз племён, во главе которого стояли представители знати — базилевсы, опирающиеся на советы старейшин. Подобная же организация была у усуней и, вероятно, у племён Алтая (юечжей). По сведениям китайских источников, усуни управлялись верховными вождями гуньмо, подобными хуннским шаньюям, и имелись владельцы табунов лошадей до 4000-5000 голов.

Нет сомнений в том, что скотоводство в рассматриваемую эпоху было основным занятием хуннов. От него жизнь народа зависела в такой степени, что падёж скота влёк за собой нередко гибель большей части народа. Между тем нельзя недоучитывать и охоту. Удельный вес её был весьма значителен. ТERRитория, занятая хуннами, отличалась от западносибирских и южнорусских степей, пригодных не только для полукочевого и кочевого хозяйства, но и для земледелия. По климатическим и почвенным условиям земледелие на территории хуннов не могло быть развито в такой степени, чтобы в какой-то мере обеспечить жизнь населения. Эта страна и в последующие два тысячелетия остается страной скотоводческого хозяйства. Вместе с тем основная масса населения, вероятно, не имела такого количества скота, чтобы он мог обеспечить все его нужды. Охоты, между тем, особенно облавные охоты, принявшие вполне организованные формы и объединявшие всё население, без различия общественного положения его участников, были важным дополнительным ресурсом. Они обеспечивали в первую очередь рядового облавщика, богатые скотом не так уж нуждались в добыче. И позднее, как мы видели на примере бурят и монголов, облавные охоты не утратили своего значения. Ведь если в летнее время молочные продукты были основным продуктом питания скотовода, то в осенне и особенно в зимнее время он питался главным образом мясом, а убой домашних животных в достаточном количестве для пропитания семьи далеко не для всех был доступен.

В технике обработки различных материалов, в домашних ремёслах хуннов нелегко выделить предметы их собственного производства. Если изделия из дерева, рога, войлока, часть тканей несомненно хуннской работы, то этого с уверенностью нельзя сказать о металлических изделиях, так как среди них имеются вещи, изготовленные китайцами. То же следует сказать и о керамике. Поскольку одежда хуннов изготавлялась из мехов и кож, а китайские источники особо отмечают мастерство только ухуаньских женщин в изготовлении шерстяных тканей, мы не вправе ожидать у хуннов сколько-нибудь развитого текстильного производства. Тем не менее они имели неплохие и очень прочные ткани собственного производства. Оригинальным изделием хуннов был условно названный мною «протобархат» — обшивка деревянной основы вьючных сёдел. Кстати о средствах передвижения и о транспорте хуннов.

Судя по находкам в Ноинулинских курганах китайских бронзовых наосьников, телеги хуннов, вероятно, мало отличались от китайских. Узды и, вероятно, сёдла у них были того же типа, что и у других современных им евразийских коневодческих народов. Что касается вьючных сёдел, то в Ноинулинских курганах они были найдены впервые и их конструкция оказалась той же, какую мы знаем позднее у населения Саяно-Алтайского нагорья, Центральной Азии у таёжных тунгусов.

Мужская одежда хуннов — шаровары, кафтаны, обувь, насколько мы знаем, по существу

мало отличалась как от скифо-сакской, так и от сарматской одежды. Почти без изменений этот тип одежды сохранился до наших дней, в частности, у тюрко-монгольских народов Центральной и Средней Азии. У них был такой же, как и у перечисленных выше народов, остроконечный головной убор. Исключительно оригинальным для хуннов оказался тот парадный, повязывающийся на голову убор из Ноинулинского кургана № 6, который нами подробно описан.

Оригинальными для вооружения хуннов были бронзовые палицы (футы) и латы-поручи. Многим отмечалось, что при раскопках одного из курганов на Алтае, датируемом VI в. до н.э., были найдены деревянные поножи. О деревянных поручах и поножах у динлинов упоминается в китайских источниках. Те же источники хунскую конницу называют латной. Между тем без каких бы то ни было оснований предметы, подобные найденным в Ноинулинских курганах латам-поручам, в литературе считаются конскими налобниками.

Одним из самых ярких показателей культуры является народное художественное творчество, так как в нём как в зеркале отражается и мастерство, и художественный вкус, и идеология народа. В нём же проявляются и культурные взаимосвязи между племенами и народами.

Подходя с этой точки зрения к оценке искусства хуннов, можно сказать, что оно было самобытным и вместе с тем тесно связанным с традициями, унаследованными ими или воспринятыми от других народов.

Прежде всего следует отметить исключительное преобладание в хуннском искусстве изображений животных, что роднит их с искусством других евразийских скотоводческих народов данной и несколько более ранней поры. Что касается видов животных, то и в искусстве хуннов в основном были представители местной фауны, в значительно меньшем количестве домашние животные. Существенно отметить, что и у хуннов были изображения своих фантастических животных, часть которых через искусство племён Алтая может быть сопоставлена с фантастическими существами Передней Азии.

Наиболее близкие связи устанавливаются между изобразительным искусством хуннов и племенами Западной Сибири и Алтая. Характерно, что хуннами были восприняты от западносибирских и горноалтайских (скифо-юечжийских) племён только те художественные мотивы и композиции, которые идеологически были им родственны. Изображения львов, львиных и орлиных грифонов были им чужды, равно как и стилистические приёмы подчёркивания форм тела животных такими значками, как точка, запятая и скобка. Значки эти на теле животных, столь характерные для некоторых произведений искусства V-IV вв. до н.э. южносибирского, в том числе горноалтайского, среднеазиатского и отчасти переднеазиатского искусства, чрезвычайно редки на изображениях животных у хуннов, и если они там и встречаются, то в крайне видоизменённом виде.

С другой стороны, следует отметить в изображениях фантастических животных хуннов наличие грифовых головок на концах ветвей рогов и кончике хвоста, головок, столь характерных для подобных изображений в искусстве западносибирском и горноалтайском. Особо следует подчеркнуть хуннское изображение рогатого и крылатого волка, зверя, с которым у скотоводческих народов связано так много фантастических представлений.

С древними скотоводческими евразийскими народами, в частности со скифами, мы находим у хуннов много общего в их ярко выраженному культе предков и космоса, в ряде обычаем, связанных с заключением клятвенных договоров, с обычаем положения в могилу срезанных ногтей и волос, связанным с определёнными религиозными представлениями, наличием особой группы гадателей и волхвов и т.п.

С другой стороны, в материальной культуре и в искусстве хуннов яркое отражение получили их взаимосвязи с другими народами и в первую очередь с Китаем.

Судя по форме сошников, найденных на хуннских городищах, плужное земледелие, если им в

какой-то мере занимались хунны, могло быть заимствовано ими у китайцев. Употребление в пищу риса и притом при помощи костяных палочек также пришло из Китая. Китайский тип полуземлянок на хуннских городищах свидетельствует о том, что и на постройку жилищ они оказали своё влияние. Лучшая часть керамики также, по-видимому, китайская. Не только деревянные лаковые чашечки, но и часть бронзовых изделий — светильня, кувшины, художественные навершия для подвешивания флагов, наосьники телег — явно китайские, откуда можно предположить, что тип телег был заимствован от китайцев. Особо отмечалось широкое потребление шёлковых тканей, а знатными лицами и китайской одеждой. Влияние Китая на хуннов сказалось не только в материальной их культуре, но и в общественной жизни. По примеру китайцев они завели книги для учёта населения и скота для взимания с населения налогов.

Обратное влияние хуннской культуры на более высокую культуру Китая было, по-видимому, незначительным. В противовес коневодческим полукошечевым народам китайцы ввели в своих войсках конницу. Луки и стрелы у китайцев, а также наручники и колчаны типичные для евразийских конных стрелков из лука. Влияние северо-западных полукошечевых народов отразилось и в китайском изобразительном искусстве. В частности, я имею в виду хуннскую трактовку тигра, одного из прототипов китайского тао-тье, крылатых волков, козлов и лошадей, наконец, своеобразного «орлиного грифона» — фантастического животного с телом крылатого льва и головой феникса.

Связи культуры хуннов с культурами народов Ближнего Востока были, повидимому, незначительны, и для суждения о них мы располагаем крайне ограниченным материалом. Последний, по существу, сводится к тем иноземным тканям, которые обнаружены в Ноинулинских курганах. Поскольку в данную эпоху между Востоком и Западом шёл оживлённый обмен товарами по знаменитому шёлковому пути, к хуннам таким же путём или в качестве подарков, или военной добычи могли проникнуть бактрийские, парфянские или малоазийские ткани. Предположение, будто бы греческие ткани из Северного Причерноморья через посредство скифских племён могли быть получены хуннами, мало вероятно, так как в археологических памятниках Южной Сибири греческие вещи не находятся и греческие изделия, насколько мы знаем, восточнее р. Урал не распространялись.

И письменный и вещественный материал уже и теперь позволяет с достаточной полнотой восстановить культуру хуннов, но далеко не всё в ней может быть освещено. Мы почти ничего не знаем о хуннах до рубежа третьего и второго веков до н.э. До настоящего времени не открыто и, естественно, не исследовано ни одного хуннского археологического памятника более ранней поры. Поэтому мы не сможем проследить ни сложения, ни генезиса хуннской культуры в период её становления. Археологически крайне слабо освещён и последующий период, после II в. н.э., эпохи гуннов, без чего не может быть показана эволюция хуннской культуры. Исследования в указанных областях являются неотложной задачей ближайшего будущего.

* * *

В то время, когда книга была окончательно подготовлена к печати и находилась в производстве, я получил возможность, благодаря любезности Л.Н. Меньшикова, ознакомиться с исследованием японского учёного Умехары (Sueji Umehara. Studies of Noin-Ula finds in North Mongolia. The Togo Bunko publication. Series A, № 27. Tokyo, 1960 — на японском языке, с кратким резюме на английском языке).

Профессор Умехара заинтересовался коллекцией из раскопок Ноинулинских курганов ещё в 1927 г. В 1928 и 1930 годах во время кратковременного пребывания в Ленинграде он снова занимался ознакомлением с ноинулинскими вещами. Академиком С.Ф. Ольденбургом ему было предложено опубликование в изданиях Академии его исследования о находках в Ноинулинских курганах. Несмотря на то, что в 1932 г. была опубликована хорошо известная

работа К.В. Тревер «Excavations in Northern Mongolia», Умехара не оставлял намерения издать свой труд, тем более, что он при содействии С.Ф. Ольденбурга получил фотографии наиболее выдающихся предметов ноинулинской коллекции. Вместе с тем, Умехара имел возможность ознакомиться с находившимися в своё время в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР зарисовками почти всех вещей этого собрания.

Возможность издания указанного труда Умехары, как мы видим, представилась только в 1960 г.

Книга Умехары состоит из введения и трёх частей. В первой части даётся описание местоположения курганов, история экспедиции П.К. Козлова, описание курганов и погребальных камер, характера погребений и погребального инвентаря. Во второй части описываются находки: сосуды, изделия из нефрита, предметы личного убранства, одежда и ткани, принадлежности конской сбруи и части повозки, орудия и прочие вещи. Часть третья — примечания. В книге 101 страница, 83 таблицы и 69 рисунков в тексте.

Как следует из ознакомления с работой, Умехара не ставил своей целью ни исследование культуры хуннов, поскольку она может быть освещена находками в Ноинулинских курганах, ни глубокое изучение самих предметов, исключая китайские шёлковые ткани. Его задачей было опубликование на высоком полиграфическом уровне замечательных находок и на основании сделанных им заметок расшифровка и анализ ряда предметов. Из опубликованных в таблицах вещей две трети было издано в упомянутой работе К.В. Тревер в 1932 г.

В первой части описание Ноинулинских курганов дано на основании кратких отчётов экспедиций по исследованию Северной Монголии, в связи с Монголо-Тибетской экспедицией (1925 г.), в частности на основании статьи С.А. Теплоухова «Раскопки курганов в горах Ноин-Ула». Ценно наблюдение Умехары, подчеркнувшего, что положение умерших и обнаруженные в могилах гробы оказались такими же, как и китайские *кио* династии Хань, времени Чжаньго и, судя по обряду захоронения в аньянских могилах, даже Иньской династии. Вместе с тем, автор отмечает, что прямоугольная насыпь над могилой и подземный вход в могилу с южной стороны не характерны для могил династии Хань. Покрытие пола коврами и настенные драпировки также чужды китайским гробницам. Аналогию Ноинулинским курганам в этом отношении Умехара усматривает в алтайских погребениях скифского времени.

Бронзовые вещи автор в массе считает китайскими, исключая большой бронзовый котёл, сопоставляемый им со скифскими котлами. Китайскими он считает и все нефритовые изделия: круглые диски — *r'i*; плоские полукруглые вещи — *huang*; ажурные нефритовые украшения — *r'ei*. Единственное в Ноин-Уле нефритовое изображение человеческой фигурки (рис. 64) Умехара также считает китайским *weng-chung*.

В вырезанных из дерева узорных пластинках (рис. 27, н; Умехара, стр. 43, рис. 26), назначение которых мне было неизвестно, автор видит шпильки для головной причёски. С другой стороны, нельзя согласиться с определением Умехарой великолепной бронзовой головы волка со втулкой у её основания (табл. XXX, 2; Умехара, табл. LXXIX) как наосьника или мухогонки (табл. XXIV, 4; Умехара, стр. 97, рис. 68), как метёлки для сметания пыли.

Не имея под руками вещей, которые описывались, и пользуясь только заметками, сделанными более тридцати лет тому назад, автор естественно не мог избежать ошибок в определении материала, из которого изготовлены различные вещи. Мало того, одну и ту же вещь, например фрагмент войлочного ковра (табл. V; Умехара, табл. XLIX, 2), именуется или как фрагмент меха, или как шерстяная ткань.

Подобные ошибки имеются и в определении назначения вещей. Так, шёлковый кошелёк для монет (рис. 66, 6; Умехара, стр. 62, рис. 42) автор предположительно называет детским фартуком. Таких погрешностей в работе, впрочем, немного.

Ценность книги заключается в прекрасном полиграфическом оформлении, особенно таблиц (в частности, в воспроизведении китайских шёлковых тканей). Исключение составляют таблицы цветные. Задача воспроизведения в красках древних тканей и им подобных вещей весьма трудная, особенно, когда под руками нет оригиналов. У Умехары на табл. III и XVII в красках даны те же детали шерстяной ткани и войлочного ковра, что и в книге К.В. Тревер (табл. 7 и 11). В последней работе цветные изображения даны по красочным изображениям этих деталей, выполненным в своё время В. Штейн и хранящимся ныне в архиве Института археологии АН СССР. Цвета и этих таблиц не вполне соответствуют оригиналам, Умехара же для своих цветных изображений, по-видимому, воспользовался чёрно-белыми фотографиями, раскрашенными по изображениям в книге К.В. Тревер. Краски слишком ярки и

далеко не отвечают расцветке оригиналов. Ещё менее удачна реконструкция в красках гобеленовой ткани (табл. XIII Умехары). Неточен и рисунок, что видно из сопоставления с нашим рисунком 75, вполне произвольно выбраны и краски, что видно из сопоставления с нашим рисунком 3, табл. LXXII, [на табл. LXXII нет рис. 3; видимо, д.б. табл. LXXIII] хотя и последний не вполне передаёт окраску оригинала.

Качество рисунков в тексте неодинаково. Часть из них, например прорисовки орнаментов китайских тканей, хороши, большинство же — выполнено примитивно. Тем не менее они представляют несомненный интерес, поскольку дают изображения вещей в различных планах и разрезах. Так, на стр. 34 работы Умехары (рис. 27) среди прочих дано схематическое изображение головки быка (табл. XXXV, 3) с зернью впрямь, с обратной стороны и в профиль. С этой вещью я не имел возможности ознакомиться непосредственно, так как все золотые вещи из Ноинулинских курганов находятся в Улан-Баторе в Монголии. Оказалось, что это своего рода фибула прекрасной ювелирной работы.

[1] И.И. Гохман, 1958.

[2] Большая коллекция волос вышеперечисленных народов была собрана мною в течение многих лет антропологических исследований и обработаны они тем же методом, что и ноинулинские.

[3] Определялась толщина и форма волос. Для характеристики толщины волос была принята полусумма наименьшего и наибольшего диаметров поперечного среза волоса. Форма волос определялась соотношением величины наименьшего и наибольшего диаметров на тех же срезах.

[4] С.И. Руденко, 1960, стр. 338.

[5] Н.Я. Бичурин, 1950, ч. I, стр. 351.

Таблицы I-LXXIII (с. 125-198)

Описание таблиц (с. 199-202)

▲ Табл. I. 1 — внешний вид большого Ноинулинского кургана; 2 — вскрытие верхней части Ноинулинского кургана №24.

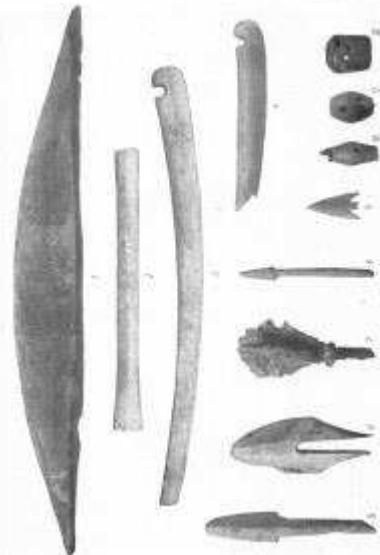

▲ Табл. II. Раскопки Ноинулинского кургана №24.
)

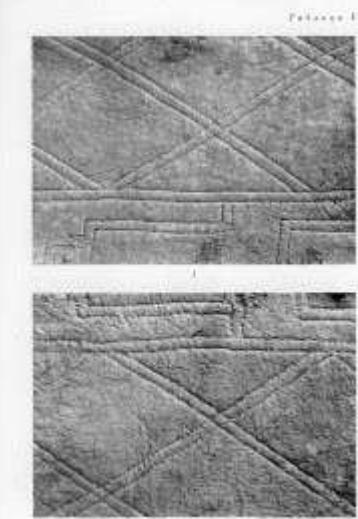
▲ Табл. III. Погребальная камера (её верхняя часть) Ноинулинского кургана №24.

Табл. IV.

▲ Табл. IV. 1 и 2 — роговые накладки на середину лука. Ильмова падь; 3 — роговая накладка на конец лука. Ильмова падь; 4 — то же. Иволгинское городище; 5 и 6 — роговые наконечники стрел. Суджинский могильник; 7 — железный наконечник стрелы. Иволгинское городище; 8 и 9 — роговые наконечники стрел. Иволгинское городище; 10 — костяная свистунка стрелы. Ильмова падь; 11 — то же. Дэрестуйский могильник; 12 — тупой роговой наконечник стрелы. Ильмова падь (3/5 нат.вел.).

Табл. V.

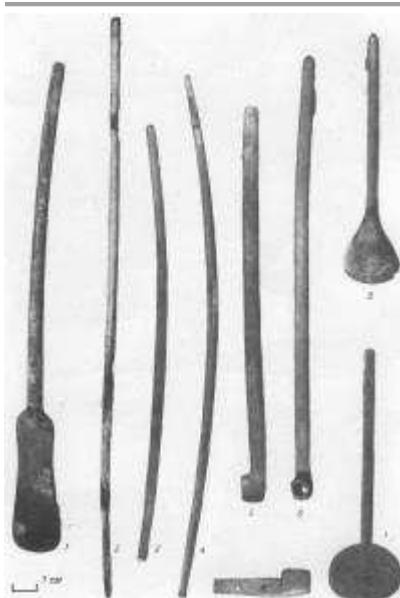
▲ Табл. V.
Образец простёганного войлочного ковра: 1 — лицевая сторона и 2 — обратная сторона. Кондратьевский курган. Ноин-Ула.

▲ Табл. VI. 1 — деревянный (в виде «лошади») покрытый лаком сосуд Курган №6. Ноин-Ула; 2-4 — деревянные покрытые лаком ножки от столиков. Курган №6. Ноин-Ула (4/5 нат.вел.).

▲ Табл. VII. 1 — бронзовая светильня. Курган №25. Ноин-Ула; 2 — роговой кружок с овальным отверстием. Курган №6. Ноин-Ула; 3 — нижняя половина бронзового кувшина. Курган №25. Ноин-Ула; 4 — деревянный уполовник. Курган №24. Ноин-Ула; 5 — поддон бронзового котла. Курган №6. Ноин-Ула; 6 — ручка того же котла. Курган №6. Ноин-Ула; 7 — чашечка со сливом из основания оленевого рога. Ильмова падь (3/4 нат.вел.).

▲ Табл. VIII. 1 — костяная ложечка. Ильмова падь; 2 — костяная палочка для еды. Ильмова падь; 3 и 4 — костяные палочки для еды. Суджинский могильник; 5 и 7 — миниатюрные костяные ложечки. Суджинский могильник; 6 — то же Ильмова падь; 8 — костяная ложечка. Суджинский могильник; 9 — костяная ложечка. Тува (3/4 нат.вел.).

▲ Табл. IX. Орнамент на внутренней шерстяной наволочке от подушки. Курган №6. Ноин-Ула (нат.вел.).

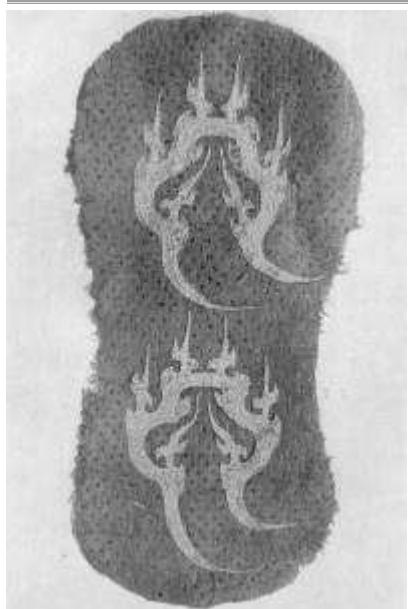
▲ Табл. X. Шаровары из грубой шерстяной ткани. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XI. Шёлковые шаровары. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XII. 1 — штанина из шёлковой ткани китайского покроя вместе с войлочной обувью. Курган №6. Ноин-Ула; 2 — плетёный шерстяной «пояс». Курган №25. Ноин-Ула.

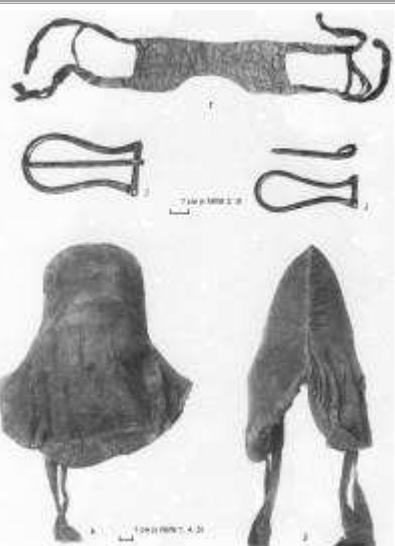
▲ Табл. XIII. Обшивка подошвы войлочной обуви шёлковой тканью с вышивкой шелками. Курган №24. Ноин-Ула (нат.вр.).

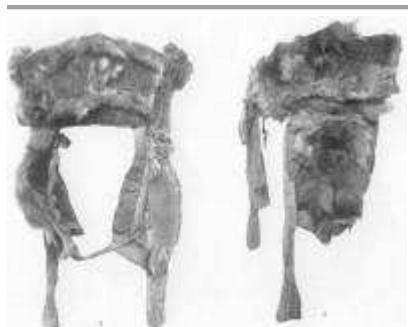
▲ Табл. XIV. Лёгкий шёлковый кафтан. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XV. Тёплый войлочный, покрытый шёлковой материей кафтан.
Курган №6. Ноин-Ула.

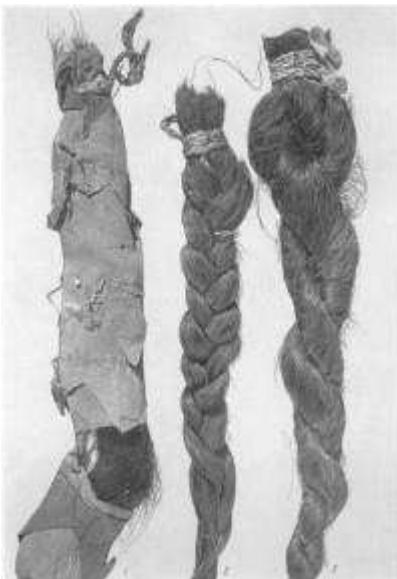
▲ Табл. XVI. 1 — шёлковый налобник. Курган №6. Ноин-Ула; 2 и 3 —
бронзовые фибулы. Курган №6. Ноин-Ула; 4 и 6 — островерхий головной
убор. Курган №6. Ноин-Ула (рис. 1, 4, 5 — 1/2 нат.вел.; рис. 2, 3 — 2/3
нат.вел.).

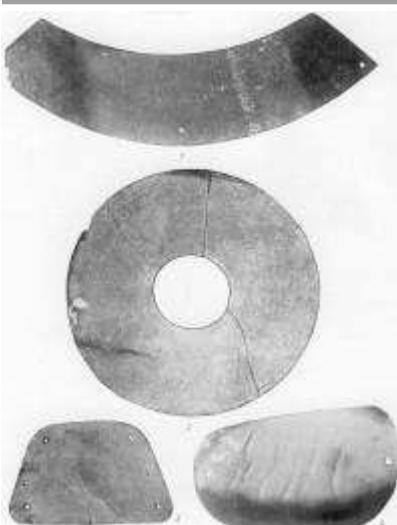
▲ Табл. XVII. Меховой головной убор. 1 — вид спереди и 2 — вид сбоку.
Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XVIII. 1 — меховой головной убор. Вид сзади. Курган №6. Ноин-
Ула; 2 — шёлковый головной убор. Курган №24. Ноин-Ула; 3 — шёлковая
подушечка. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XIX. Женские косы: 1 — в шёлковом футляре. Курган №6; 2 — заплетённая в три пряди. Кондратьевский курган; 3 — свитая в две пряди. Курган №6. Ноин-Ула. (4/5 нат.вел.).

▲ Табл. XX. 1 — дугообразная нефритовая пластинка. Курган №1. Ноин-Ула; 2 — нефритовое кольцо. Курган №1. Ноин-Ула; 3 и 4 — трапециевидная и овальная нефритовые пластины. Курган №1. Ноин-Ула (2/3 нат.вел.).

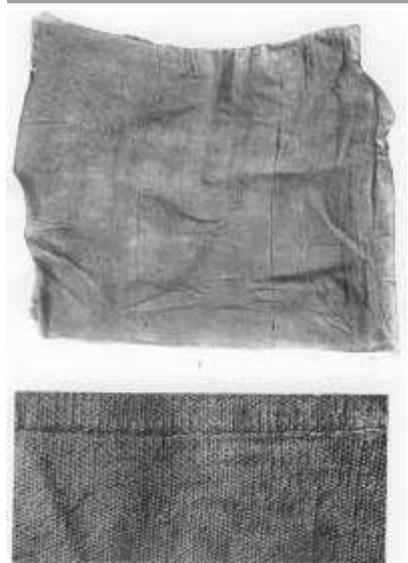
(199/200)

▲ Табл. XXI. 1-3 — бронзовые бляхи, украшение конской сбруи. Курган №25. Ноин-Ула; 4 и 6 — бронзовые бляхи, украшение конской сбруи. Курган №25. Ноин-Ула; 5 и 7 — бронзовые обоймы. Украшения перекрестья ремней конской узды. Дэрестуйский могильник; 8 — железные удила. Курган №6. Ноин-Ула; 9 и 10 — бронзовые бляхи. Украшение конской сбруи. Курган №6. Ноин-Ула (нат.вел.).

▲ Табл. XXII. 1 — роговая ворварка. Суджинский могильник; 2 — бронзовая обойма, украшение перекрестья уздечных ремней. Дэрестуйский могильник; 3 — роговая ворварка. Ильмова падь; 4, 6 и 9 — роговые подпружные пряжки. Суджинский могильник; 5 — роговой уздечный блок. Ильмова падь; 7 — роговая подпружная пряжка. Ильмова падь; 8 — бронзовая подвеска. Дэрестуйский могильник (3/4 нат.вел.).

▲ Табл. XXIII. 1 — кожаный чепрак на подкладке из шерстяной ткани. Курган №6. Ноин-Ула. 2 — ткань. Подкладка чепрака в натуральную величину.

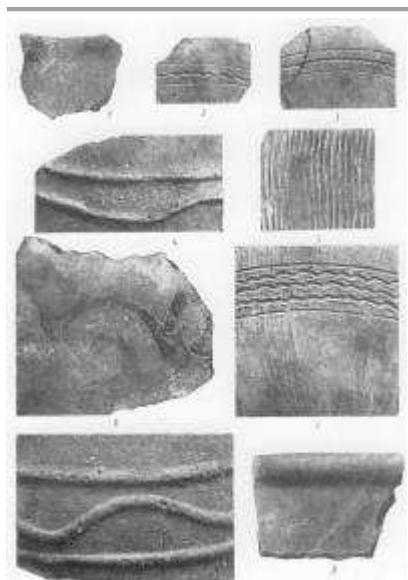
▲ Табл. XXIV. 1 — волосяной «седельный нагрудник». Курган №6. Ноин-Ула; 2 — шнур нагрудника в натуральную величину; 3 — деревянные луки выючного седла. Курган №6. Ноин-Ула; 4 — мухогонка из конского волоса. Курган №6. Ноин-Ула; 5 — бронзовый наосьник телеги. Курган №25. Ноин-Ула; 6 — бронзовый наосьник телеги. Кондратьевский курган. Ноин-Ула.

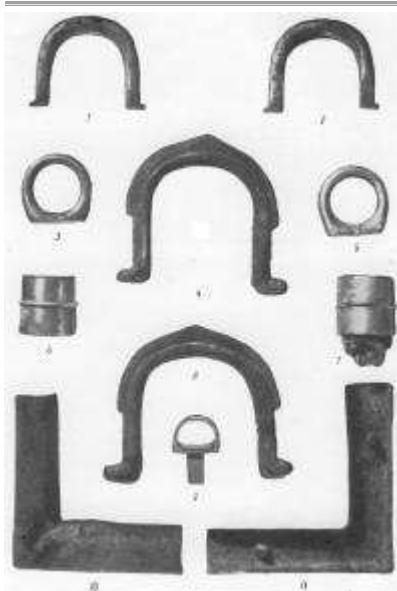
▲ Табл. XXV. 1 — ребро быка с просверленным отверстием на одном конце (другой обломок). Дэрестуйский могильник; 2 — глиняное прядлище. Ильмова падь; 3 — деревянная дощечка для добывания огня трением. Курган №6. Ноин-Ула; 4 — лучок для добывания огня трением. Курган №25. Ноин-Ула; 5 — деревянный стержень-сверло для добывания огня трением. Курган №6. Ноин-Ула (7/8 нат.вел.).

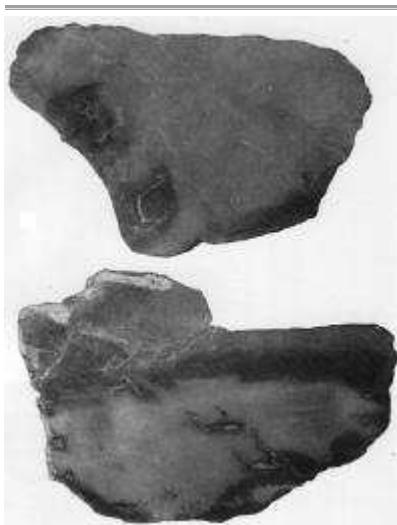
▲ Табл. XXVI. 1-3 — глиняные сосуды из погребений хуннского времени в северо-западной Туве. Кара-Холь; 4 — глиняная урна. Курган №1. Ноин-Ула; 5 — глиняный сосуд баночной формы. Курган №6. Ноин-Ула (1/8 нат.вел.).

▲ Табл. XXVII. Орнаменты на глиняных сосудах. 1, 6 и 9 — стоянка у с. Дурёни; 2, 3 и 7 — курган №25. Ноин-Ула; 4 — курган №23. Ноин-Ула; 5 — курган Андреевский. Ноин-Ула; 8 — курган Кондратьевский. Ноин-Ула.

▲ Табл. XXVIII. 1, 2 — бронзовые скобы. Курган №6. Ноин-Ула; 3 и 5 — бронзовые кольцевидные позолоченные скобы. Курган №6. Ноин-Ула; 4 и 8 — бронзовые скобы. Курган №25. Ноин-Ула; 6 и 7 — бронзовые позолоченные навершия, или напятыники, деревок. Курган №6. Ноин-Ула; 9 — бронзовая скоба полукруглой формы с насадом. Курган №25. Ноин-Ула; 10 и 11 — бронзовый уголник, лицевая и обратная стороны. Курган №6. Ноин-Ула (2/3 нат.вел.).

▲ Табл. XXIX. Отполированные нефритовые плитки. Курган №1. Ноин-Ула.

▲ Табл. XXX. 1 — бронзовая с железным стержнем внутри палица. Курган №24. Ноин-Ула; 2 — бронзовая с железным стержнем внутри палица. Курган №25. Ноин-Ула; 3 — железный наконечник стрелы. Курган Андреевский. Ноин-Ула; 4 — бронзовый «конский налобник» — латапоручень. Курган №25. Ноин-Ула; 5 и 6 — бронзовые «кастеты». Курган №25. Ноин-Ула; 7 — бронзовое кольцо. Курган №23. Ноин-Ула (1/2 нат.вел.).

▲ Табл. XXXI. 1 и 2 — бронзовый «конский налобник» — лата-поручень.
Курган №25. Ноин-Ула (2/3 нат.вел.).

▲ Табл. XXXII. 1 — отлитое из бронзы изображение лошади. Ильмова
падь; 2 — бронзовое навершие в виде головы волка. Курган №1. Ноин-
Ула; 3 — отлитое из бронзы трёхлепестковое украшение. Суджинский
могильник; 4 — бронзовая поясная пряжка в виде головы быка.
Дэрестуйский могильник; 5 — отлитое из бронзы крестообразное, или
четырёхлепестковое, украшение. Иволгинское городище (нат.вел.).

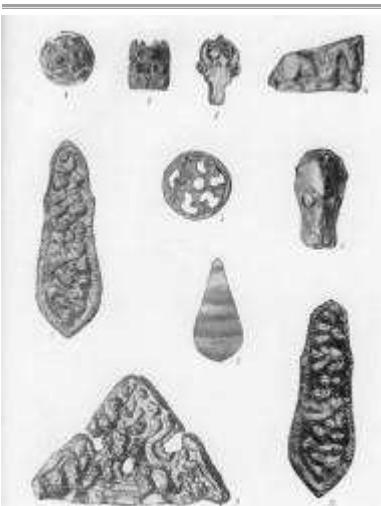

▲ Табл. XXXIII. 1 и 2 — бронзовое навершие в виде шестилепестковой
розетки. Курган №25. Ноин-Ула; 3 — бронзовый наконечник спицы зонта.
Курган №25. Ноин-Ула; 4 — бронзовое навершие с четырёхлепестковой
розеткой. Курган №1. Ноин-Ула; 5 — бронзовое навершие с
четырёхлепестковой розеткой. Курган №1. Ноин-Ула; 6 — бронзовое
навершие с четырёхлепестковой розеткой. Кондратьевский курган. Ноин-
Ула, (ок. 1/2 нат.вел.).

▲ Табл. XXXIV. 1 — ручка бронзового котла с изображением кошачьей головы. Курган №25. Ноин-Ула; 2 — часть бронзового котла. Курган №25. Ноин-Ула; 3 — деревянное навершие в форме четырёхскатной крыши. Курган №6. Ноин-Ула; 4 — деревянное скульптурное изображение передней части оленя. Курган №6. Ноин-Ула (7/8 нат.вел.).

▲ Табл. XXXV. 1 — полушарное золотое украшение со вставками самоцветов. Курган №23. Ноин-Ула; 2 — цилиндрическая золотая пронизка, украсенная зернью. Курган №23. Ноин-Ула; 3 — золотая головка быка, инкрустированная зернью. Курган №23. Ноин-Ула; 4 — золотая фигурка лежащей крылатой лошади. Баллодовский курган. Ноин-Ула; 5 — ажурное полушарное золотое украшение. Баллодовский курган. Ноин-Ула; 6 — золотая головка зверя со вставками самоцветов. Курган №23. Ноин-Ула; 7 и 10 — золотые штампованные пластинки каплевидной формы с верёвочным кантом. Курган №23. Ноин-Ула; 8 — золотая пластинка грушевидной формы. Курган №24. Ноин-Ула; 9 — треугольная ажурная золотая пластинка. Курган №23. Ноин-Ула (нат.вел.).

▲ Табл. XXXVI. 1 — костяной цилиндр с вырезанным на его поверхности изображением крылатого волка. Суджинский могильник; 2 — фотография оттиска с изображением волка на костяном цилиндре. Суджинский могильник; 3 — серебряная штампованный круглая бляха с изображением яка. Курган №6. Ноин-Ула (нат.вел.).

▲ Табл. XXXVII. 1 — Серебряная грушевидной формы штампованная бляха с изображением оленя. Курган №6. Ноин-Ула; 2 — бронзовая литая пластина листовидной формы с рельефным орнаментом в виде грифовых головок. Ильмова падь; 3 — серебряная грушевидной формы штампованная бляха с изображением яка. Курган №6. Ноин-Ула (нат.вел.).

▲ Табл. XXXVIII. 1 — ажурная бронзовая бляха с изображением сцены «борьба из-за добычи». Дэрестуйский могильник; 2 — ажурная бронзовая бляха с изображением сцены борьбы двух лошадей. Дэрестуйский могильник (нат.вел.).

▲ Табл. XXXIX. Часть войлочного ковра. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XL. Часть войлочного ковра, покрытого узорной китайской шёлковой тканью. Кондратьевский курган. Ноин-Ула.

▲ Табл. XLI. Часть войлочного ковра. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XLII. Борьба яка с «рогатым львом». Деталь вышивки на войлочном ковре. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XLIII. Борьба яка с «рогатым львом». Деталь вышивки на войлочном ковре. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XLIV. Нападение грифа на оленя. Деталь вышивки на войлочном ковре. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XLV. Нападение грифа на оленя. Деталь вышивки на войлочном ковре. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. XLVI. 1 — нефритовая ажурная пластинка с противопоставленными изображениями двух волков. Курган №24. Ноин-Ула; 2 — изображение крылатого «волка». Китайская вышивка на шёлковой ткани. Курган №6. Ноин-Ула (нат.вел.).

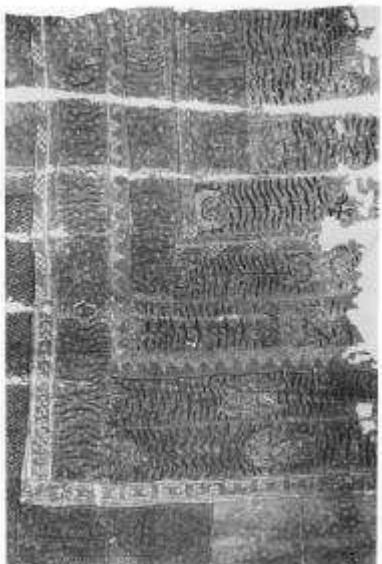

▲ Табл. XLVII. «Птичий грифон». Китайская вышивка на шёлковой ткани. Курган №24. Ноин-Ула (3/4 нат.вел.).

▲ Табл. XLVIII. 1 — китайская лаковая чашка. Курган №23. Ноин-Ула; 2 — фрагмент дна гроба, покрытого лаком, с изображением летящего гуся. Курган №1. Ноин-Ула. (нат.вел.).

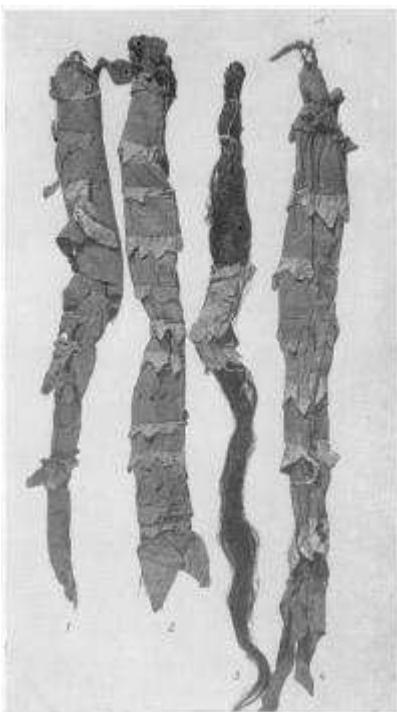
▲ Табл. XLIX. Настенная драпировка с изображением тигровой шкуры. Курган №6. Ноин-Ула.

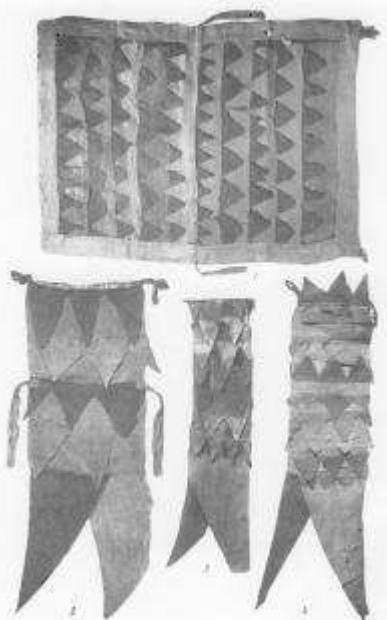
▲ Табл. L. Тигровые головы. Вышивка на настенной драпировке. Курган №6. Ноин-Ула (1/3 нат.вел.).

▲ Табл. L1. Четыре женские косы в футлярах. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. LII. 1 — четырёхугольное шёлковое полотенце — флаг с треугольными фестонами. Курган №6. Ноин-Ула; 2-4 — шёлковые флаги-джалсаны с треугольными фестонами. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. LIII. Угол настенной драпировки с вышивками растительного орнамента, черепах и рыб. Курган №6. Ноин-Ула (ок. 1/6 нат.вел.).

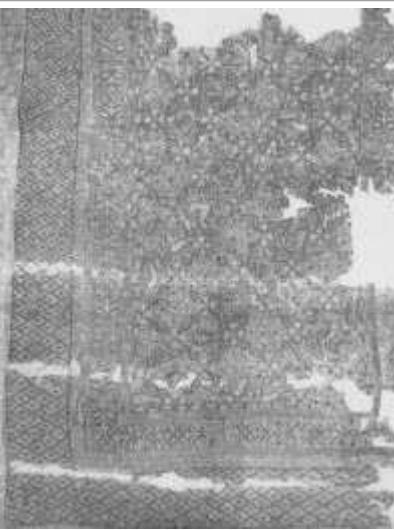
▲ Табл. LIV. Центральная часть настенной драпировки с вышивкой черепах и рыб. Курган №6. Ноин-Ула (1/3 нат.вел.).

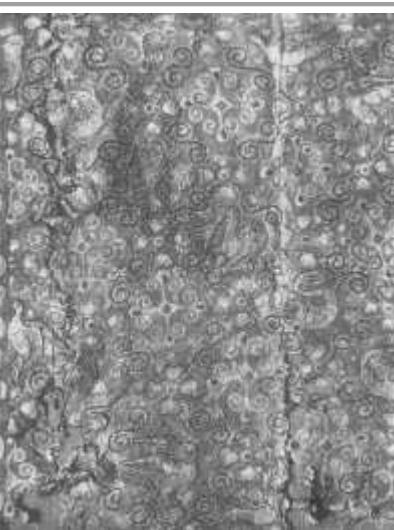
▲ Табл. LV. Вышивка черепах и рыб на настенной драпировке. Курган №6. Ноин-Ула (1/3 нат.вел.).

▲ Табл. LVI. Деталь вышивки бордюра настенной драпировки с изображением черепах и рыб. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. LVII. Настенная драпировка с вышивками растительного орнамента, птиц и рыб. Курган №6. Ноин-Ула.

▲ Табл. LVIII. Центральная часть настенной драпировки с изображением птиц и рыб. Курган №6. Ноин-Ула (3/10 нат.вел.).

▲ Табл. LIX. Деталь вышивки настенной драпировки с изображением рыбы. Курган №6. Ноин-Ула (3/4 нат.вел.).

▲ Табл. LX. Портрет-вышивка человеческой головы. Курган №25. Ноин-Ула (4/5 нат.вел.).

▲ Табл. LXI. Портрет-вышивка головы мужчины. Курган №25. Ноин-Ула (4/5 нат.вел.).

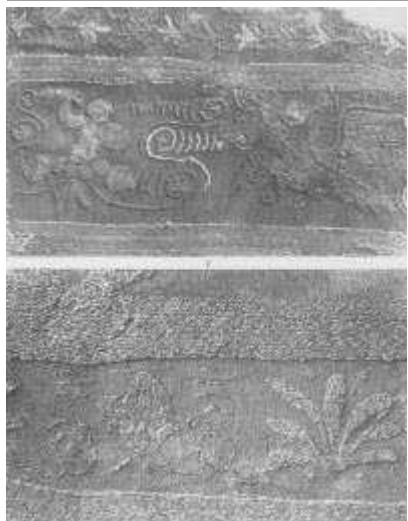
▲ Табл. LXII. Портреты всадников. Вышивка на настенной драпировке.
Курган №6. Ноин-Ула (4/5 нат.вел.).

▲ Табл. LXIII. Всадники. Вышивка на настенной драпировке. Курган №6.
Ноин-Ула.

▲ Табл. LXIV. Нижняя половина человеческой фигуры. Вышивка на
настенной драпировке. Курган №6. Ноин-Ула.

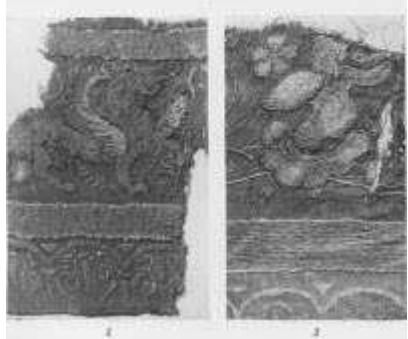
▲ Табл. XLV. 1 — младенец-воин и орёл. Деталь вышивки на настенной драпировке. Курган №6. Ноин-Ула; 2 — растительный орнамент. Деталь вышивки на настенной драпировке. Курган №6. Ноин-Ула (4/5 нат.вел.).

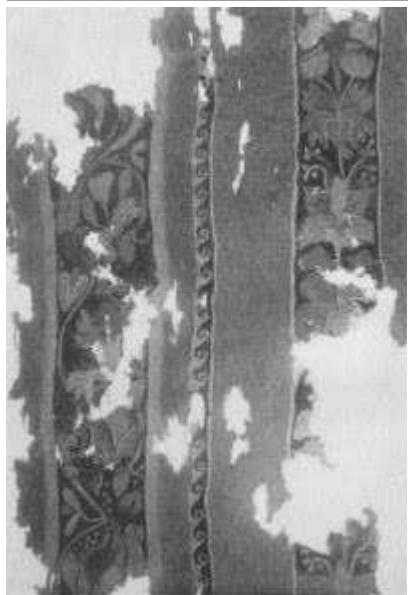

▲ Табл. LXVI. Деталь вышивки на настенной драпировке. Курган №6. Ноин-Ула (2/3 нат.вел.).

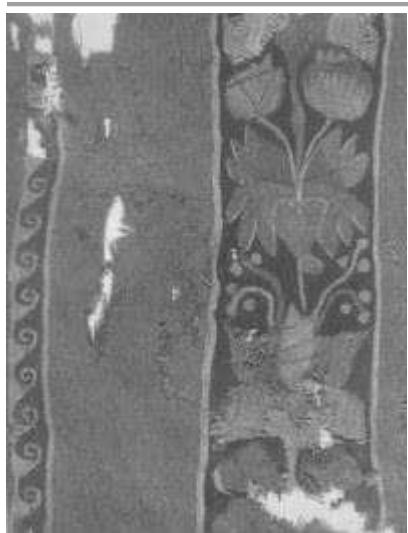

▲ Табл. LXVII. 1 — львиный грифон и цветок. Деталь вышивки на настенной драпировке. Курган №6. Ноин-Ула; 2 — львиный грифон. Деталь вышивки на настенной драпировке. (201/202)
Курган №6. Ноин-Ула; 3 — младенец-воин в цветке. Деталь вышивки на настенной драпировке. Курган №6. Ноин-Ула.

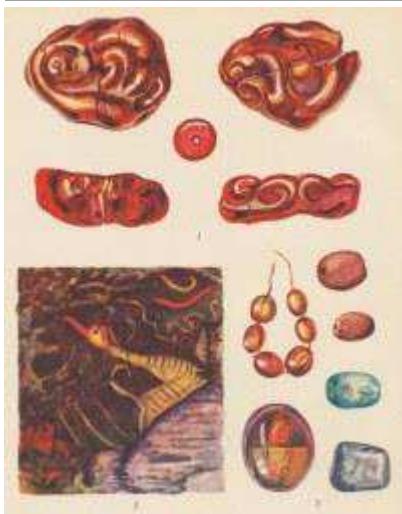
▲ Табл. LXVIII. Гобеленовая узорная ткань. Кондратьевский курган.
Ноин-Ула (1/3 нат.вел.).

▲ Табл. LXIX. Деталь узорной гобеленовой ткани. Кондратьевский
курган. Ноин-Ула (4/5 нат.вел.).

▲ Табл. LXX. 1 — лобная часть мехового головного убора. Курган №6.
Ноин-Ула; 2 — войлочная узорная подметка мягкой обуви. Курган №6.
Ноин-Ула (2/3 нат.вел.).

▲ Табл. LXXI. 1-2 — бусы из курганов №24 и 25. Ноин-Ула; изображение летящего гуся на дне гроба. Курган №1. Ноин-Ула (нат.вел.).

▲ Табл. LXXII. 1 — «Протобархат». Покрытие луки выючного седла. Курган №6. Ноин-Ула; 2 — борьба яка с «рогатым львом». Деталь вышивки на войлочном ковре. Курган №25. Ноин-Ула (1/2 нат.вел.).

▲ Табл. LXXIII. Деталь вышивки на gobеленовой ткани. Курган №6. Ноин-Ула (3/4 нат.вел.).